ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ АССОЦИАЦИИ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА

РУССКОЕ ПОЛЕ

№2(21)

2018

ВЫХОДИТ С 2010 ГОДА

ЖУРНАЛ ВЫПУСКАЕТСЯ ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
ПОСОЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА
РОССИЙСКОГО ЦЕНТРА НАУКИ И КУЛЬТУРЫ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА

НАСТОЯЩИЙ НОМЕР ИЗДАН ПРИ СОДЕЙСТВИИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ПРИДНЕСТРОВЬЯ

СОДЕРЖАНИЕ

2018 - год Штефана чел Маре, 90 лет Иону Друцэ

Валериу Реницэ. Великий Штефан и «невеликий» Друцэ 3

ИНФО - поле АРП РМ

Пушкинская энергетика. О Международном фестивале русской литературы в Молдове «Пушкинская горка»-V. Итернет-издание «СТОЛЕТИЕ» 6

Пётр Михайлов. Трилогия души, слова и времени. Молдавские авторы – в журнале «Веси» (Екатеринбург) 14

Пушкинская горка

Александра Юнко. «Бог продышал окошечко ко мне…». Последняя подборка стихотворений 16

Звезда над полем

«Да, остаются книги и мосты…». ***Анатолий Лабунский, Виктор Голков, Валерий Кожушнян, Сергей Пагын, Наталья Новохатняя, Эд Побужанский*** – памяти Александры Юнко 21

И. С. ТУРГЕНЕВУ-200 лет

Михаил Лупашко. «Русский европеец» 30

Мост

Олеся Рудягина. Как покоряется сталь. Публицистика 35

Casa mare

Арина Обух. Выгуливание молодого вина. Рассказы 45

Живой родник

Нелли Торня. Требуются крылья. Очерк 54

Первые всходы

Ирина Дробот. Декорации к спектаклю. Рассказы 69

Победители Турнира молодых поэтов фестиваля «Пушкинская Горка»-V. ***Павел Сушко, Алексей Захарчук, Татьяна Волошина-Орлова.*** Стихи 78

Станислав Минаков. «Слушайте революцию» 88

Наталья Столыпина-Вольсдорфер. «Всё вернётся…». Отрывок из романа 103

Андрей Бурак: «В книгах мы черпаем мудрость». Перевод 122

Олеся Николаева. Восхождение 128

Маргарита Арсеньева. Хронопоклонник (К 80-летию со дня рождения Юрия Грекова) 137

Стэф Садовников. Любви вращается веретено... 142
Виктор Боршевич. Бельцкий Шагал 148

Александр Кожухарь. Сказки из реальной жизни. Сатира..... 151

Редакция литературно-художественного и публицистического журнала «Русское поле» выражает сердечную благодарность предпринимателям Российской Федерации и Приднестровья за финансовую и духовную поддержку.

Учредитель и главный редактор: *Олеся Рудягина*
Редколлегия: *Сергей Пагын, Татьяна Орлова-Волошина, Виктория Алесенкова, Марина Сычёва.*
Литературный редактор и корректор: *Нелли Торня*
Художник: *Сергей Сулин*
Вёрстка: *Людмила Ильина*

E-mail: russkoepole-md@mail.ru
ISSN 1857-1301

Мнение редакции может не совпадать с мнением автора.

Перепечатка материалов – только с разрешения редакции журнала «Русское поле».

© Русское поле, 2018

ПОЛЕ ЗРЕНИЯ

ВАЛЕРИУ РЕНИЦЭ

ВЕЛИКИЙ ШТЕФАН И «НЕВЕЛИКИЙ» ДРУЦЭ

Две славные легенды Царя и Поэта становятся отображением Молдовы, когда свет мировой истории вновь падает на наш загадочный балканский край: окружённая аурой средневековья легенда господаря Штефана III Великого (Ştefan cel Mare) и выявленная в сумерках наших дней живая легенда писателя Иона Друцэ. Не правда ли, для приверженцев молдавской государственности известный исторический персонаж и наш культурный современник были спутниками сомнений и раздумий все эти годы, отмеченные советской перестройкой и событиями сугубо национального характера на главной площади страны? Время становления или, точнее, выживания молдаван как нации и государства искало выражения в символическом мече господаря, то есть в достойном прошлом, и в обдуманном слове, свидетельствующем о настоящем.

Проспект Ленина давно переименован в Штефана, как фамильярно называют великого предка его земляки, молдавский господарь занял своё место в учебниках истории, может быть, не совсем по рангу его мирных и ратных подвигов, потому что и учебники сегодня не те... А именем Друцэ, наоборот, не названа, по новой моде увековечивания при жизни, ни одна школа, ни одно культурное заведение, ни даже самая последняя деревенская улица (результат скромности и здравомыслия писателя). Друцэ занял почётное место рядом с легендарной исторической фигурой вопреки смутному времени, когда книги и литературный процесс стали быстро обесцениваться.

Все эти годы Штефан продолжал бронзоветь: списанные с его жизни доводы и дела в пользу нашей самобытности и самостоятельности подавались, словно апокрифы, с пафосом и налётом святости. Друцэ, напротив, отчуждался, вернее, писателя отчуждали, его всё меньше слушали, с завистью продолжая посмеиваться за его спиной. Подчёркивали, что он приезжает из своей Москвы с макиавеллевскими посланиями от «старших братьев», хотя, откровенно говоря, впечатление от его редких появлений в молдавской столице – как от странника или монаха. Помню, как в конце 80-х, когда Союз писателей Молдавии стал сценой ораторского искусства, он удивил, обронив на встрече с читателями сакраментальное: надобно бы нам для мудрости принять обет молчания.

Царь и Поэт задали (мало, кто с этим поспорит) меру нашему времени, в нашей памяти они останутся в первую очередь мерилом мудрости эпохи, примером и пределом самопожертвования своему народу. Они стали нашими кумирами, потому что их глубоко обоснованное с философской точки зрения величие можно

объяснить простыми, близкими народу понятиями. Поскольку величие и героизм – это широко освоенное коллективным сознанием особое отношение личности к народу, народному характеру. Например, в нашем случае отношение и господаря, и писателя к пресловутой доброте как к признанной отличительной черте молдаван.

Летописцы описывали чувство ярости и импульсивные выходки воеводы Штефана, которые заканчивались казнью едва провинившихся поданных. Нам знакомы «нетолерантные» призывы господаря беспощадно бить политических и религиозных врагов молодого Молдавского государства. Доброта доброте рознь. Царя помнят и чтят как защитника Родины. Пусть молдавские и турецкие научные источники противоречивы, когда речь идёт о победах Штефана, но безошибочны настроения молдаван, увековеченные в народных стихах, воспевающих его доблесть и готовность отдать жизнь за родную землю: «Храбрым вырасти, любимый, /Как Штефан, непобедимый. /На войне врагов руби, /Родину оборони…».

У Друцэ доброта – это бремя, долг. Долг перед близкими и родной землёй, из которого вытекает долг добрососедства и гостеприимства. Это бремя больно давит вдали от родины, а Друцэ уже почти полвека не может отменить свой статус «ссыльного», точнее, «внутреннего эмигранта». Не преувеличиваем ли мы свой долг совести до предела, когда он становится опасным для национального интереса? – спрашивал писатель сородичей в своих ранних произведениях. Смутные времена и жёсткие межэтнические споры, которые, к сожалению, не обошли Молдову, поставили под большое сомнение эту глубоко христианскую черту молдаван, под которой «психологический эксперт» из Хородиште поставил чёткую метрологическую метку. Время подумать, наставляет нас писатель в своих последних выступлениях, чего в нас, молдаванах, больше: царской, поэтически воспетой или простой доброты?

Говорят, что споры молдаван о языке привели их к бедности, настолько сильно они затмили социальные и экономические проблемы страны. Но, с другой стороны, выглядели бы молдаване умнее, если бы отбросили острый вопрос идентичности на обочину и спорили о бедности? Так на каком же языке, зачастую спрашивают профессиональные полемисты, говорил Штефан: на молдавском или румынском? Вопрос не праздный и он не только о прошлом. Когда об этом спрашивают унионисты, они подразумевают, что молдавский говор, которым с незапамятных времён пользуются жители Молдовы, не эволюционировал и не имеет право называться литературным, как румынский; а то, что язык канцелярии Штефана был старославянским, – случайность, не более, которой сегодня не следует уделять особое внимание.

Друцэ по-своему ответил на спекуляции вокруг языка. Он сказал, что молдавский является «праматерью» румынского литературного языка. Не стоит забывать, что с появлением нового государства Румыния в 1859 году, то есть ровно на пять веков позже образования государства Молдова, румынский язык ещё «не придумали», а молдавский был вполне функционален и чуть было не стал государственным для Бухареста. Обещанный статус даже использовали в качестве политической приманки для скептиков объединения. Друцэ не оспаривает тот факт, что за Прутом после 1812 года у нашего языка была более естественная среда развития. Но вместе с тем даёт чётко понять, возвышаясь над полемикой и не противясь научным выводам лингвистов, что молдаване вправе называть свой

язык молдавским, исходя из традиции, внутреннего чувства собственного достоинства и, не в последнюю очередь, по критерию политической необходимости.

Автор назначил встречу лицом к лицу с почитаемым им историческим и литературным героем Штефаном на страницах своей повести «Clopotinţa» («Колокольня», «Запах спелой айвы»). Господарь отозвался на приглашение и явился к часовне, как тень отца Гамлета. Самые мучительные, пожалуй, вопросы сочинений Друцэ сводятся к следующему: может ли человек выжить в современных условиях, сохраняя веру в Христа; можно ли, руководствуясь христианскими заповедями, вести сложную борьбу с собой, быть в ладу с ближними и, наконец, сохранить свою внутреннюю свободу, противопоставляя себя насилию, изощрённым орудиям государства? Когда-то Штефан дал свой дерзкий, простой, но, тем не менее, понятный для его времени ответ. Он мечом защитил свою страну и Балканы от врагов христианства, получив вместе с пустыми обещаниями лукавого Ватикана о помощи титул «Athleta Christi» («борец Христа»). На вопрос, не слишком ли много крови им было пролито для возведения в лик святого, у православной церкви есть свой аргументированный ответ.

Неужели, спрашивает одна из литературных героинь повести «Clopotinţa», эта тёмная кофточка с белыми кармашками, в которую она сегодня нарядилась, может стать достоянием истории? В этом наивном вопросе школьницы выражена мера достоинства малого народа, дан положительный ответ на вопрос, мучающий нас в последнее время: осталось ли ещё место для молдаван в мировой истории?

Этой осенью Ион Друцэ праздновал своё 90-летие, а 2018 год был объявлен президентским указом Годом Штефана Великого и Святого, годом сохранения молдавской государственности и единения народа. В то время, когда Штефан взошёл на престол, Молдова была так же разорена и разрознена, как и сегодня, но Господарь сумел сделать её сильной страной.

Заслуги этих двух выдающихся личностей настолько очевидны, а их материальные и духовные творения оказались настолько полезны для Молдовы, что можно спросить любого в стране – школьника или взрослого, не сомневаясь в правильности ответа: сколько монастырей воздвиг Штефан Великий или кто написал «Бремя нашей доброты»? Что примечательно, и Штефан, и Друцэ органично вписались не только в молдавскую, но и в русскую культуру. Штефан ценил и хранил верность родственным связям с Московским княжеством, развивал отношения с великим восточным соседом, понимая, выражаясь современным языком, их геополитическую перспективу. Говоря о сочинениях Иона Друцэ, литературные критики прежде всего отмечают в них сохранение лучших традиций русской словесности и называют автора живой легендой советской литературы.

Валериу РЕНИЦЭ – журналист, переводчик, сценарист. Родился в 1959 году в селе Хоржешть Котовского, ныне Хынчештского района. Окончил филологический факультет Кишинёвского государственного университета, Курсы переводчиков в Риге при Союзе писателей Латвии; факультет журналистики Международного независимого университета Молдовы.

Публиковались переводы рассказов с латышского на молдавский в журнале «Femeia Moldovei»; рассказы «Визиты вежливости», «Уроки этики» – в сборнике «Dintre sute de catarge», «Литература артистикэ». Автор рассказов: «Взятка Богу», «Типокарт Принт», «Игра-мечта», «Картиер». Перу Валериу Реницэ принадлежит роман «XXI хромосома». Он – дипломант Международного конкурса «Лучшая книга года» (Берлин, 2018).

ПУШКИНСКАЯ ЭНЕРГЕТИКА

В Молдавии прошёл международный фестиваль русской литературы

Знаете ли вы, что «ведомства государственной коллегии иностранных дел коллежский секретарь Александр Пушкин», отправленный по указу Александра I в Бессарабию «по надобностям службы к главному попечителю колонистов Южного края России, губернатору генерал-лейтенанту Инзову», прибыл в Кишинёв 21 сентября 1820 года? Что там, на юге, его ждали четыре яркие творческие весны, что там он написал или начал 220 произведений, в частности, целиком «Цыганы», «К Чаадаеву», 16 строф первой главы «Евгения Онегина» и многое другое? И я не знал, пока не прибыл на благодатную, воистину райскую землю Молдавии. Где меня и вразумили, и просветили, и, гордясь своей родиной и её причастностью к великому Пушкину, всё подробно рассказали, провели по пушкинским местам и музеям, подвели с цветами ко всем пушкинским памятникам, а их только в Кишинёве два, и оба очень красивы.

Кишинёв – воистину одно из мест нашей общекультурной силы. Впечатление от него – ностальгическое, хотя я прежде в нём не бывал. Однако общее внешнее обаяние города, а, может, и памятная песня Евгения Доги на слова Владимира Лазарева, создают (звучащим по кругу в мозгу голосом Софии Ротару: «Мой белый город, ты – цветок из камня, омытый добрым солнечным дождём…») иллюзию, что ты попадаешь, скажем, в 1980-е или даже в 1970-е годы, когда была единая страна, когда дружба народов была не только декларируемой, но и реальной. Иллюзия нынче отчасти развеивается, когда начинаешь вглядываться в афиши, баннеры, вывески: на русском языке их почти нет, все на молдавском. И общественный транспорт функционирует исключительно «в молдавском регистре», хотя пассажиры пока ещё легко общаются друг с другом по-русски или переходя на язык собеседника.

И более того: вместе с названиями остановок в троллейбусах звучат исторические справки, касающиеся именно «румынской истории». Маховик румыни-

зации набирает свои обороты: и в школах детвору учат не молдавскому, а румынскому языку, не Истории родной Молдовы, а «Истории румын».

Языки-то во многом идентичны, но главное – наименование языка. Так продавливается в реальность теория так называемой унири, объединения Румынии и Молдовы.

Первым местом короткого жительства Александра Сергеевича в Кишинёве был дом купца Наумова – небольшой домик из трёх комнат с кухней и сенями. Открытие музея состоялось ещё в далёком 1948 году. А в 1987-м после реставрационных работ здесь был создан музейный комплекс – Дом-музей А. С. Пушкина и сквер, где поставлен памятник поэту работы Михаила Аникушина – красивая голова двадцатилетнего поэта.

В центре Кишинёва, в парке, прежде носившем имя Пушкина, а ныне, разумеется, Штефана Великого, недалеко от фонтана расположен ещё один прекрасный памятник поэту, на тыльной стороне его высечено: «Здесь лирой северной пустыни оглашая, скитался я… 1820, 1821, 1822, 1823 гг.». Этот памятник, открытый в 1885 году, является уменьшенной копией верхней части опекушинской статуи, установленной в центре Москвы на Тверском бульваре. И кишинёвская гранитная колонна с пьедесталом тоже выполнена скульптором Александром Опекушиным.

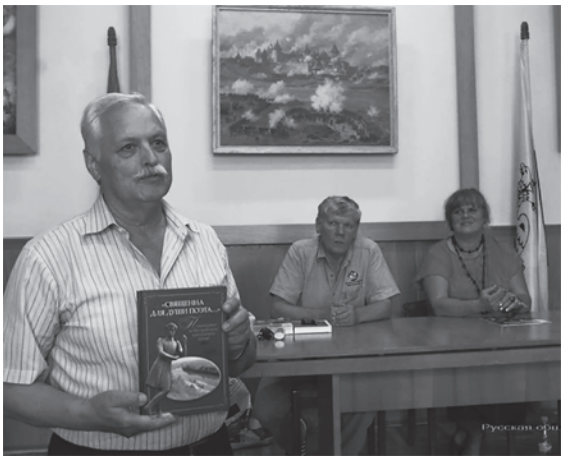
Открытие Пятого фестиваля русской литературы в Молдове «Пушкинская горка». На сцене: руководитель РЦНК в Молдове Михаил Давыдов, поэты Виктор Кирюшин, Светлана Василенко, Олеся Рудягина

А Пушкинской горкой называется теперь не только район в старом центре молдавской столицы, но и международный фестиваль русской литературы, который организовала и проводит Ассоциация русских писателей Республики Молдова (глава Олеся Рудягина) при поддержке Российского центра науки и культуры (руководитель Михаил Давыдов, кото-

Гостей фестиваля встречают в Белорусском культурном центре Молдовы – Посол Беларуси в РМ Сергей Чичук, руководитель центра Анна Бабин и глава РЦНК Михаил Давыдов

рый активно участвовал в работе форума, опекал его; в сущности, в нынешнем формате фестиваль состоялся благодаря этому молодому активному человеку) и Белорусского культурного центра в Молдове (руководитель Анна Бабина, она же генеральный директор молдо-белорусского предприятия Keramin).

В этом году трёхдневный фестиваль «Пушкинская горка» прошёл в пятый раз. Однако впервые он был приурочен к дате приезда Пушкина в Кишинёв, совпадающей с праздником Рождества Богородицы.



О своих научных изысканиях рассказывает пушкинист Виктор Кушниренко

Стихи читает Павел Полищук

Гостями фестиваля от России стали восемь литераторов: четверо москвичей – председатель Союза российских писателей прозаик и поэт Светлана Василенко, секретарь Союза писателей России поэт Виктор Кирюшин, главный редактор «Общеписательской литературной газеты» поэт, прозаик, драматург, сценарист Владимир Фёдоров, заместитель главного редактора журнала «Юность» прозаик Игорь Михайлов, а также автор этих строк; из Беларуси прибыли поэтесса Валентина Поликанина и куратор фестиваля «Славянская лира» Олег Зайцев; а поэт из Одессы, председатель Южнорусского союза писателей Сергей Главацкий представлял как главред журнал «Южное сияние» и фестиваль «Провинция у моря».

Как и предполагала руководитель фестиваля «Пушкинская горка», редактор и издатель литературного журнала «Русское поле» поэт Олеся Рудягина, в рамках форума состоялось представление изданий, выходящих в России, Беларуси и на Украине на русском языке. Гости привезли свои книги, журналы и альманахи в подарок РЦНК, библиотекам Молдовы, коллегам, любителям русской словесности.

Памятной и добросердечной стала встреча в Российском центре науки и культуры. Состоялась и беседа о сохранении пушкинских традиций в русской литературе.

Дело в том, что несмотря на бум коммуникативных технологий в современном литературном процессе в значительной мере утрачена тонкая среда, эфир, в котором распространяются культурные волны. И такие фестивали в известном смысле способствуют возрождению этой среды. Благодаря активной деятельности Олеси Рудягиной, в Кишинёв стягиваются, как в некую общую гравита-

ционную точку, литературные пространства из Белоруссии, России, Украины. Для литераторов расширяется спектр публикационных возможностей, включая географические. Визиты известных писателей также дают возможность молдавским любителям русской словесности шире познакомиться с палитрой современной русскоязычной литературы. И гостям приятно и интересно пообщаться со здешними писателями и читателями.

* * *

Далеко не всё безоблачно в Молдавии с «русской темой» и с памятью о Пушкине. С одной стороны, в Кишинёве живёт замечательный пушкиновед Виктор Кушниренко, автор множества потрясающих изысканий и книг о бессарабском периоде поэта, получивший от Владимира Путина Пушкинскую медаль за заслуги перед русской культурой. С другой – очень красивый памятник Пушкину в городе Фалешты в конце минувшего года был обезглавлен неизвестными. Кто бы ни был вандалом, но это кто-то из тех же сил, что активно мешают нынешнему президенту Молдавии Игорю Додону строить продуктивные взаимовыгодные и добрососедские отношения с Российской Федерацией.

Когда мы прибыли в Приднестровье, в Бендеры, то на прекрасном пушкинском памятнике (скульптор – М. Альтшуллер, архитекторы – Ф. Казаку, А. Дороганич, 1980), увидели следы от автоматных очередей. Это был расстрел Пушкина в 1992 году, во время приднестровско-молдавского конфликта. Эти раны за четверть века уврачевались лишь отчасти.

В тот день, 22 сентября, участники фестиваля посетили старинную крепость в Бендерах, а также открыли передвижную выставку Товарищества русских художников Молдовы «М-АРТ».

Крепость – знаменитая, построенная на правом берегу Днестра в XVI веке турками, к её взятиям (порой бескровным!) и усилению в разное время причастны наши прославленные военачальники Суворов, Кутузов, Барклай-де-Толли,

Участники фестиваля у стен древней Бендерской крепости

Кульнев, Панин, Потёмкин-Таврический, Мейендорф, Тотлебен и другие. Они увековечены тут в прекрасных бюстовых портретах на Аллее славы русских полководцев. Нельзя не отметить и памятник знаменитой Конституции Пылыпа Орлика, установленный у стен крепости в виде раскрытой гранитной книги – как уверяют, первой европейской конституции; написана она была именно здесь. Ну и эстетически чудесен бюст писателю Ивану Котляревскому, подлинному классику малороссийской литературы. Высокий монумент эффектно возвышается, унося в днестровские дали каменный взгляд литератора.

На передвижной выставке Товарищества русских художников Молдовы "М-АРТ" (руководитель Сергей Сулин)

К малороссийской теме добавим, что в 1709 году в Бендерах скончался украинский гетман Иван Мазепа, бежавший сюда вместе со шведским королём Карлом XII после поражения в Полтавской битве. В 1713 году в Бендерах произошла битва между войсками Карла XII и турками, которые сначала предоставили ему и Мазепе убежище, а потом попытались взять в заложники.

В Бендерской крепости и храме бывали и Государи Дома Романовых. В 1828 году – Николай I со своей семьёй, а в 1877-м – Александр II. 9 мая 1916 года – Николай II, вместе с супругой Александрой Фёдоровной, цесаревичем Алексеем и четырьмя дочерями.

Рядом с крепостью к 2011 году возведён храм в честь святого благоверного князя Александра Невского, с чудесным памятником, освящённым Патриархом Московским и всея Руси Кириллом в сентябре 2013 года. Предстоятель Русской церкви в память о своём визите подарил храму образ Богоматери «Споручница грешных».

Хочется верить, что и память этих высоких гостей тут будет увековечена.

Говорят и пишут, а также думают в Приднестровье – преимущественно на русском. И дружно живут здесь русские, малороссы, молдаване – три государственных языка!

Наибольшее оживление посетителей крепости в Бендерах вызывает памятник барону Карлу Фридриху Иерониму Мюнхгаузену, который в XVIII веке служил тут ротмистром Российской Императорской армии, и похоронить себя завещал в русском мундире. Рядом с его бюстом установлено большое стилизованное ядро, как говорится, «то самое, на котором он летал во время осады крепости русским войском, пересев потом на турецкое и вернувшись в расположение своей армии». Русский воин, однако!

В историко-краеведческом музее Бендер состоялась тёплая встреча гостей с писателями и поэтами, проживающими на левом берегу Днестра, организован-

ная и проведённая Союзом писателей Приднестровья (председатель Валерий Кожушнян). Приятным для меня сюрпризом было выступление на этом чтении поэта Сергея Пагына – журналиста и филолога из северомолдавского города Единцы. Прежде я знал его только по публикациям.

Вечером участников и гостей фестиваля гостеприимно принимал Белорусский культурный центр в Кишинёве. Тут состоялась встреча участников музыкально-поэтического вечера «Славянские ручьи», посвящённая памяти Пушкина. Собравшиеся получили возможность общения с почитателями пушкинского гения, представителями местных национальных диаспор. Здесь всех тепло приветствовал Чрезвычайный и Полномочный посол Беларуси в Молдове Сергей Чичук, который подчеркнул: «Пушкин оставил глубокий след на земле Молдовы, в душах и сердцах людей этой многонациональной страны».

О любви к поэту, возможности в трудный и светлый час ощутить с именем Пушкина чувство национальной гордости и достоинства, героическое прошлое каждого народа говорили здесь российские, молдавские, белорусские, украинские поэты, журналисты, литераторы, музыканты, кинематографисты. Звучали стихи, а также песни на русском, молдавском, белорусском, украинском языках.

* * *

«Любые места, связанные с именем Пушкина, обладают особенной энергетикой для людей, которые Пушкина любят. Всякий раз, когда приезжаешь туда, где бывал поэт, возникает ощущение, что он где-то рядом», – заметил Виктор Кирюшин.

Усадьба молдавского боярина Замфира Ралли в селе Долна Страшенского района – совершенно изумительное место, какое-то совсем уж райское, из которого не хочется уходить. Мягкий сентябрьский свет проливается на холмы, дома, деревья, кусты, и хочется если и не остаться насовсем, но подольше задержаться в этом южном осеннем сфумато. Можно было даже собирать в усадьбе нападавшие грецкие орехи (всем хватило!), а также крупный кизил с двухсотлетнего куста, под которым, как уверяет пушкинист Кушниренко, сидела та самая цыганка Земфира, скрывавшаяся от Пушкина в своём таборе. В Кодрах рядом с Долной расположены «Источник Земфиры» и «Поляна Земфиры», где поэт некоторое время жил в цыганском таборе, что вдохновило его на создание поэмы «Цыганы».

Награждение лауреатов «Пушкинской горки» в Долне. На снимке: Виктор Кирюшин, Диана Жалбэ, Станислав Минаков, Валентина Поликанина.

Олеся Рудягина: «С цветами – к Пушкину!»

В этой усадьбе в октябре 1964 года был открыт филиал кишинёвского пушкинского Дома-музея. Экспозиция включает историко-бытовой и литературно-исторический разделы и рассказывает о семействе Ралли, о посещении А.С. Пушкиным села Долна между 28 июля и 20 августа 1821 года. На территории усадьбы в 1972 году установлен изумительный памятник поэту работы скульптора Олега Комова (копия этого монумента находится в столице Испании, Мадриде). Ежегодно в день рождения поэта здесь проводятся республиканские праздники пушкинской поэзии.

23 сентября сюда прибыли участники фестиваля «Пушкинская горка» – поклониться памяти Пушкина и здесь возложить цветы, посетить музей, провести мастер-классы по прозе и поэзии, литературный турнир.

Лауреатами второй и третьей премий, соответственно, в турнире чтецов стали старшеклассники кишинёвского лицея им. Н.В. Гоголя Эльдар Багдасаров, ярко прочитавший стихотворение Пушкина «Клеветникам России», а также Иван Ланецкий, исполнивший «Письмо Онегина к Татьяне».

В турнире молодых поэтов первые места заняли Павел Сушко (Дмитров, Россия), Алексей Захарчук (Тирасполь, Приднестровье), Татьяна Волошина-Орлова (Кишинёв) и Павел Полищук (Бельцы, Молдова). Поощрительные грамоты участников получили Виктор Грабко и Александра Жиркова (Приднестровье).

В тот же день литературно-музыкальный вечер «Святое дружбы торжество» стал торжественным закрытием V Международного фестиваля русской литературы в Молдове «Пушкинская горка». Прошёл он в Малом зале Национальной филармонии им. Сергея Лункевича. В нём наряду с поэтами-гостями и кишинёвскими литераторами Натальей Новохатней, Натальей Родиной, Дмитрием Николаевым и другими приняли участие певцы и инструменталисты – народные артисты Республики Молдова Лилия Шоломей и Михаил Сечкин, а также Юрий Портных, бард Борис Амамбаев, хоровая студия «Рапсодия» (руководитель Наталья Барабанщикова), учащиеся лицея им. Сергея Рахманинова. Разумеется, ключевыми авторами исполнявшихся музыкальных произведений в этот вечер были Пушкин, Глинка, Чайковский, Рахманинов.

Сердечные слова благодарности в адрес гостей произнесли заместитель руководителя Представительства Россотрудничества в Республике Молдова и директора РЦНК Наталья Сапожникова, а также председатель Русской общины Республики Молдова Людмила Лащёнова (к слову, кавалер ордена Дружбы народов Российской Федерации!).

Одно из самых ярких впечатлений у меня осталось от личности 24-летней девушки Дианы Жалбэ, которая, несмотря на ограниченные физические возможности, стала магистром в области перевода и известна в кишинёвских литературных кругах как переводчик поэзии с русского на молдавский и с молдавского на русский.

Этим летом девушка заняла второе место в конкурсе переводчиков «Свеча толмача» Международного фестиваля «Эмигрантская лира» (Льеж, Бельгия). Диана победила и у нас на «Пушкинской горке» в конкурсе чтецов, весьма эмоционально и содержательно прочитав на память письмо Татьяны Онегину сначала в оригинале, потом в своём переводе. А в филармонии она очень выразительно прочитала стихотворение Веры Инбер 1943-го года, весьма символичное, вполне переносимое и на наши дни.

От бомбы дрогнули в окне
Стропила мирной комнатушки,
А человек стоял в окне,
А человек взывал: «Ко мне!
Тут книги у меня. Тут Пушкин!»
Ему кричали: «Выходи!»,
Но книг оставить не хотел он,
И крепко прижимал к груди
Он томик полуобгорелый.
Когда ж произошёл обвал,
И рухнул человек при этом,
То и тогда он прижимал
К груди создание поэта.
В больнице долго он без сил,
Лежал, как мёртвый, на подушке.
И первое, что он спросил,
Придя в сознание: «А Пушкин?»
И голос друга, поспешив,
Ему ответил: «Пушкин жив».

А пока жив Пушкин, жива и нерушима наша общность, которую невозможно разорвать никакими границами, ибо выстроена она не на земле...

Станислав МИНАКОВ,
поэт, переводчик, публицист

Фото Сергея Сулина, Натальи Родины, Елены Раду, Оксаны Сергеевой, автора.

(Интернет-газета «СТОЛЕТИЕ», информационно-аналитическое издание Фонда исторической перспективы, 4 октября 2018 года)

ТРИЛОГИЯ ДУШИ, СЛОВА И ВРЕМЕНИ

Уникальное событие в литературно-журнальной жизни России и Молдовы

Заметно выделяясь своим содержанием и великолепной полиграфией из среды многих столичных и периферийных отечественных литературно-публицистических журналов, Екатеринбургский международный литературно-художественный, историко-краеведческий журнал «Веси» издательства «Банк культурной информации», патронируемый ЮНЕСКО, пользуется заслуженной популярностью. Он широко распространяется не только в России, но и во многих странах мира, по городам и весям, чему в полной мере соответствует само его название.

Особенностью этого издания, возглавляемого талантливым журналистом и редактором Татьяной Богиной, является живой интерес к самым насущным проблемам современности: истории, искусству, краеведению, литературе, культуре и науке не только своего региона и всея России, но дальнего и ближнего зарубежья. Так, например, один из интереснейших номеров был посвящён писателям Чехии, пишущим по-русски. Ещё одна редкая особенность этого журнала – бесплатная публикация и раздача номеров каждому автору.

И вот совсем недавно три великолепных номера – 7-й, 8-й и 9-й – были заполнены произведениями прозаиков, ранее живших и ныне живущих в Молдове. Это замечательное событие произошло благодаря придуманному уникальному проекту Татьяны Богиной, цель которого: в эпоху полного расторжения межнациональных дружеских связей познакомить своих читателей с целым пластом современной прозы писателей, пишущих по-русски и не утративших любви к Молдавии.

Татьяна пригласила себе в помощь художника и литератора Стефана Садовникова, некогда жителя Кишинёва, и они вдвоём провели колоссальную работу по сбору произведений авторов, раскиданных ныне по всему свету – от Бельц, Глодян, Тараклии, Тирасполя, Кишинёва и Одессы – до Санкт-Петербурга, Москвы, Германии, Голландии, Израиля, США и Канады.

Здесь нельзя не отметить председателя Ассоциации русских писателей Республики Молдова Олесю Рудягину, а также поэтессу Александру Юнко, которые с радостью откликнулись на просьбу Садовникова помочь в подборе авторов для публикации в трёх номерах журнала «Веси», многие из которых состоят в творческой организации АРП РМ.

Несмотря на то что все авторы разного возраста, разных национальностей, профессий и конфессий, разных художественных взглядов и концепций, их всех, несомненно, объединяет одно – неистребимая любовь к Слову, к родному Русскому языку, которому они верны и которым, по существу, дышат. И в этом слове порой сквозит переживание невыразимого чувства себяпонимания, ощущение щемящего одиночества в этом непростом мире. Отсюда и широта творческих интересов писателей, раскрывающая, как острые социально-политические сюжеты, связанные с их прошлой или настоящей жизнью в Молдавии, так и осмысление, и описание современных реалий, с которыми сталкиваются герои произведений, где бы они не проживали. И во многих произведениях авторов, волей или неволей, так и сквозят непростые ностальгические воспоминания о своём тёплом крае, в котором родились, либо прожили долгую жизнь.

Рассказы, очерки, отрывки из повестей и романов почти пятидесяти авторов украсили три полновесных номера журнала, прекрасно дополненных графическими, живописными и скульптурными иллюстрациями художников Григория Потоцкого и Стефана Садовникова. Отметим, что в 11 и 12 номерах прошлого года журнал «Веси», опубликовал произведения двух замечательных художников – Юрия Хоровского и Михаила Бруня.

Среди тех, кто удостоился почётной публикации, – известные и менее известные литераторы. Это кишинёвцы и бывшие жители Молдовы: Сергей Белкин, Олеся Рудягина, Олег Панфил, Михаил Поторак, Олег Краснов, Катя Капович, Артур Аристакисян, Виктор Сундеев, Александра Юнко, Ляля Черткова, Борис Клетинич, Андрей Ростовцев, Александр Фрадис, Ирина Вишневская, Елена Данченко, Денис Башкиров, Анатолий Лабунский, Нисель Бродичанский, Татьяна Волошина-Орлова, Владимир Лорченков, Иван Таукчи, братья Булгак Олег и Андрей, Георгий Каюров, Стефан Садовников, Дмитрий Попозогло. Бельчане и бывшие жители города: Владимир Марфин, Борис Сандлер, Михаил Местер, Александр Либуркин, Николай Чернецкий, Инна Симхович, Мария Веселовская-Томаш, Симон Дубовиков, Менахем Вайнбойм, Виктор Панько, Александр Сойфер.

После выпуска тиража главный редактор журнала Татьяна Богина обратилась к послу Республики Молдова в Российской Федерации Андрею Негуца и его помощнице, второму секретарю посольства Татьяне Танасогло с предложением провести презентацию этих номеров журнала на территории посольства, её предложение было с энтузиазмом принято. И 29 ноября 2017 года, в присутствии многочисленных гостей и почитателей авторов, кровно связанных с Молдовой, и с участием посла, выступившего с зажигательной речью, была проведена презентация журнала.

На презентацию пригласили известных медийных личностей: это замечательная скрипачка, уроженка Молдовы, Анжела Яцко, артист театра и кино, известный по знаменитому сериалу «Цыган», бард и поэт Алексей Никульников, а также бывший бельчанин Юрий Удалов – известный оперный певец, более 40 лет выступавший на сцене Большого театра.

Следует особо отметить, что журнал «Веси» сделал то, чего никогда ещё, ни во времена СССР, ни в новые времена России, не сделал ни один русский (советский) журнал – опубликовал на своих страницах произведения стольких прозаиков, так или иначе, имеющих отношение к Молдавии, создав тем самым определённую трилогию души, слова и времени, ставшую уникальным литературным проектом на российском и международном уровне.

Вдохновлённые успехом и тем резонансом, которое вызвало это знаменательное событие не только на Урале, но в Москве и в Кишинёве, главный редактор и издатели журнала «Веси» надеются один из номеров будущего года посвятить русским и национальным поэтам Молдовы.

Татьяна Богина как-то сказала: «Журнал путешествует и выполняет очень важную миссию – он знакомит читателей с новыми авторами из разных стран, с их народами и традициями».

Хочется надеяться, что это путешествие будет ещё долго продолжаться!

Пётр МИХАЙЛОВ, *художник, литератор*

ПОЭЗИЯ

Пушкинская горка

АЛЕКСАНДРА ЮНКО

«БОГ ПРОДЫШАЛ ОКОШЕЧКО КО МНЕ...»

Перед тобою, читатель, последняя подборка стихотворений Александры Юнко, подготовленная ею самой специально для журнала «Русское поле».

* * *

Плоть земную хвори гложут, и душе уже пора…
На лице теперь не кожа, а древесная кора.
Неумолчный древоточец мнёт морщинами чело,
азбукой тире и точек пишет письма набело.
Давней юности начало стало полночью глухой,
всё, что пело и сверкало, осыпается трухой.
Но свежее ветер веет с каждой новою весной,
и приветственная ветка зеленеет надо мной.

* * *

Встать пораньше бы, до рассвета,
обернуться до жгучих лучей,
до убийственно жаркого лета
с каждым часом ещё горячей.

Уложиться бы в срок – до геенны,
уносящей в бездонную печь.
Этим светом, прекрасным и тленным,
насладиться бы прежде, чем лечь.

И покуда в глазах не померкло,
и пока не обуглен язык,
оглянуться из самого пекла
на ряды несгорающих книг.

* * *

Перебираю поздние сливы,
их одряхлевшую мякоть,
так что едва ли удастся попытка
сварить в старом тазу
классическое повидло,
ну разве горстку соскрёбывая со дна,
где пригорела коричневая кожура
с кислой подкладкой,
горький последний дым
отчизны сладкой.

* * *

В летаргию ли, в Лету – полуденный отдых блажен,
половицей ли скрипнет дремотная старая дача,
чуть качается лёгкий гамак; в уголке между стен
паучихи-ткачихи ажурный плетут гобелен
и на древнем своём паучином о чём-то судачат.

Чуть качается дачная барка, с калитки кричат письмена,
но молчит отхлебнувший отравленной сладостной браги.
В пеленах паутины для вечности сохранена
и качается в раме раскрытого настежь окна
золотая пчела, молодой фараон в саркофаге.

ТРАКТОРИСТКА

В сатиновых нарукавниках счетовод
Тайно поглядывает на трактористку:
Как выступает она с трибуны, как из графина пьёт,
Как её зубы блестят, когда сядет близко!..

Вот она едет по полю и про колхоз
Песню ведёт звонко, задорно, бодро.
Красная лента ныряет в пену тяжёлых кос,
Комбинезон обнимает крутые бёдра.

Но не отдаст она сердце своё юнцу,
Пусть семилетку окончил он в школе брянской:
По председателю сохнет она, вдовцу –
Кавалерист лихой и герой гражданской.

* * *

Напоролась на риф,
опустилась на дно Атлантида
(и сгорела последняя Троя),
превращаются в миф
коротышки и дылды,
хитрецы и герои.
Только рябь на волне,
побережье пропитано гарью,
отощавшие козы глодают
обугленный миртовый куст,
уцелевшему мне
этот остров античный подарен,
где трава молодая
превыше высоких искусств.
Море шумно вздохнёт
и на камни выносит порою
то обломок ладьи,
то сандалию, то черепок.
Пролетел самолёт
и растаял вдали,
ну так что же, я хижину строю,
Атлантиду заносит песок
(и сгорела последняя Троя).

ГУРЗУФ

В Гурзуфе ночь. Медведь ползёт к воде
и пьёт, к ней припадая тёмной тушей.
Дневные птицы замерли в гнезде
и щебетом молчанье не нарушат.
Покой минуту длится, а потом
свой жаркий факел зажигает Никта.
И слышно, как погонщик за гуртом
шагает, распевая заунывно.
Грохочет по булыжникам арба.
Он кашляет отрывисто и сухо.
Последним светом озарит судьба
в укромной бухте старого Гурзуфа.
Плеснёт волна, и кораблю во сне
умчаться вдаль на парусах весёлых…
И месяц молодой вплывёт в посёлок,
покачиваясь в стёклышках пенсне.

***

Помнишь Верку-акушерку?
Промышляет до сих пор.
Богоматерь смотрит сверху
и отводит синий взор.

Всё лампадки да иконы.
Абортарий на дому.
Ночью Верка бьёт поклоны,
Потому что потому.

Зря святую воду гробишь,
Засыпая на заре.
Молча корчится выскрёбыш
В красном мусорном ведре.

В рай неможно влезть без мыла,
Избегая смертных мук…
Жмётся к церкви полым тылом
Академия наук.

* * *

Утрачены вчерашние слова,
но языком касаюсь онемелым
всего, что было названо едва,
и дышит безымянная трава
под снегом белым.

Но de profundis алого борща
уже в гортань запущена праща
прощальным жгучим перцем!
И всколыхнулась тайная волна,
такой же острой радости полна,
как боль под сердцем.

* * *

То ли закат зажёг окна соседнего дома,
то ли включили свет –
но занавеска колышет такой знакомый
твой силуэт.
Выскочит из груди сердце тебе навстречу,
падкое на обман,
сумрак меж тем сгустился темней и резче,
переходя за грань
ночи.
Задребезжит крышка чайника,
и я очнусь,
нет тебя здесь, лишь под окном качается
куст облетевший, куст.

* * *

Лишь тень дыханья моего легла
на синий иней изнутри стекла,
тоннель протаял, и пространства больше,
там весело затренькал колокольчик
под золотой дугой, и от села,
тесня сугробы жаркими боками,
промчалась тройка пьяных лошадей,
грачиный грай шарахнулся над нами
и снова рухнул в клинопись ветвей.

Пока я надышаться не могла
на лабиринт медвежьего угла,
день застилали белые полотна,
копытами взрывали кони плотный

покров, и грянули колокола,
малиновыми шапками качая,
и тёплый шар витал над чашкой чая,
и лодка в ней лимонная плыла.

И девушка в церковном хоре пела
почти неслышно и закрыв глаза,
а свечи оплывали то и дело,
и облик свой меняли образа.

Шумел сурово белоствольный лес,
Вязали петли на снегу зайчихи.
И отвечала музыка небес
торжественной земной неразберихе.

Там, в облачной синюшной пелене,
секунд на двадцать отворились сферы.
Бог продышал окошечко ко мне
и глянул,
не утрачивая веры.

* * *

Пятно рассеянного света
разбудит раннею порой.
Не все любимые поэты
уже лежат в земле сырой.
Они в окно стучат, как ветви,
сбивая мокрую листву.
Мне голоса родные эти
во сне звучат и наяву,
с запинкой на последнем слове,
пред тем, как всё тебе простят…
И книжицы у изголовья
страницей лёгкой шелестят.

Александра ЮНКО – поэт, прозаик, эссеист. Родилась в 1953 году. Окончила филфак МолдГУ. Работала в школе, Доме-музее А.С. Пушкина, муниципальной еврейской библиотеке имени И. Мангера, различных СМИ. Как литератор и журналист печаталась с 1968 года. Автор нескольких книг стихов, прозы (переводных, оригинальных и в соавторстве с Юлией Семёновой), сборника эссе «Гадание на Пушкине». Регулярно публиковала рассказы, статьи и подборки стихов на интернет-портале «Подлинник». Стихи печатались в альманахах: «Связь времён», «Поэзия – женского рода» («Согласование времён»), «Порт-Фолио», в журналах: «Русское поле», «Дети РА», «Артикль»; в сборнике «Прощай, Молдавия» (Тель-Авив – Москва), антологии «Неулетающие птицы» (Кишинёв) и других. Жила в Кишинёве. Безвременно скончалась 23 июля 2018 года.

Звезда над полем

Памяти Александры Юнко

«ДА, ОСТАЮТСЯ КНИГИ И МОСТЫ…»

ОРБИТА ПОЭТА И ЧЕЛОВЕКА

Наше первое знакомство состоялось в 1974 году в Клубе творческой молодёжи, где наряду со многими начинающими музыкантами, литераторами, художниками, артистами мы пытались утвердиться в своей профессии, пытались научиться быть понятными и интересными своим современникам. Друг для друга мы были первыми зрителями, читателями, советчиками и критиками, мы были единомышленниками во многих сферах, включая искусство и политику. С тех пор мы стали близкими друзьями, и дружба эта не угасала все сорок с лишним лет.

Александра Юнко… Алла… Человек неординарных мыслей, она сразу привлекала внимание. Потрясающее чувство юмора, безграничная открытость, я бы сказал, вселенская распахнутость и как следствие – детская незащищённость. Такой она была в молодости. Такой она была всю жизнь.

Я ничего не знал о ней тогда, когда она появилась в Республиканском молодёжном центре, о её взглядах, увлечениях; о том, что она пробует себя в поэзии, но услышал только одно её стихотворение «Мама рубит дрова», и оно сделало меня поклонником её поэзии на всю жизнь. Что такое пронзительные стихи? Это когда чуткое сердце двадцатилетней девушки видит в будничных заботах своей надрывающейся мамы и скрученные жилы, и сокрушительную силу. Позднее Алла сказала: «Когда я написала эти стихи, они были значительно старше меня»…

А потом была созданная незабвенным Кириллом Ковальджи «Орбита». Бразды правления этим литературным объединением Алла получила из рук Рудольфа Ольшевского, и долгие годы пестовала молодую литературную поросль. Жизнь «Орбиты», её дыхание были удивительно органичны и естественны. Алле удалось создать атмосферу неподдельной искренности, атмосферу творческую, удивительно доброжелательную и в то же время требовательную. Наверное, многие из тех, кто пошёл по пути литературного творчества благодаря Алле Юнко и её литобъединению, поняли смысл сказанного Николаем Гумилёвым:

…Но забыли мы, что осиянно
Только слово средь земных тревог,
И в Евангелии от Иоанна
Сказано, что слово – это Бог.

И после «Орбиты» у Аллы была долгая литературная жизнь. Жизнь поэта, пушкиниста, критика. Сегодня многие литераторы, как начинающие, так и те, кто обременён премиями различных литературных конкурсов, согласятся: Алла Юнко приложила свою тёплую, заботливую руку к формированию их поэтического мировоззрения, творческого видения и вкуса.

Сказать, что к ней тянулись, было бы неправильно. Просто она оказывалась необходимой всем тем, кто дорожил незаурядным интеллектуальным общением, которым жизнь обычно не балует. В результате её присутствие в нашей повседневности было обязательным, естественным и необходимым.

Уход из жизни Аллы Юнко – это удар, шок, потеря… Видимо, хорошие люди нужны не только здесь, но и там… Что ж, приходится мириться с тем, над чем мы не властны. А общение с ней продолжается. Её статьи, эссе, стихи несут в себе тот неиссякаемый поток мыслей, на котором зиждется неумирающее общение друзей и близких, писателя и читателя.

Не стоит говорить, что с её уходом стало пусто. Нет… Светит щедрое молдавское солнце, улыбаются люди, резвятся дети, куда-то торопятся горожане… Не пусто! Полно всякого всего! Но что-то ушло. Что-то до крика родное, больное, сокровенное. Чего-то не стало… Что-то оторвалось от тебя, оставив в твоём сердце, в твоём сознании небольшую, но не заживающую ранку. Это происходит с нами с каждым уходом друга. Ранок становится всё больше. Боль становится всеобъемлющей. Ты начинаешь понимать, что с их уходом невосстановимо истощаешься. Особенно заметно это, когда в разговоре вдруг возникает имя Юнко, и ты невольно наклоняешь голову, чтобы не было заметно, как предательская влага неожиданно заполняет глаза.

Анатолий ЛАБУНСКИЙ, прозаик, член Союза писателей России

«НАСТОЯЩИЙ ПОЭТ – СИЛЬНЫЙ И ПРОНЗИТЕЛЬНЫЙ»

Никогда не думал, что придётся писать посмертное посвящение к стихам Аллы Юнко. Недавно ещё общались мы по скайпу, делясь новостями. Она знала обо мне практически всё, да и мне о ней было известно очень даже немало. Мы дружили больше сорока лет и легко представить, сколько разговоров о литературе, сколько прочитанных друг другу стихов, сколько выпитого вместе красного вина унеслось, утекло, уплыло с тех пор.

Был 1977 год, я вернулся из Москвы после учёбы и чувствовал себя одиноким в ставшем мне немного чужим Кишинёве. Алла была первым поэтом, с которым довелось мне познакомиться, так сказать, вживую. Потом благодаря ей я встретился и подружился с Колей Сундеевым, Олегом Максимовым, Людой Щебневой, Любой Фельдшер, Леной Шатохиной, Инной Нестеровской, со многими другими поэтами и прозаиками, которых в то время мало кто знал, кроме них самих и их близких родственников. Почти все они считались непризнанными, хотя каждый подавал определённые надежды. Мы любили собираться в кабинете у Юнко, в газете «Молодёжь Молдавии», где можно было славно потрепаться, а потом податься куда-нибудь на Комсомольское озеро, чтобы продолжить беседу, запивая её из горла чаще всего красным сухим. Сегодня кажется, что всё это было страшно давно, и что бы я только ни дал за то, чтобы посидеть вот так каким-нибудь июньским вечерком под тихий говор высоченных молдавских тополей... Оказывается, мы уже были в то время поколением, которому дано было прийти, прокричать о себе свою петушиную песню, а затем рассеяться, раствориться, исчезнуть во мраке, в пучине, которая носила прозаическую, банальную кличку перестройка. Алла была, по сути, последним человеком, с которым довелось мне обо всём этом толковать, регулярно встречаясь раз в году и прогуливаясь по тому же самому парку у Комсомольского озера или, сидя в маленьком кафе, под зонтиком, метрах в ста от озёрной чёрно-зелёной воды. Были и такие времена, когда вместо этой самой воды там произрастал камыш, таинственный и совсем уже чуждый всему, что нам, коренным кишинёвцам, было известно с самого детства об этом несчастном городе. Она не раз описывала в своих статьях эти наши прогулки и задушевные беседы, когда есть о чём вспомнить или же о ком; о тех, кого давно-таки нет, или находятся они на безусловно огромном от нас расстоянии.

Алла была настоящий поэт – сильный и пронзительный, к тому же она была, можно точно сказать, поэт кишинёвский, певец родного города, этого живого мертвеца, который изо всех сил хотел бы воскреснуть, но много лет ничего у него не получается. Сильная и оптимистичная, жизнерадостная, она прожила тяжёлую и мучительную жизнь ломовой лошади, тащила на себе до последнего старуху-мать, пьяницу-мужа и в одиночку вырастила дочку, которая, как это принято в наше время, уехала навсегда в далёкую Америку.

Но стихи Аллы-Александры Юнко остались, главное её наследство, и я верю почему-то, что им суждена долгая жизнь. И, может быть, даже жизнь очень счастливая.

Виктор ГОЛКОВ, поэт (Израиль)

Ранее опубликовано в газете «Кстати» (Сан-Франциско).

ВЕЧНОГО ВАМ СВЕТА И ПОКОЯ…

Как горько и непривычно писать о Саше (ей почему-то нравилось это уменьшительное имя) в прошедшем времени. Мы знакомы были давно. Ещё с семидесятых годов прошлого столетия. В незабвенной «Молодёжке», где вращалась литературная поросль при республиканском литобъединении «Орбита», столкнулись на одном из заседаний. Привёз однажды нас туда писатель, куратор Днестровского литобъединения «Парус» Михаил Хазин. Ужас, как это было давно! Да и звучит пугающе – прошлое столетие. Невольно представляешь себя древним, покрытым мхом старцем. Но вот с ощущениями не всё так просто. Будто всё это вчера было, и ни в какую старость не верилось, и в немыслимую груду лет – тоже…

Знакомство наше было поверхностным, но так получилось, что из виду я её уже не выпускал. Очень мне пришлись по душе её стихи и манера их исполнения. Да и Хазин без конца нам её нахваливал. Позже встречались, но редко и обязательно в гуще молодняка, стяжающего литературную славу. Накоротке поговорить у нас как-то не получалось.

Стихи я тоже писал, публиковался в местной нашей многотиражке, в городской газете в Тирасполе и раз в полгода – в «Орбите». Этой рубрике, как правило, отводилась целая четвёртая полоса. Но куда мне было до столичных дерзких пиитов! Однако невольно следил за взлётом поэтическим некоторых близко мне знакомых. Естественно, по «Молодёжке». К вящей своей радости всегда в подборках обнаруживал в числе молодых авторов Александру Юнко, восклицая при этом: «Моя знакомая!». Друзьями мы тогда так и не стали. Вовремя понял, что из меня ни хрена не выйдет, в смысле поэта, я перешёл на прозу и на журналистские материалы. «Орбита» как кузница поэтических кадров меня уже не так привлекала… Я наметил себе более серьёзные цели – попасть со своей прозой в журнал «Кодры». Тоже не вышло. Михаил Хазин рекомендовал мой рассказ, и он был принят к публикации, но… Опять осечка. Большим количеством голосов его отклонили. Не ко времени была моя проза. Постепенно Сашу Юнко я потерял из виду. Лично мы больше нигде не пересекались. Я уехал после университета в Усть-Илим.

Прошли годы, около четырёх десятков лет, когда судьба нас снова столкнула. Мельком встречались в Кишинёве, Тирасполе и Бендерах. И началось. Оказывается, у нас с ней наблюдались абсолютно схожие мысли по многим параметрам этой долбаной действительности и литературного процесса в целом. Обменялись электронными адресами и даже некоторыми книжками. Видно, судьба нас не напрасно раскидала в разные стороны. Всего насмотрелись, напереживались, настрадались и нагоревались выше всякой меры. Вот с таким непростым жизненным багажом нас как-то неожиданно потянуло друг к другу. Обнаружилось, что мы – родственные души. Стали переписываться и довольно интенсивно. Оказалось, что со многими писателями, ставшими известными, нас часто сталкивала судьба. К сожалению, иных уж нет, а те далече. Но остались яркие воспоминания о них.

Честно признаюсь, я большого интереса у неё не вызывал как автор. Она обо мне почти ничего не знала. И этот момент очень важен. Одно дело, когда автора знаешь по его произведениям и другое – просто поверхностно знаком с челове-

ком, который интересен относительно лишь тем, что является каким-то мелким литературным функционером. И совсем другая картина проступает более объёмно, когда погружаешься в мир его произведений. Так случилось и с нами. В типографию был сдан в печать мой сборник «Записки прохожего». Долго и мучительно он вычитывался, правился и затем почти через девять месяцев вышел в свет. В период его читки корректорами мне удалось уговорить печатников сделать два сигнальных экземпляра в мягкой обложке для гостей республики. Один экземпляр, волею случая, попал в руки Сергея Чупринина, главного редактора журнала «Знамя». Об этом я как-то обмолвился Саше, и она вдруг весьма заинтересовалась моей работой. Попросила дать на время просмотреть, что соседи там любопытного наваяли. Я не стал сопротивляться, ибо уже знал о бескомпромиссности Александры Петровны как литературного критика. Мне самому очень стало любопытно узнать от маститого литератора, блистательно владеющего пером, о своём творчестве. Естественно, я согласился. Привожу некоторые абзацы из личной переписки. Это был самый первый отклик, сделанный по сигнальному экземпляру.

«Записки прохожего» – вещь очень серьёзная, драматичная, максимально честная по отношению ко времени и самому себе... Разное время, десятки сюжетных линий, сложные переплетения судеб героев, варьирование жанров – от публицистики до притчи. Попытка философски оценить прошлое, осмыслить настоящее и заглянуть в будущее. Подкупает психологическая разработка характеров. Восхищает великолепный, виртуозный язык. И название выразительное – без пафоса, но вполне в традициях русской литературы. Да ещё и эпиграф есенинский: «В этом мире я только прохожий, /Ты махни мне весёлой рукой…».

Среди ключевых моментов романа запоминается трагикомический сюжет, когда бабка героя ждёт прихода «призрака Коммунизьма» – эдакого воображаемого Робин Гуда, который отнимет нажитое добро у богатых и раздаст бедным. В книге ещё много таких необычных историй. Вошёл в неё даже фрагмент, принадлежащий перу Сергея Соболева – друга и сокурсника Кожушняна по МГУ, не дождавшегося публикации при жизни.

Среди великого множества выходящих в свет произведений крупной прозы можно найти «всякой твари по паре». Есть литература «конкурсная», рассчитанная на получение престижных премий. Есть «чтиво» для самых невзыскательных потребителей. Первая напоминает изысканное блюдо за стеклом, которым не насытишься, а второе – несъедобную стряпню неряхи-поварихи, но ни то, ни другое не приносит организму никакой пользы. В то же время есть книги, которые для ума и сердца – хлеб насущный. И жизненно важно, чтобы они доходили до читателя. К таким книгам я бы смело отнесла «Записки прохожего» Валерия Кожушняна».

Спустя несколько месяцев, я переправил уже отпечатанный в твёрдой обложке сборник в Кишинёв. Александра восхитилась его оформлением и принялась всерьёз за прочтение «Записок прохожего».

Можно много ещё привести из нашей переписки отрывков, касающихся не только моего сборника, а литературы вообще и нашей (русско-молдавской) в частности. Какие точные, порой нелицеприятные, но справедливые по своей сути

оценки творчества давала Александра Петровна иным литераторам! Меня всегда восхищала эта её способность мгновенно схватывать суть творческого кредо автора. Были заметки весьма жёсткие для некоторых, но никогда она не опускалась до оскорблений, никогда, даже в личной переписке, не допускала уничижительных оценок и не язвила по поводу некоторых «ляпов», откровенного косноязычия и иных неприглядных качеств авторов. Такая наша публичная работа, что приходится иметь дело с разными по моральному уровню людьми. У нас остаётся одно право – сокращать до минимума общение с такими особями. Это я перефразирую некоторые её мысли по поводу.

Вот окунаюсь, в который раз, в тексты нашей многостраничной переписки и слышу её голос, чуть хрипловатый смешок (это от курева). При встрече и сходу возникающих диалогах мы нещадно оба дымили. Друг другу говорили, будто бы это очень вредно и надо бы поумерить нашу дурную тягу к табаку. Она опять смеялась и тут же прикуривала другую… Саша очень переживала за других и мало заботилась о себе. С отъездом к дочери надеялась изменить полностью свою жизнь и заняться собой. Рядом с родными людьми и в спокойной обстановке хотела взяться серьёзно за реализацию своих литературных планов. Их у неё оказалось довольно много. Увы! Жизнь и смерть – всегда рядом. И даже ближе эта подруга с косой, чем мы иногда думаем. Приведу её последнее письмо ко мне.

«Привет, Валера! Извини, что не отписывалась. Ты правильно предположил: пришлось в пожарном порядке собирать, переводить на английский, заверять у нотариуса и отсылать дочке кучу бумаг, включая справку о несудимости, которая действует всего 3 месяца. Потом оказалось, что нужно делать ещё раз. Зато теперь я уже знаю, как это делать и где. В общем, самое гнусное времяпрепровождение, потеря сил, нервов и денег. Так надоела эта свистопляска, что хочется спокойно жить и умирать в родном болоте. Если бы не тоска по детям, плюнула бы уже давно, хотя ситуация в Молдове оставляет желать лучшего во всех смыслах сразу. Жаль, что приходится заниматься тем, к чему не лежит душа, с другой стороны, хочется быть поближе к родным людям».

Теперь взываю к её светлой душе. Дорогая моя Саша! Как я тебе и обещал, твоя рецензия на книгу «Записки прохожего» выйдет в нашем журнале «Литературное Приднестровье». Ты мне перед своим неожиданным уходом разрешила передать рецензию Сергею Главацкому в журнал «Южное сияние». И эту твою просьбу я выполнил. Правда, одесский журнал вышел лишь в электронном виде, в бумажном – пока неясно, будет ли? Нет средств у наших коллег. Картина знакомая для тех, кто занимается изданием литературы в нынешних условиях. Даст Бог, в этом году мы всё же выпустим свой журнал. Он выйдет в память о тебе. Надеюсь, она будет долгой у всех, кто тебя близко знал, кто с тобой сотрудничал. Царствия тебе небесного. Ты заслужила вечного света и покоя.

Валерий КОЖУШНЯН,
председатель Союза писателей Приднестровья

МОЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ МАМА…

Да, и это не преувеличение – я действительно относился к Александре Петровне Юнко как к моей литературной маме. Наверное, многие из когда-то входящих в литературу относились к ней подобным образом. Она всегда поддерживала начинающих поэтов и писателей, опекала их, наставляла, защищала от несправедливой критики и, вероятно, я не был исключением.

Как сейчас помню, светлый сентябрьский день, когда я приехал в Кишинёв и решил навестить Александру Петровну в её кабинете в Доме печати. Это произошло уже после публикации подборки моих стихов в газете «Молодёжь Молдавии», которая тогда меня очень вдохновила и поддержала. Стоит ли говорить, что публикация состоялась с лёгкой руки Александры, которая даже написала вступительное слово к подборке с добрыми словами и напутствием.

И вот мы встретились, долго разговаривали о литературе и не только о ней, и уже тогда у нас возникли особые доверительные отношения, которые сохранились до самого её ухода. У меня в то время только родился сын, и Александра совершенно по-матерински наставляла, говорила, что теперь я должен беречь себя, заботиться о своём здоровье, поскольку несу ответственность за малыша.

Мы встречались довольно часто. И я никогда не забуду нашу летнюю прогулку по старому Кишинёву, который она мне с любовью открывала. Ходили мы и по пушкинским местам, а на самой Пушкинской горке нас окатил сильнейший ливень, хотя с другой стороны неба ещё светило солнце. Мы укрылись в беседке, стоявшей тогда на горке, и, попивая коньяк, говорили, говорили и нам было хорошо. А после ливня Александра Петровна показала мне улочки, на которых прошло её детство, делилась воспоминаниями о нём, о доме, в котором жила, о своих близких. Это была замечательная, незабываемая прогулка!

Несколько раз приезжала она в мой родной город Единцы, который ей очень нравился. Гуляли по парку, посетили еврейское кладбище, которому около 500 лет. Помнится, тогда дул сильный ветер, и высокая трава меж старыми могильными камнями качалась, и всё это мне почему-то напоминало сцены из фильма «Сталкер». Этот образ высокой качающейся травы на старинном кладбище поразил нас обоих.

Кажется, в первый её приезд в Единцы ранним утром следующего дня я застал Александру Петровну сидящей за столом во дворе и что-то записывающей в блокнот. Тогда и появился цикл её свободных стихов о Единцах. Она старалась запечатлеть в словах все свои мысли и чувства, и эта внутренняя работа, работа души продолжалась в ней постоянно.

Последняя наша встреча состоялась в библиотеке Ломоносова туманным холодным вечером. Мы сидели, пили кофе, я рассказывал об успехах своих детей, она – о своей внучке Алисе. А потом Александра ушла, поскольку неважно себя чувствовала, не дождавшись начала нашего с друзьями выступления. Мог ли я подумать тогда, что вижу её в последний раз?!

В общем, что тут говорить… Мы потеряли замечательного журналиста, писателя, удивительного поэта. Я потерял близкого человека. Именно такое у меня ощущение.

Сергей ПАГЫН

СЛОВО ОБ АЛЕКСАНДРЕ. ПО ТУ СТОРОНУ СКАЙПА

Когда я думаю об Александре Юнко, к горлу каждый раз подкатывает ком. Кто-то наверняка скажет, что её уход случился не так давно и, вообще, время лечит… В том-то и дело, что не лечит! Есть люди, по которым тоскуешь всегда, и дело не в сроке давности. В случае с Александрой это именно так.

Да, она одной из первых поверила в меня, опубликовав в газете «Русское слово» большую подборку моих стихов. С большим вниманием Александра относилась и к моей прозе, не жалела времени на детальные разборы, что получилось, а что нет. Но дело же не в этом, вернее, не только в этом.

Главными в нашем общении всегда были разговоры. О чём мы только не говорили, подолгу зависая в скайпе! Хотя именно с литературы всё и начиналось, с обсуждения книг, презентаций. А потом… о, потом наши пути направлялись куда угодно, в парке творчества так много тропинок, было бы желание по ним бродить. Но как любое творчество не существует в безвоздушном пространстве, переплетаясь одновременно и с возвышенным, и с обыденным, так и в наших разговорах одно естественным образом перетекало в другое. Так, проводя параллели между героинями русской литературы с общим именем Соня (написанное позже эссе «Бедная, бедная Соня» опубликовано на литературном ресурсе «Подлинник»), Александра могла в этот момент нарезать овощи в салат или готовить суп. «Ната, ты не обидишься, если я поем? Что-то я проголодалась. А ты говори…». И я говорила.

Знаю, я не была для Александры равноценной собеседницей, слишком разный уровень знаний. Как сказал Сашо Серафимов, известный болгарский поэт (приезжал на первый литературный фестиваль «Пушкинская горка»): «Она всё знает, очень умная…».

Правда – очень! И всё-таки польза от наших разговоров была обоюдной. Например, я так часто упоминала своего обожаемого Набокова, что в какой-то момент Александра не выдержала – стала перечитывать. «Благодаря тебе я посмотрела на его прозу другими глазами». Её живой ум постоянно нуждался в пище, и Александра с интересом выслушивала мои впечатления о современных прозаиках. Иногда на свой выбор читала какого-нибудь автора, после чего громила в пух и прах. И какими же изящно-профессиональными были эти разгромы! А то, что автор никогда об этом не узнает, только минус для него – мог бы почерпнуть для себя много полезного.

Да, у меня не стало близкого человека, подруги, это больно и горько. Но как же осиротела с уходом Александры Юнко русская литература Молдовы! Прекрасный поэт, интересный, неординарный прозаик, эссеист, литературный критик… А скольким авторам она протянула руку помощи! В своё время так много почерпнувшая в литературной студии «Орбита» под руководством Кирилла Ковальджи Александра с удивительной щедростью делилась знаниями со всеми, кто готов был их принять. Молодость не всегда открыта подобным дарам, но я, уже будучи человеком взрослым, всё принимала с огромной благодарностью. Какое счастье, что в моей жизни было это общение, творческое и просто человеческое. Царствия Вам небесного, дорогая Александра!

С любовью, Н.

Наталья НОВОХАТНЯЯ, поэт, прозаик, член АРП РМ

ПРОСТИТЕ МЕНЯ, АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВНА!

Александра Юнко написала предисловие к моей дебютной книге «Светосплетенья», которая вышла в Кишинёве в 1992 году. Однако роль Александры Петровны в рождении того сборника (да и в целом – в моём поэтическом взрослении) на самом деле куда весомее двух страниц предисловия. Меня, к слову, ещё долго ассоциировали с «нахальным мальчиком, который вламывается в дверь» (так называлось вступительное слово Александры Юнко), да и сейчас, спустя годы, многие друзья-кишинёвцы помнят, думаю, тот броский заголовок, ритмически звучащий как поэтическая строка.

Лет в 16-17 я несколько раз отправлял свои вирши в любимую «Молодёжку» в надежде попасть в ежемесячный обзор литературной почты, который готовил некто А. Юнко (я долгое время полагал, что это мужчина, очень уж суров был автор). И однажды – о чудо! – я попал в поэтический обзор! Автор процитировал целые четыре строчки (очень беспомощные, признаться) и… даже похвалил меня! За поэтическое дыхание и недосказанность… Так я получил первый урок Юнко: поэзия – это не только произнесённые слова, но и то, о чём не сказано, что осталось между строк и в многоточиях… И таких уроков было немало.

…Я переехал в Кишинёв, поступив на факультет журналистики, и почти сразу же отправился в Дом печати на улице Пушкина – знакомиться с таинственным «А. Юнко». И Александра Петровна на несколько лет становится для меня безоговорочным авторитетом в поэзии. Она – первый читатель и главный критик большинства моих новых стихов. Именно она в час икс подвела решительную черту, развеяв все мои сомнения: «Ну всё, Эдик, хватит править! Книга готова! Можно издавать!..».

А потом… Потом я переехал в Москву, окунулся в другую жизнь, в которой я состоялся как успешный журналист и редактор, но в которой не осталось места для поэзии. Я бросил писать стихи. Совсем. Два десятилетия полной писательской немоты. Я невольно отдалился от всех, с кем так или иначе была связана моя прошлая литературная юность, поскольку испытывал угрызения совести, что не оправдал надежд друзей и наставников… Что я мог сказать Александре Юнко? Что из юного романтика, «нахального мальчика», живущего стихами, вырос предприимчивый рекламный журналист? И только шесть лет назад, почувствовав, что занимаюсь не своим делом, я решил всё исправить, закрыл все коммерческие издательские проекты и основал поэтическое издательство ОБРАЗ. А пять лет спустя, в начале 2017 года, ко мне неожиданно вернулся поэтический голос, и даже родилась книжка «Между слов», вышедшая ровно к юбилею. Я так хотел подарить её Александре Юнко, своему старшему наставнику (одному из трёх, которым я по-настоящему многим обязан)! Но не успел…Простите меня, Александра Петровна!

Эд ПОБУЖАНСКИЙ,
поэт, главный редактор издательства ОБРАЗ (Москва)

МИХАИЛ ЛУПАШКО

РУССКИЙ ЕВРОПЕЕЦ

«Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, – ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя – как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!»

В наше беспокойное время, когда классика и реализм отодвинуты новыми веяниями постмодернистского характера, прикоснуться к живому источнику подлинного искусства можно, лишь открыв книгу автора, чьё имя вошло в золотой фонд русской литературы. Востребованность писателя, жившего и творившего более ста лет тому назад, сегодня определяется прежде всего интересом к нему со стороны кинематографистов. Если судить по этому критерию, то великий русский писатель Иван Сергеевич Тургенев, 200-летие со дня рождения которого мы отмечаем в эти дни, востребован, как никто другой. По количеству экранизаций его произведений режиссёрами разных стран, начиная с 1910 года, Тургенев обогнал даже побившего все рекорды киноверсиями «Войны и мира» и «Анны Карениной» Льва Николаевича Толстого. Более ста фильмов снято киношниками России, Европы, Японии… И даже в экзотическом Гонконге экранизируют романы и повести Тургенева.

Примечательно, что первая кинематографическая версия творения Тургенева случилась во Франции в начале XX века («Лейтенант Ергунов» / Le Lieutenant Yergounoff (Россия, Франция). Андре Метр совместно с российским режиссёром Каем Ганзеном сняли фильм по мотивам рассказа «История лейтенанта Ергунова». Это не случайный факт. Тургенев, наверное, единственный из русских писателей его времени по-настоящему знал и понимал литературу европейскую и прежде всего – литературу Франции. Иван Сергеевич по своему социальному положению и статусу принадлежал к российскому дворянству в том его сегменте, который отличался от мелкопоместного огромностью состояний, немалыми доходами от поместий, что давало возможность писателю вращаться в высшем свете двух столиц – Москвы и Петербурга. Крепостное право, владение огромными земельными площадями обеспечивало безбедную жизнь семьям потомственных дворян известнейших фамилий. Нравы и порядки, царившие в этих мини-государствах, вотчинах богатых помещиков, замечательно и точно описаны Александром Пушкиным в повести «Дубровский».

Мать будущего писателя Варвара Петровна Тургенева, урождённая Лутовинова, была женщиной властной, умной, но едва ли счастливой. Брак Варвары с

отцом Тургенева оказался неудачным. В юности она настрадалась от деспотии отчима, который, бывало, и бивал её, и выгонял из дому. Решившись, будущая мать Тургенева бежала из отчего дома к своему дяде. После его смерти унаследовала богатое имение Лутовиново и пять тысяч душ крепостных.

Сын Иван родился в 1818 году. Детство его было тревожным. Жёсткая мать воспитывала мальчика в строгости: череда постоянных ограничений и наказаний. Французский язык доминировал в домашнем обучении, хотя тенденции и веяния русской литературы, словесности учитывались в своеобразной учебной программе под присмотром гувернёров. Заговорив раньше на французском, чем на родном русском, Тургенев, по свидетельству современников, тонко чувствовал все нюансы этого языка и во французской культуре был как рыба в воде. Годы молодости – это учёба в университете, знакомство с литературными кругами Петербурга, первые опыты на писательском поприще. Время становления Тургенева как литератора для вольнодумства и смелых экспериментов, мягко говоря, выдалось не самое лучшее. Эпоха правления Николая I – это, с одной стороны, стремление власти к консервации помещичье-крепостнических порядков; с другой стороны, – пробивающее себе дорогу новое понимание пути России как страны, непременно и незамедлительно избавляющейся от пут крепостного права. Радикальные, революционные, бунтарские настроения не были свойственны Тургеневу по складу его характера. Однако крепостнические порядки он ненавидел искренно и был убеждённым сторонником эволюционного пути построения демократии в России по образцу европейскому. При этом Тургенев не был и европофилом-русофобом, своё Отечество любил страстно и никогда не говорил о России уничижительно.

Меру своего таланта он понял рано. Уверенность в собственных силах давало тесное общение с профессором Императорского Санкт-Петербургского университета Петром Плетнёвым, историком Тимофеем Грановским, публицистом, мыслителем Николаем Станкевичем, с поэтами Василием Жуковским и Алексеем Кольцовым, литературным критиком Павлом Анненковым, чуть позже – с Михаилом Лермонтовым.

Публикация в 1847 году в преобразованном «Современнике» под редакцией Некрасова первых глав «Записок охотника» обозначила авторскую позицию Тургенева как ярого противника крепостнических порядков. Благодаря впечатлениям от этого сборника рассказов император Александр II задумался о неправомочности, а затем отмене крепостного права, что и осуществил. Дружба с Белинским наряду с этой публикацией определили отношение властей к Тургеневу как к субъекту общественно неблагонадёжному. Сам Тургенев в разговорах и письмах не скрывал, что у него есть главный и чудовищный в своём безобразии, неестественности враг!

«Враг этот имел определённый образ, носил известное имя: враг этот был – крепостное право. Я не мог, – писал Тургенев, – дышать одним воздухом, оставаться рядом с тем, что я возненавидел. Мне необходимо было удалиться от моего врага затем, чтобы из самой моей дали сильнее напасть на него».

И он покидает Россию. Прибывает во Францию накануне революционных потрясений 1848 года. Шторм выступлений и баррикадные бои потрясли Париж и другие европейские столицы. Напряжение в социальной среде нарастало. Быстрый рост промышленности способствовал увеличению числа занятых в про-

изводстве на заводах и фабриках рабочих. Предложенное Марксом и Энгельсом учение о революционной роли пролетариата и очевидная способность городских рабочих к быстрой самоорганизации в политические партии заставляли задуматься о своём будущем элиты Европы и том месте, какое будет занимать в быстро меняющемся мире Россия. Ещё дома Тургенев познакомился с яростным революционером, основоположником анархизма Михаилом Бакуниным. Даже увлёкся его сестрой Татьяной. Но романы Ивана Сергеевича в смысле тайн сердечных, а не литературных опытов – это не только Татьяна Бакунина или княгиня Шеховская, это нескончаемая череда влюблённостей, страданий и только одна не очень решительная попытка создать семью. Матушкин сынок, барич, рефлексирующий, нерешительный юноша последней молодости – таким был Иван Тургенев при всей своей писательской прозорливости, смелости и одарённости.

Герцен произвёл на него большое впечатление, но революция не стала идеей самого писателя, хотя предощущение будущих потрясений в России, стиснутой оковами крепостничества, проявляется во многих произведениях Ивана Сергеевича.

Как писал в биографическом очерке о Тургеневе его друг Ги де Мопассан: «Благодаря могучему дару наблюдательности, которым обладал Тургенев, ему удалось заметить пробивающиеся ростки русской революции ещё задолго до того, как это явление вышло на поверхность. Это новое состояние умов он запечатлел в знаменитой книге «Отцы и дети». И новых сектантов, обнаруженных им в взволнованной народной толпе, он назвал нигилистами подобно тому, как натуралист даёт имя неведомому живому организму, существование которого он открыл. Вокруг этого романа поднялся большой шум. Одни шутили, другие негодовали. Никто не желал верить тому, о чём возвещал писатель. Это имя «нигилист» так и осталось за нарождающейся сектой, существование которой вскоре уже перестали отрицать. С тех пор Тургенев следил с бескорыстной страстью художника за развитием и распространением революционной доктрины, которую он предугадал, распознал и сделал общеизвестной».

Тургенев, художник огромного таланта и прозорливости, предощущал, предчувствовал всю апокалипсическую силу стиснутой в народе энергии, которая, вырвавшись наружу, сметёт старые порядки в небытие, пролив реки крови. Он не звал Русь к топору. Не был склонным к насилию, в отличие от того же Бакунина, всякий раз появлявшегося на баррикадах во время всех европейских революций в XIX веке. Но если вдуматься в финал повести «Муму», то в мучающемся, но совершившем «малое злодейство» Герасиме, уходящем из имения в село, заложена мина грядущих злодейств, совершаемых из мести барыне, гнобящей дворовых крестьян самодурством. Не только барыне и прочим Щигровским, помещикам, составлявшим основу социального слоя, управлявшего Российской империей. Самодурство и прекраснодушие – черты, свойственные русскому барину, едва ли способные вывести этот социальный слой из исторического тупика на путь прогресса. Иван Сергеевич Тургенев наблюдал происходящий в Европе промышленный переворот. От конной тяги – к паровозам, к железнодорожному сообщению. Приход грамотности и основ научного мышления. Формы культурного досуга стали доступнее и разнообразнее. Литература от избранности и элитарности шагнула в народные массы. Писатель стал властителем дум и общественно значимой фигурой. Франция явила миру великую литературную традицию. А

имена писателей, современников Тургенева – мировое культурное наследие. Тургенев был другом Эмиля Золя, Гюстава Флобера, Альфонса Доде, Виктора Гюго, Эдмона Гонкура, Ги де Мопассана. С 1874 года в парижских ресторанах Риша или Пелле проходили нашумевшие холостяцкие встречи знаменитых литераторов, как писали тогда в газетах, «обеды пяти». Случалось это несколько раз в год, а позже и ежемесячно. Главными зачинщиками «посиделок» были Золя, Гонкур, Доде и Флобер. Как правило, во главе стола – Тургенев. Наслаждаясь изысканными деликатесами парижской кухни, они не переставали говорить о литературе и поэзии, о странностях любви и роковых женщинах.

В жизни Тургенева была и страстная долгая, длиною в жизнь, любовь – французская певица и актриса Полина Виардо. Он, уже зрелый мужчина, с юношеской увлечённостью всюду следовал за ней, не в силах отказаться от этой мучительной, иссушающей его душу связи. Что это было? Скорее болезнь, приносящая невыразимые страдания. Он впервые увидел её осенью 1843 года. Тургеневу – 25. Итальянская опера на сцене Санкт-Петербургского театра даёт «Севильского цирюльника». Полина Виардо в роли Розины. Тургенев покорён талантом певицы, он видит в ней идеал женщины и его не смущает тот факт, что Полина замужем. Впрочем, замужество не мешает и ей принимать настойчивые ухаживания Ивана Сергеевича. Как тут не вспомнить случившийся много позже в Петрограде и Москве любовный треугольник – Маяковский, Лиля и Осип Брики. Полина и Тургенев то сближаются, то разъезжаются. Было время, когда они вместе жили под одной крышей: Полина, её муж, их дети, Тургенев и его незаконнорождённая дочь. Это вызывало массу слухов, сплетен и домыслов, так сказать, тема для чёрного пиара и бульварной прессы того времени. Как ни странно, это лишь добавляло популярности Тургеневу как русскому писателю, живущему в Европе по «европейским правилам», принятому актёрско-писательским бомондом. В 1863-м происходит окончательное сближение Тургенева с Полиной Виардо. До 1871 они открыто живут в Бадене, принимают гостей, посещают выставки и приёмы. По окончании франко-прусской войны переселяются в Париж. Именно в этот период своей жизни Тургенев близко сходится с Флобером и через него – с Гонкурами, Доде, Золя, Ги де Мопассаном. Он добровольно и активно выступает проводником литературной традиции между русской и западными литературами. Его общеевропейская известность, популярность и слава неуклонно растут. В 1878 году на международном литературном конгрессе в Париже писатель избран вице-президентом, а ещё через год он – почётный доктор Оксфордского университета. Тургенев внимательно следит и за событиями общественной жизни России. Поддерживает контакты с русскими революционерами Петром Лавровым, Германом Лопатиным и оказывает материальную поддержку эмигрантам.

В 1880-м Тургенев участвует в торжествах по случаю открытия памятника Пушкину в Москве. Позднее писатель, увенчанный европейской славой, переживает бурное увлечение актрисой Марией Савиной, окрасившее в яркие тона его последние приезды на родину. Актрисе – 25, а Тургеневу уже 61 год.

Савина введена на роль Верочки в пьесе Тургенева «Месяц в деревне» в постановке Александринского театра. Искренней игрой актрисы писатель был изумлён и восхищён. После спектакля он прошёл к Савиной за кулисы с большим букетом роз и воскликнул: «Неужели эту Верочку я написал?!». Иван Сергеевич Тургенев, писатель преклонных лет, снова влюбился, как восемнадцатилетний юноша.

Однако это был скорее роман в письмах, нежели отношения, способные перерасти в нечто большее. Тургенев жил в Париже, Мария – в России. Сохранилась их переписка, которая продолжалась четыре года. Для Марии Тургенев был, скорее, добрым другом. Иван Сергеевич же в этом увлечении черпал творческую энергию, которую смогла победить только жестокая болезнь. Он мужественно боролся с раком спинного мозга. Страдания его были безмерны. И только участие Полины Виардо, врачебный уход, обезболивающие препараты и условия, которые она создала умирающему писателю, скрасили его последние дни. Смерть Тургенева была воспринята писательским сообществом Франции как национальная трагедия. Похоронам предшествовали траурные мероприятия в Париже, в которых приняли участие друзья писателя, его многочисленные почитатели. К провожавшим друзьям и публике обратился с прочувствованной речью писатель, философ Эрнест Ренан.

В соответствии с волей покойного 27 сентября 1883 года его тело было привезено в Россию. Похороны в Петербурге вылились в массовую манифестацию общественности.

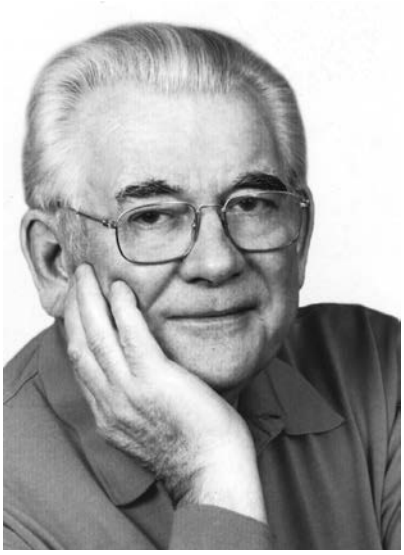
В мировой литературе Иван Сергеевич Тургенев выделял два великих образа – Дон-Кихота и Гамлета. Его личность как писателя и мыслителя, безусловно, формировалась между этими двумя полюсами, типами человеческой натуры – безрассудного, отчаянного, самоотверженного действия во имя высшей цели и глубокого мучительного размышления о способности зла творить добро через организованное и продуманное насилие. Как сказал сам Тургенев в речи, произнесённой 10 января 1860 года на публичном чтении, организованном в пользу Общества для вспомоществования нуждающимся литераторам и учёным: «…Одновременное появление «Дон-Кихота» и «Гамлета» нам показалось знаменательным. Нам показалось, что в этих двух типах воплощены две коренные, противоположные особенности человеческой природы – оба конца той оси, на которой она вертится. Нам показалось, что все люди принадлежат более или менее к одному из этих двух типов; что почти каждый из нас сбивается либо на Дон-Кихота, либо на Гамлета. Правда, в наше время Гамлетов стало гораздо более, чем Дон-Кихотов, но и Дон-Кихоты не перевелись».

Таким он был – Иван Сергеевич Тургенев, русский Гамлет и европейский Дон Кихот…

Михаил ЛУПАШКО родился в 1963 году в Кишинёве. Окончил Молдавский государственный университет по специальности «Журналистика». В течение нескольких лет был редактором и ведущим новостей на русском языке Общественной телекомпании «Молдова-1». В настоящее время – координатор и автор цикла литературно-исторических программ «Волшебный скипетр вдохновения», проводимых в Российском центре науки и культуры в Кишинёве. Автор сборника рассказов «Однажды в Молдове», повести «Растревоженный угол», исторических повестей «Бессарабецъ», «Соль и Сабля». Лауреат Международного книжного салона и Национальной книжной палаты РМ (перевёл на русский язык «Летопись Земли Молдавской» Мирона Костина).

«БЕРЕГ ЛЕВЫЙ, БЕРЕГ ПРАВЫЙ»

КАК ПОКОРЯЕТСЯ СТАЛЬ



Часто ли, дорогой наш читатель, встречался ты в жизни с титаном в человеческом обличье? С человеком, сумевшим жизнь свою без страха и упрёка посвятить тяжёлому многотрудному коллективному делу, кровно необходимому родной стране и, невзирая на множество препон и неблагоприятных (а порой и трагических) обстоятельств, покорить головокружительные вершины, значимые не только для личностного и карьерного роста, но и судьбоносные для миллионов людей? С человеком, чьи добрая воля и созидательная энергия несокрушимы, а жизненные принципы не подлежат пересмотру и купле-продаже? Мне, признаться, на встречи с такими людьми везёт не слишком. Потому и ехала в Тирасполь в расчудесный осенний день я порядком взволнованная предстоящей встречей. Мой спутник, инициатор интервью – Олег Сафонов, вице-президент московской правовой компании «Протектар», столь восторженно и уважительно отзывался о герое предстоящего очерка, что, хотя моё воображение и рисовало былинного богатыря, в душе ворочалось сомнение.

«Понимаешь? Он – из плеяды «Красных директоров». Работяга. Орденоносец. Учёный. Организатор! До Генерального директора знаменитого Металлургического завода поднялся из рабочих. Сталевар! Ну, помнишь героя Алексея Рыбникова из «Весны на Заречной улице»? – вот такой он! Настоящий!».

Ах, как верили мы в героев кино нашего детства, как часто разбивались наши ожидания о совсем не романтическую действительность, оставляя в душе пустоту. Слишком близко ещё те времена тотального разочарования, когда на наших глазах «большие люди» сжигали партийные билеты, за ночь «перекрашиваясь» и мимикрируя под удобную полит-конъюнктуру! Герои нашего времени, к сожалению, всё чаще не созидатели, а ненасытные потребители и приспособленцы.

Но в нашем случае никакого преувеличения мой спутник не допустил. В Приднестровье на человека этого смотрят с восхищением, благодарностью и любовью, как на доброе божество, нет, ближе, – как на справедливого, строгого и мудрого отца-работягу. Совсем мизерная часть этого небывалого отношения выплеснута на страницы импровизированной «Книги памяти», где коллеги, отмечая 70-летие своего наставника, друга и директора, оставляли искренние неформальные слова благодарности.

Вот и я смотрю во все глаза на Почётного гражданина Рыбницы, кавалера ордена Трудового Красного Знамени, Ордена Республики, ордена Почёта, ордена Славы, ордена «Звезда Содружества» – обладателя около пятидесяти светских и церковных наград, лауреата Государственной премии СССР, дважды лауреата Государственной премии ПМР – в одном лице – **Анатолия Константиновича Белитченко.**

Невысокого роста. Крепкий. Седой. Стильно подстриженный, подтянутый, скупой в жестах, с приветливой улыбкой и внимательными глазами, не противоречащими улыбке.

Благодаря Белитченко в прошлом тысячелетии совершилось в Молдавии настоящее индустриальное чудо – Молдавский металлургический завод, где путёвку в жизнь – профессию, судьбу и мировоззрение получили тысячи людей; где были в чести трудовое братство, солидарность и рабочая гордость, высокая ответственность перед родной страной, где производственные мощности неуклонно росли не на бумаге, а в действительности, и продукция выдавалась мирового качества. Шутка ли – завод входил в почётную десятку лучших металлургических заводов МИРА! И при этом рабочих не гнобили и не обсчитывали, действенно заботились о их здоровье и досуге и, представьте, – регулярно выплачивали зарплату. А после объявления независимости – и в долларах. В СНГ – самую высокую. Вы об этом знали? Я, признаться, услыхала впервые.

С чего же всё начиналось?

Анатолий Константинович Белитченко родился 30 января 1938 года на Волге, в рабочем посёлке Елань Волгоградской области. Папа рабочий-слесарь, мама – домохозяйка, в семье было пятеро детей. В 1941-м отца призвали на фронт. Анатолий Константинович хорошо помнит эти годы. Фриц до Елани не дошёл, но все тяготы выживания в военное время легли на плечи женщин и детей. Стремясь помочь матери, старший брат бросил школу, в 11 лет пошёл сапожничать, средние брат и сестра взялись стряпать, а маленький Толя в пять лет уже отвечал за тепло для семьи, сам заготавливал дрова. Выжили. Отец вернулся в 45-м, успев повоевать и с Японией на Дальнем Востоке. Рано умер – война своё взяла.

Официально трудовая деятельность Анатолия началась в 1956 году с «должности» разнорабочего Еланской автороты, куда он пришёл после окончания школы. Уже со следующего года он – на комсомольской работе, что совершенно закономерно для горячего, спешащего сделать мир лучше молодого человека. Через два года приехал в Липецк, где его взяли в Обком комсомола, а затем избрали секретарём комитета комсомола строительной организации, которая возводила Новолипецкий металлургический комбинат с уникальным кислородно-конвертерным цехом – первым в мире Цехом непрерывной разливки стали! До него мировая металлургия ничего подобного не знала. На строительстве работали пятнадцать тысяч человек, курировал стройку сам Алексей Косыгин. Белитченко назначили начальником штаба этой ударной комсомольской стройки, а в 63-м избрали делегатом 14-го съезда ВЛКСМ.

Высшее же образование Анатолий получал «в два захода». Ещё в 1958 году поступил в Московский энергетический институт, где его избрали секретарём комитета комсомола факультета, тогда он уже был кандидатом в члены КПСС.

Участники и гости 14-го съезда ВЛКСМ. А. Белитченко – второй справа

– Под моим началом, представьте, тысяча восемьсот комсомольцев. Работы – море, учёба, успеваемость, общественно-полезные нагрузки, досуг! Во всё вникал, всё пропускал через себя. Сорвал здоровье. Давление поднималось высоченное. Носом кровь шла. Начались сильные головные боли. Не смог учиться. Не было сил. Взял на год академический отпуск. Уехал в Липецк. А там, оказывается, вечерний факультет Московского института стали и сплавов открыли. Вот его и окончил!

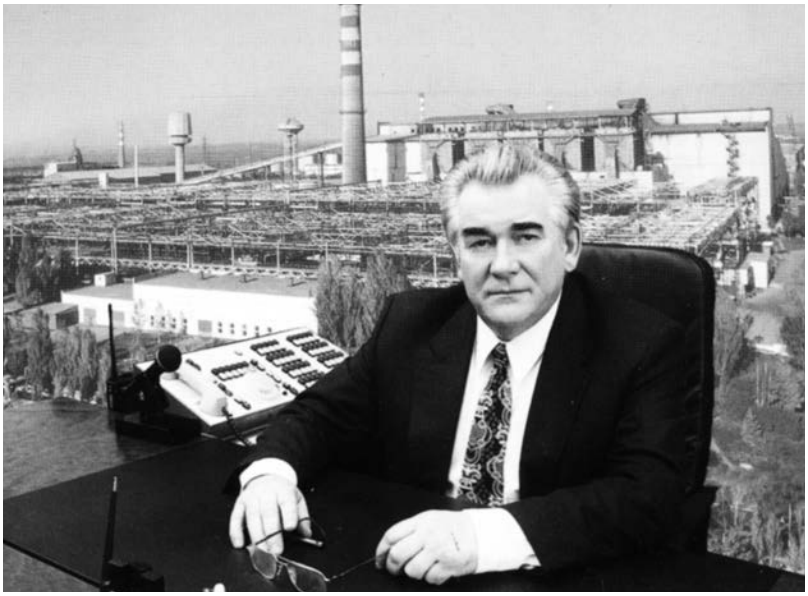
В 65-м Анатолия избирают председателем цехового комитета, того самого, уникального, недавно построенного цеха, где трудились две тысячи восемьсот человек. Проработав три года в этом качестве, Анатолий Белитченко перешёл на производство – мастером разливки. А вскоре ему поручают возглавить процесс обучения иностранных специалистов.

– Шутка ли сказать! Непрерывная разливка стали! Это же фурор в металлургии! 75 стран мира купили тогда лицензии на это революционное новшество! Отовсюду приезжали в Липецк специалисты у нас учиться. Из Ирана – 200 человек, из Югославии – 200, Египта – 100. Кубинцы, корейцы, китайцы – кого только мы не обучали! Включая стипендиатов ООН.

Подготовкой иностранных специалистов Анатолий занимался более пяти лет. А с 74-го работал заместителем начальника цеха по производству. При его участии мощности достигли четырёх с половиной миллионов тонн стали, в два с половиной раза превысив проектные. Но на Липецком МК в чести был девиз: «Проектные мощности – не предел!». Руководил комбинатом Серафим Васильевич Колпаков, вскоре ставший министром чёрной металлургии СССР. К этому времени завод уже выдавал девять с половиной миллионов тонн!

И в 84-м году Анатолий Константинович получил свой первый орден Трудового Красного Знамени. Жизнь была отлаженной и осмысленной, полной планов, связанных с комбинатом. И в этот момент успешного, взявшего разгон Белитченко министерским приказом отправляют в … провинциальную Рыбницу.

Нелегко решиться сняться с обжитого места, покинуть прекрасно отлаженное производство! Но всеми правдами и неправдами – отправили. Весной 1985 года



Директор ММЗ А.К.Белитченко на своём рабочем месте

новый – третий(!) по счёту директор ММЗ – Анатолий Белитченко приехал на навязанное ему «гиблое» место работы. А 30 января уже подписал акт Госкомиссии на ввод в эксплуатацию электросталеплавильного цеха, который до этого не дал ни одной тонны годной стали, – оборудование было не пригодно! Дело в том что, когда в июне 1981-го появилось постановление ЦК о строительстве в Молдавии металлургического завода, бросились его выполнять (предполагалось сдать завод непременно к 60-летию образования МССР и Компартии Молдавии!) и делали всё сразу: завод одновременно и проектировался, и строился – как ни один объект в СССР! В спешке было допущено огромное количество грубых ошибок и недоделок – как строительных, так и конструкторско-технологических. А план – 500 тысяч тонн в год! Ничего подобного завод не выдавал и не мог выдать. Убытки последовали колоссальные – 23,5 миллиона рублей. Целый год у Анатолия Константиновича ушёл на вдумчивую реконструкцию и масштабную модернизацию. Новый директор преобразовывал, перестраивал всё – начиная с рабочих мест, цехов, узлов и механизмов основных агрегатов и линий, заканчивая досугом рабочих. Каждый знал своё место, свои функции и задачи. Даже лабораторию оценки качества продукции перевели в цех, дабы не тратить время на лишнюю беготню. Коллектив преобразовался в слаженную команду. Через год убытки сократились до девяти с половиной миллионов рублей. Но только в 1987 году завод вышел на проектную мощность, выдав 680 тысяч тонн. И уже в первом его квартале Молдавскому металлургическому было присуждено переходящее Красное Знамя ЦК КПСС, Министерства чёрной металлургии и ЦК Профсоюзов, которое завод удерживал 17 кварталов подряд.

В 90-х, когда Горбачёв заговорил о рынке, стало ясно, что заводу снова необходима модернизация. Было потрачено 300 миллионов долларов на реконструкцию, на закупку новейшего оборудования. Удивительно, несмотря на непризнанность ПМР, все мировые банки давали Молдавскому металлургическому заводу

кредиты – 20, 30 миллионов долларов – столь велики были в деловой среде доверие и уважение к Анатолию Белитченко. И производство продукции резко пошло вверх.

– Молдавия своеобразно оценила мой труд. С 90 по 96-й на меня было совершено три покушения. Липчане присылали за мной машину, просили: «Уезжай»! Не мог. Уже не мог я завод бросить. Однако, как ни странно, я был и остаюсь в хороших отношениях со всеми молдавскими президентами. По работе было так нужно.

... Руководил я заводом так, как считал правильным и полезным для дела. Не думал, что задержусь здесь на всю жизнь. Но грянул развал Союза. Республику лихорадило. До сих пор все помнят крики «Чемодан-вокзал – Россия!». Появилось – в противовес Народному фронту, взявшему этот лозунг на вооружение, – Интердвижение, где моими единомышленниками были Яковлев, Сафонов, Шорников. В 89 году, когда вышел дискриминационный закон о функционировании языков и нас, депутатов Верховного совета МССР, демонстративно покинувших зал заседаний, избили, – завод встал и бастовал месяц. Вместе с нами бастовали ещё 200 предприятий. Ждали руководство Молдавии. Надеялись. Никто к нам на переговоры не приехал. Никому мы не были нужны. Что делать? Где выход? Мне пришла в голову мысль: а что если мы в этой ситуации создадим Республику, это будет правильно! Собрались. В зале было 200 человек, я озвучил идею с трибуны. Все были «за». Первыми нас поддержали силовики. Так что Республика родилась в Рыбнице. И первый референдум мы провели именно там. Генерал Ион Косташ двинул на Рыбницу вооружённый ОМОН. Но с полдороги его вернул. Мне предлагали возглавить правительство, стать президентом, но у меня был Завод. 30 процентов средств в бюджет молодой Республики давал он, 70 процентов – город. С завода – во время развернувшихся военных действий – ушли в окопы шестьсот человек. Уходили защищать свою землю, свои семьи. Позднее мы хотели встретиться с Михаилом Горбачёвым. Тот где-то прятался, отсиживался. Удалось побеседовать с Анатолием Лукьяновым, Председателем Верховного Совета, который сказал: «Вы единственные после распада СССР пошли по правильному пути». Говорили мы с ним три часа. Как сейчас помню его каменное лицо, но глаза – блестели!..

Есть в истории завода весьма символический момент. Двухтысячный год. Конец ноября. Несколько дней идёт мелкий ледяной дождь, начинает валить снег, ударяет мороз. Падают столбы. Обрываются линии высоковольтных передач. Останавливается жизнь в городе. Ледяные могучие деревья раскалываются на части... Катастрофа. Ущерб хозяйству колоссальный. Специалисты уверяют: для того чтобы восстановить электролинии, потребуется несколько месяцев. Рабочие ММЗ трудятся день и ночь – и уже через два месяца последствия были ликвидированы. Так из-под любого «обледенения» – производственного, исторического, политического – выходил Анатолий Белитченко победителем.

Отчего же не смог уехать Анатолий Константинович в родную Россию, даже в дни смертельной опасности? Он рассказывает о заводе, как о прекрасной планете – совсем не буднично, хотя интонации голоса его ровны, почти бесстрастны,

Рабочий момент интервью

а каждое слово – выверено, весомо. В руках внушительная пачка аккуратных бумажных листов – мелькает множество схем, графиков, отчётов, диаграмм. Задавать вопросы личного характера, дабы «раскрыть образ героя» – невозможно. «Погодите, погодите!» – мягко, но решительно прерывает он меня, продолжая рассказывать о своём сказочном Заводе. О своём любимом детище. Это просто музыка! Он показывает мне цветные кривые, зачитывает сухие данные, из которых складывается поистине грандиозная картина производства, чья мощь возрастала, благодаря новаторству Анатолия Константиновича, чёткой работе всех специалистов и рабочих завода и продуманной экономии с каждым годом (к слову, Анатолий Белитченко – автор сорока научных статей, монографии и 120-ти изобретательских патентов!). И даже мне – невозможно далёкой от чёрной металлургии – всё это становится по-настоящему интересно и понятно. Вот предстаёт передо мной Завод – удивительный, мощный, прекрасный. С просторными, модернизированными по последнему слову техники цехами – заслуга Анатолия Константиновича, с удивительно слаженным («как швейцарские часы!») и исключительно ответственным коллективом! Прежде всего заботился директор о рабочих – об условиях их труда, здоровье и отдыхе, о душевном равновесии. В итоге – при развале СССР металлурги всей страны сократили производство стали на 50 и 40 процентов, Рыбница же – только на 12.

А когда вышли на мировой рынок, то вдруг поняли, что на таких объёмах не выживут. Решили сделать одновременную прокатку арматуры и катанки.

– Понимаете, на многих заводах в прокатных цехах есть две линии: одна делает арматуру, а вторая, производящая катанку, в это время стоит. Только когда заканчивают катать арматуру, переходят на катанку. Ни на одном металлургическом заводе не бывало такого, чтобы и то, и другое производили одновременно. А нам было просто необходимо, чтобы оба способа вместе работали! Спрос диктовал!

Собирается «консилиум» из ведущих асов чёрной металлургии. «Не может такого быть. Не положено»! 27 лучших специалистов завода в один голос заявляют то же самое: «Никто в мире этого не делал и не сделает. Невозможно! Не получится! Бросьте эту затею!».

– Невозможно! А мы – сделали! По двое-трое суток не вылезали из цеха, но сделали. И, скажу вам, если бы мы не перестроились, туго бы пришлось нам в недалёком будущем. Когда в 90-х мы вышли на экспорт, производили только шесть профиль-размеров продукции. Реконструкция и новшества, как сейчас говорят – ноу-хау, которые мы привнесли и продолжали привносить каждый год, позволили выпускать 20 профилей-продуктов. В два с половиной раза увеличили производство. Рекордная часовая производительность – 132 тонны на экономии! Это

В заводском цехе

сильнейший показатель в мире! Заказов поступало в четыре раза больше, чем до реконструкции. Завод был аттестован по одиннадцати мировым стандартам, поставлял продукцию в 80 стран мира с продажей на 40 долларов за тонну выше, чем продавали Россия и Украина – за счёт высочайшего уровня качества продукции и точности исполнения заказов по времени. В 1997-м мы завод акционировали.

Анатолий Константинович указывает на пёстрые ломаные линии одного из графиков, отслеживающие спад и рост производства, сравнивает показатели разных лет.

– Смотрите! В электросталеплавильном цеху работали две электропечи, выдающие по 340 тысяч тонн стали в год. Мы вывели одну из них, и цех стал работать на одной линии. В результате – снизилась себестоимость, мы сэкономили – видите цифры?! – около двухсот семидесяти шести миллионов долларов за пять лет, то есть экономили порядка 55-ти миллионов долларов в год – за счёт снижения удельного расхода газа, электроэнергии, электродов, огнеупоров, снижения уровня брака и расходного коэффициента. Это позволило заводу выжить, иначе бы он обанкротился и остановился. А к 2000-му году ММЗ выдавал 960 тысяч тонн в год!

Графики обрываются 2006 годом, когда из-за объявленной Республикой Молдова блокады, блистательное шествие к рекордам Молдавского металлургического завода завершилось. Пришлось тяжко. Производство упало до 650-ти тысяч тонн. Анатолий Константинович рассказывал, как яростно боролся завод, а я подумала – «за выживаемость», будто славный боевой сильный корабль! Как умудрялся Белитченко договариваться в самых немыслимых условиях, как «выезжал» на личных контактах, добиваясь необходимых документов и подписей, на самых разных уровнях – от таможенников до тогдашнего президента Украины Леонида Кучмы, как отчаянно коллектив экономил и «крутился» … право, можно остросюжетную книгу написать! Завод выжил, но тут у соседей грянула «революція гідності», и в 2018-м Украина запретила поставлять в ПМР сырьё. А завод, спланированный и построенный в советское время, был рассчитан на поставки сырья именно из этой, некогда дружественной страны…

Голос Анатолия Константиновича не дрогнул, выражение лица не изменилось, но я представляю, как больно ему это произносить:

– Сегодня завод работает на 30 процентов. Я ушёл на пенсию после своего 70-летия в 2009 году. С 2010-го все показатели резко покатились вниз.

…У Анатолия Константиновича необычная манера закрывать глаза при ответах, словно он считывает их с внутренней стороны век, где отпечаталось Время.

– Возможно ли объединение Республики Молдова с Приднестровьем, на Ваш взгляд?

– Время ушло. Хотя, безусловно, выживать в наших условиях в одиночку тяжело. Завод без молдавского лома жить не может. Точкой соприкосновения могло бы стать общее дело. Досадно, что план Козака сорвали…

– Анатолий Константинович, я вот иногда просыпаюсь и думаю: нет СССР, моей родной страны – зачем жить?

Усмехнулся. *– Я с такой мыслью не встаю. Я «застоев» никогда не чувствовал. Шёл вперёд. Рук не опускал. Даже когда беда случалась. Даже когда по самому краю, казалось, шёл. Как-то напечатали против меня разгромную статью в «Социалистической индустрии» – прогорел ковш с горячим металлом, и 120 тонн стали вылилось на оборудование и пол. Это событие авторы статьи сравнили с гибелью корабля «Адмирал Нахимов». Представляете?! Восемьдесят седьмой год! Заступились директора металлургических заводов и Министерство чёрной металлургии! Заступился сам Егор Кузьмич Лигачёв, член Политбюро. Или вот – не сложились отношения с первым секретарём Рыбницы. Вопрос стоял – или я, или он. Я ждал. В итоге убрали* его*… 25 лет я был депутатом Верховного Совета всех созывов. Баллотировался в депутаты Верховного Совета СССР. Перенёс 11 хирургических операций. В 1999-м возглавил Союз промышленников, аграриев и предпринимателей Приднестровья, созданный при моём непосредственном участии, – общественную организацию, призванную помогать бизнесу. В следующем году Союзу исполнится 20 лет. Жизнь продолжается...*

– А может бизнес быть честным, Анатолий Константинович? Или это удел исключительно изворотливых дельцов без стыда и совести?

– В принципе, может и – должен! Но сегодня многое изменилось. Я людей не узнаю. Что с ними случилось?!

– Вы верите в Бога?

– Что шибко верую, сказать не могу, но вера есть. На 99 процентов построил храм в Рыбнице – Архангела Михаила – видели? Красивый, я курировал стройку и вкладывал средства. Много церкви помогал. Знаком и поддерживаю дружеские отношения с владыкой Саввой, митрополитом Владимиром.

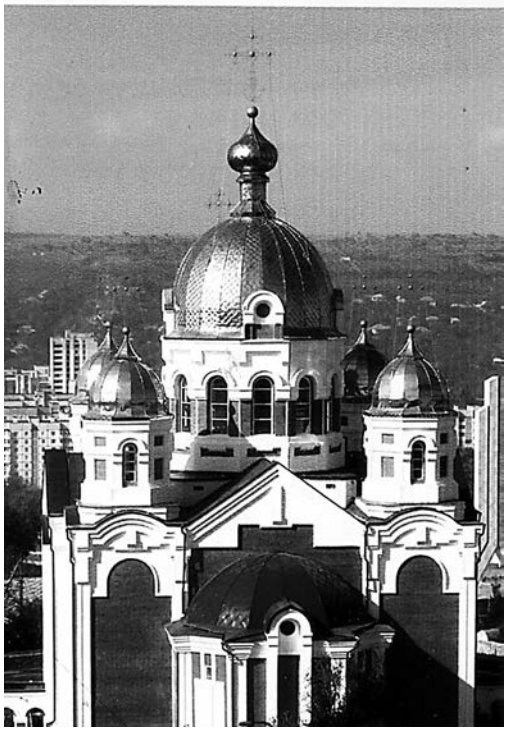
– «Три кита» счастья, по-Вашему? На чём держится Ваш мир? Есть ведь формула?

– Работа. Работа. Работа, – смеётся.

– Ну а любовь?!

– Я всегда говорил, что прежде всего женат на Заводе. А потом уже на своей, данной мне Богом жене Нелли.

Жена. Нионель Николаевна. Надёжный тыл. Познакомились совсем молодыми в Липецке. Полюбили. Через шесть месяцев знакомства поженились. Воспитали двух сыновей. Один из них ныне с семьёй живёт в Канаде. Другой – в Кишинёве. Внучки – умницы и красавицы. Одна входит в сборную Канады по художественной гимнастике. Другая вскоре приступит к работе в ООН. В упомянутом уже альбоме, где, провожая Анатолия Константиновича с поста директора, коллеги записывали на память свои пожелания, меня поразила фраза о жене: «*Всегда оберегала, никогда не ограничивая*». Поистине, за каждым великим мужчиной стоит великая женщина!



Храм Архангела Михаила (Рыбница), на фото сверху – Молдавский металлургический завод

– Сколько Вы с женой вместе?

– 58(!!!) лет.

– Ссоритесь?

– Конечно! Случается.

– И кто первым идёт мириться?

– Жена...

– А как вы ухаживали за ней в молодости? Стихи читали?

– Да нет, без стихов как-то обошлось. Но стихи я любил и люблю.

– Я заметила. У ваших заводчан даже гимн свой был! («Кипит в печи расплавленный металл, /Он укрощён, он нам послушен стал , /Судьбы и жизни, и труда венец, /Его мы плавим пламенем сердец!»).

– А что читали? Какие журналы чаще всего?

– «Юность»! – отвечает, не задумываясь. *– Журнал «Юность». Проглатывал от корки до корки.*

– Смешной вопрос – есть ли у Вас хобби?

– Сауну люблю. В Липецке у меня на производстве были лучшие сауны в Союзе. Я и на металлургическом заводе в Рыбнице построил для рабочих одиннадцать саун. Знаете, в 84-м году в Липецке у нас побывал секретарь ЦК КПСС

Долгих, посетил цех, поговорил с рабочими, посмотрел сауны – и пригласил ознакомиться с условиями труда на Новолипецком металлургическом комбинате министра здравоохранения СССР и Белянчикову, помните такую? Да, знаменитую ведущую популярной телепрограммы Центрального телевидения «Здоровье». Так вот, после визита к нам официально было рекомендовано устроительство саун на тяжёлом производстве чёрной металлургии. После ночной смены, после дневной – рабочему человеку нужно поддержать здоровье, восстановиться, набраться сил! У меня на заводе и отличный профилакторий был. С рабочего всё начинается. Прежде всего необходимо обеспечить человеческие условия труда. Я модернизацию всегда именно с этого начинал.

– А вот если бы можно было бы время повернуть вспять, Анатолий Константинович, что бы Вы изменили? Чего бы *не* сделали?

– Пошёл бы по этому пути. Не жалею ни о чём.

– И последний вопрос: Ваш любимый литературный герой? Вот с кого всё-таки делали Вы свою жизнь?!

Взглядывает на меня удивлённо и молодо – явно неожиданный вопрос. Уверенно произносит:

– Павел Корчагин. С Павла Корчагина!

Ну, конечно, конечно! Павка Корчагин! Чьё ещё бескорыстное служение Родине, чья безграничная отвага, дерзость и страстность воплощались в жизни миллионов комсомольцев Страны Советов?! Помню, как обожгла меня в юности книга «Как закалялась сталь» Николая Островского, каким пронзительным откровением оказались страницы её, абсолютно лишённые дешёвого пафоса, – о Гражданской, о мужестве, о самопожертвовании и неподкупности беззаветно верившего в светлое будущее рабочего поколения Павки.

Жизненный девиз Анатолия Константиновича, о котором все в Приднестровье знают: «Не словом, а делом!». Но мне кажется, не будь у Белитченко дара убеждения, не владей он – **на вес золота верным Словом,** – не шли бы за ним люди, не доверяли бы свои судьбы. Ведь помните? «В начале было СЛОВО!».

Олеся РУДЯГИНА, Кишинёв

(Снимки – из личного архива Анатолия Белитченко)

ГОСТЬ НОМЕРА

Casa mare

АРИНА ОБУХ

ВЫГУЛИВАНИЕ МОЛОДОГО ВИНА

– Сначала я был гениальным художником, потом талантливым художником, потом одарённым, а сейчас я просто пьяница.

Обычно после седьмой рюмки Игорь Ефремов выдаёт только крылатые фразы. После одиннадцатой он берёт топор и начинает бегать за Люсей. Поэтому Люся всегда знает, когда ему нужно побыть одному. Я думаю, это любовь.

– Красивых лиц нет, – говорит один художник другому. – Я специально оставил машину дома, сел в метро. И не увидел ни одного красивого лица. Понимаешь?

Собеседник трагически кивает.

Они стоят у своих полотен, с которых на них смотрят красивые девушки. Одна картина бежевых тонов, с прикреплённым отрезком грубого льна, помятого, вымоченного и тоже покрашенного в светлый тон. И силуэт девушки, идущей к морю – или от моря. На другой картине пять девушек, у них терракотовая кожа и чёрные волосы, они смеются и босиком идут по какой-то прозрачной глади – они веселы даже пятками и грациозны всей статью, одеты в туники и несут огромный сосуд с лицом женщины…

Красивых женщин в их жизни было очень, очень много. Но все они ушли к морю.

Картина называется «Выгуливание молодого вина».

И выставка так называется.

И вся их жизнь.

…Вино бродит, а в народе говорят – гуляет.

А гулять оно начало много тысячелетий назад. И вокруг этого гулянья, на праздниках бога вина Диониса, родились театр и все другие виды искусства.

Праздники назывались «симпозиумы». Сегодня это звучит строго и учёно, а в переводе с греческого означает «пиршество», «общая выпивка». И вот эта «общая выпивка» сопровождалась танцами, песнями и театральным действом. Потом, как следствие, появились декорации…

Получение вина сродни написанию картин: сначала возделывание лозы, сбор винограда, выдавливание сока, брожение винного сусла, отжим и, наконец, выдержка.

У кого-то получается амброзия, а у кого-то – уксус.

Я знаю человека, который выгуливает одну и ту же картину уже шесть лет (выдержка!). Эта картина размером четыре на пять. Кажется, что она когда-нибудь оживёт, присядет за столик, возьмёт маленькую чашечку кофе, достанет коньяк из секретного места и скажет:

– Павел, перестаньте меня писать! Дорисуйте этому кентавру ноги и повесьте меня в Русском музее.

Сначала эта картина была похожа на винегрет: там преобладал розовый и зелёный. Потом туда проник синий. Потом антрацит. Настала глубокая ночь.

– Это «Пир кентавров и лапифов». Симпозиум.

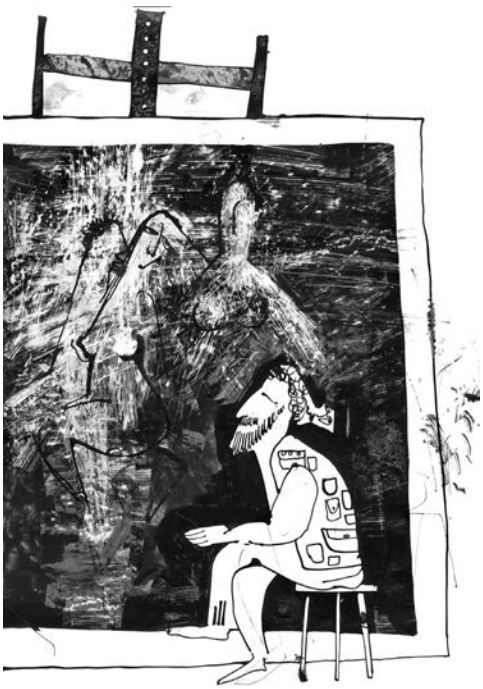
Пьяные кентавры портят свадьбу Пирифоя и Гипподамии. На протяжении шести лет. Невеста меняет платье. Жених поднимает бокал.

– Нет, нет! Жених поднимает меч.

Кентавры похищают несчастных девушек.

– Нет, нет! Кентавры похищают счастливых девушек!

С левого края картины начался роман. Он перекинулся и на правый край. Кентавр целует девушке шею. Девушка прекрасна. Третья грудь намечена углём. Как бонус.



– Ты можешь уже дорисовать эту грудь?!

– Могу.

– Ты уже наметил, осталось только обвести. И ногу наметил. Всё же готово. Сделаешь?

– А зачем?

Он достаёт булочку с маком и начинает есть. Булочка с маком делает его философом.

– Что значит «зачем»? Устроим симпозиум. Игорь, как этот кентавр, поднимет седьмой бокал (топор войны спрячем). Люся наденет новый наряд – красная ту-

ника, синие чулки, жёлтый шарф, полосатые волосы… И браслеты, браслеты, бусы, длинные серьги… На ком-то всё это ужасно. А Люся прекрасна.

На своих картинах Люся тоже идёт к морю. Море розовое и пенистое, как молодое вино.

…День сменяет ночь. Ночь – день. Приходит зима. Утро. Зелёный кентавр становится жёлтым… Идёт брожение. Картина бродит, художник бродит… Эта свадьба не кончится никогда. Кентавр поднимет семнадцатую рюмку, опасный момент…

– Я допишу картину завтра.

…Придя завтра, я увижу новый натянутый холст.

– Здра-авствуйте! Что это?!

– «Гуляй, Псков!».

– Но ты же вчера сказал…

– Потом. Погодя.

Псков. Дорога. По дороге идёт монах, женщина с курами, медведь с пьяницей встретились у храма – разговорились, женщина с головой козы идёт в откровенном наряде, под руку её ведёт кавалер. А наверху купола. Эта картина сотворилась за шесть дней. На седьмой день она стояла уже в раме. Амбро-озия!..

– А как же та?..

– Не приставай.

Я на стороне той картины.

Возможно, она допишется сама.

Кстати, многие его картины, потеряв терпение, так и делают.

ВОВРЕМЯ

– Вы всю жизнь так будете?..

– Нет.

– Когда-нибудь это кончится?

– Да.

– Когда?

– Вовремя.

Под моими окнами сидел Конфуций.

Он прислонился к стене дома и брезгливо щурился на солнце. Оно светило очень ярко и совсем не грело. Врало, значит. А он ждал, когда по реке проплывёт труп его врага. Но Нева была немножко левее по курсу.

Мимо него плыла толпа живых людей. Один получил главный ответ: «вовремя».

Человек посмотрел на бомжа так, как тот смотрел на солнце. Но Конфуций был убедителен.

И человек ушёл, вознаграждённый точным ответом на все вопросы. А Конфуций не сводил презрительного взгляда с солнца, пока то не упало за высокое здание общежития филфака.

На следующий день погода была гораздо честнее. Лил дождь, и жёлтые листья падали на его рубаху и цеплялись за бороду. Картина «Аллегория осени».

Кто-то положил рядом с ним круассан. Другой поставил бутылку пива.

Он не побрезговал, употребил все принесённые ему дары. Вытер лицо кленовым листом и продолжил смотреть листопад.

Он сидел так всю осень. А к зиме исчез.

И появился на другой стороне улицы. Неизвестный художник изобразил его на стене общежития. Прохожие негодовали: зачем же рисовать бомжа? Когда можно было нарисовать цветок там или Жар-птицу. Талант у художника явно есть. А ума нет. Человек на стене, сгорбившись, слушал пересуды, щурился… Нет. Это не прищур. Это тяжесть век. Она не давала ему распахнуть глаза. Да и зачем ему их распахивать? Чего он не видел?

В руках корзинка. В ней то ли банки, то ли листья. Он надел капюшон. Но ветер всё равно дует ему в лицо. Он смугл. Из-за этого тени от морщин на лице чёрного цвета. На куртке много карманов, но они расстёгнуты и пусты.

Из окна можно было всегда видеть, как кто-то останавливается возле стены в немой беседе: кто ты? Всю жизнь так будешь? Постоит. Сам себе ответит что-нибудь невнятное, мол, это я. И завтра… завтра я что-нибудь изменю. Хотя мог бы, конечно, вчера.

Ветер с Невы будет подгонять прохожего в спину. Нева заледенела. И вместо плывущих врагов там рыбаки. Сидят, не двигаясь. Ждут. Время от времени их вылавливает полиция. Но они приходят снова: когда-нибудь это кончится? Да.

Рядом с нарисованным человеком соседствует неприличная надпись десятилетней давности. Она была нарисована на жалюзи закрытого окна.

Однажды дом покрасили. А неприличность осталась.

Она вечна, как терпение рыбака.

А человек на стене исчез. Наверное, его ждали в другом месте. С тем же вопросом. Когда-нибудь это кончится?

Человек на стене исчез, но оставил послание человечеству:

«Ничего не бывает рано, ничего не бывает поздно – всё бывает только вовремя. Целую, твой друг Конфуций».

В ЭЛЕКТРИЧКЕ НА ВЫБОРГ

Чёлка откинута назад ветром из опущенного окна. Она смотрит в него вдохновенно. Наверное, любит путешествовать и еле уговорила мужа сегодня поехать куда-нибудь. Например, в Выборг. Он не был воодушевлён этой идеей, но согласился. Можно и в Выборг, наверное, ответил он с интонацией: можно и на казнь.

Глядя в окно, она время от времени оборачивается, смотрит, что он читает, затем тыкает в него пальцем два раза и направляет его взгляд в окно: смотри туда!

Он послушно смотрит. По выражению лица видно, что взгляд его касается только стекла. И он не видит за ним ни заходящего солнца, ни ветра, который борется с её челкой. Она машет рукой на это бесчувствие.

Он возвращается к газете.

Через минуту сцена повторилась. Но на этот раз она проявила настойчивость. Он нехотя оторвался от газеты и сделал в воздухе пару движений рукой, словно приглашая её на танец.

Она отвергла предложение. Отвернулась к окну. Он продолжил чтение.

Она нарочито долго смотрит в окно. С вызовом. Почти не мигая. Чтобы периферическим зрением не пропустить его взгляд. Взгляда не почувствовала. Обернулась сама. Посмотрела на него. И вновь отвернулась.

Он вздохнул, перелистнул страницу. Краем газеты случайно коснулся её плаща. Но ей показалось, что этим прикосновением он позвал её, и она гордо дёрнула плечом, мол, нет! Теперь нет.

Он снова перевернул страницу. И она поняла, что никто её не звал. Досада была как чайный пакетик, заваренный в холодной воде: досада застыла, повисла в мокром воздухе электрички.

Женщина опустила глаза чуть вниз. Как бы осматривая край оконной рамы. Затем посмотрела на него. И всплеснула руками – из её рук вырывались коршуны, ястребы, вороны и куропатки. Он свернул газету и изобразил в воздухе неуклюжую канарейку. Она рассмеялась и отвернулась. Досадуя на себя, что рассмеялась.

Он застыл. И приготовился к следующему её вызову. Действительно, через минуту она вновь обернулась.

…Её пальцы, как сердитые птицы, бились друг об друга. А потом энергично стали скользить то по внутренней стороне ладони, то по внешней – так быстро, что раздавался лёгкий свист. Она резала руками воздух.

Его пальцы, наоборот, гладили воздух. И скрепляли между собой разрезанные куски.

– Как красив язык немых, – сказал кто-то.

Электричка остановилась где-то в сумерках. Выходя, он подал ей руку. Она крепко ухватилась за неё, боясь соскользнуть.

МОЙ АНГЕЛ – ТКАЧ

Ты всегда забываешь телефон и ключи. Мой ангел уходит от меня и идёт по твоим следам. Возможно, его уже достало бегать туда-сюда, но это его работа. Его работа быть там, где мои мысли.

Он находит тебя в трамвае и садится рядом. Ты смотришь на краснокирпичные здания заводов, потому что ты любишь краснокирпичные здания заводов,

похожие на средневековые замки, и ангел глядит на тебя уже с одобрением и меняет маршрут твоего трамвая.

Мой ангел – ткач. Он вечно носит с собой маленькую раму для ручного ткачества и всегда что-то ткёт. Это похоже на современное искусство, но ангел-ткач говорит, что это облако. Он любит свою Родину и пребывает в ностальгии. И у него всё время выходит облако. Это патриотично.

Помимо нитей судьбы, он использует пакеты, газеты, фольгу и ветки – вплетает в гобелен всё, что под крыло попало. На облако это теперь совсем не похоже, и он говорит, что это «тапестри». Не знаю, где он набирается таких слов. В переводе это означает «гобелен».

– Скажи по-русски, что сплёл фигню, а не «тапестри».

В ответ ангел машет на меня крылами и вплетает бордовую нить. И ты садишься в старый трамвай бордового цвета.

Ты всегда выбираешь этот трамвай и этот цвет. Но сегодня твой любимый трамвай поменяет маршрут. Потому что его ведёт мой ангел-ткач.

– Представляешь! – кричишь ты с порога. – Сегодня мой трамвай неожиданно отвёз меня на улицу, на которую я собиралась це-елый год!..

– Что за улица?

– Барочная, там когда-то стояли у причала барки. Но самое невероятное, что одно время, ты не поверишь, она называлась Кишинёвской!.. Ты обязательно должна увидеть эту улицу!..

Это действительно невероятно, что эта улица однажды зазвала тебя, заворожила своими сумерками, жёлтым цветом стен и светом фонарей, разволновала неизвестно почему, а потом выяснилось, что она называлась именем твоего родного города, в который возит тебя в твоих снах бордовый трамвай…

В этом вы с ангелом похожи. Вы оба пребываете в ностальгии. Ностальгия – это одна из нитей основы.

– А ещё у меня тебе подарок! – говоришь ты и достаёшь маленькое блюдечко.

Блюдце с нарисованными синими прялками, дорогое, Императорского Ломоносовского завода. Ткач восторженно машет крыльями, он сразу понял, что это ему. За то, что он поменял маршрут трамвая.

Наверное, в прошлой жизни он работал на Максвельской фабрике и жил на улице Ткачей. Есть в Петербурге такая улица. Когда-то там шумели фабрики, и каждый встречный был ткачом. Теперь по этой улице бродит только один ткач и то – невидимый и крылатый. Но пока он есть, остаётся надежда, что ткачи вернутся.

Иногда мой ангел пропадает. Может быть, нитки покупает, а может, просто бредёт по Шпалерной. Или заглядывает на улицу Красного Текстильщика. Его, как и тебя, манят стены с красным неоштукатуренным кирпичом. Дворцы заводов и фабрик, потерявшие свой статус в дворцовых переворотах.

– Сколько же облаков можно было выткать!.. – вздыхает ткач.

Он каждый день ткёт новое облачное полотно. Иногда с натуры, иногда по памяти. Сидит весь в нитках.

Сегодня он решил поэкспериментировать: оставил несколько пустот. То есть выткал неравномерно и видна основа.

Поставил ткацкую раму к окну и наблюдает, как сквозь нити основы проходит улица, зима, бредёт мужчина с собакой и скрывается, будто его и не было никогда. Ушёл в сотканное облако.

Ткач очень доволен своим «арт-объектом».

– Когда-нибудь и мы уйдём в эти облака… – говоришь ты. – Но, знаешь, ведь Там не будет нашей этажерки, вазочек этих не будет, нашего окна – не будет всего этого, к чему мы так привыкли…

– Ничего, привыкнем и к облакам.

МОИ МИЛЫЕ ДРЕВНИЕ ГРЕКИ

Я не умею жить зимой.

Потому что родилась в чужой ностальгии. В ней нет зимы. Только иногда мелькает снег на виноградниках. Но очень редко. В следующем воспоминании виноград – уже вино.

Вино называется именем города – «Вечерний Кишинёв». Это самое лучшее вино. Но я его ещё не пробовала.

В детстве им не покупали сладкого петушка на палочке.

Поэтому, увидев на рынке петушков, они купили мне два.

За маму. И за папу. На, радуйся, ешь. За наше несчастное детство. Без петушка.

«Их делают люди с немытыми руками!» – когда-то говорили им их родители, оттаскивая прочь от торговцев сладостями и оставляя детей в раздумье: почему немытыми? Разве их не машины делают?..

Представляю: машины всё сделали – и тут наступает час «человека с немытыми руками». Минута славы: он может перетрогать все сладости в мире. И оставить всех детей несчастными.

Иногда и меня пугали этим человеком, но потом спохватывались:

– О боже, я говорю, как моя мама!

Мы гуляем по городу. Я иду посередине, они держат меня за руки. И говорят между собой.

– А помнишь, тут брусчатка была?

– Помню. А тут старинный завод стоял.

– Да, на замок похож был…

В их воспоминаниях всё очень сложно переплетено: начинается от забора, переходит в мелодию, мелодия цепляется за ветку, ветка тянется к фонарю, фонарь зажигается в сумерки.

В сумерки мы обычно сидим во дворе. Вокруг трансформаторной будки с надписью – «Не подходи! Убьёт!» – люди разбили сад. На железную решётку накинули плющ из дикого винограда, и трансформаторной будки почти не видно.

Уже осень и запахи становятся острее. Мы по очереди кланяемся каким-то круглым цветам, чтобы уловить аромат.

Я спрашиваю:

– А как они называются?

– Не помню… Но они пахнут, как вход на Комсомольское озеро со стороны Дневного кинотеатра, где была каскадная лестница с разноцветными огоньками и этими цветами. И фонтанчиками под каждой ступенькой.

– Какой сложный аромат.

– А, по-моему, они пахнут горячей от солнца пылью. Этот запах пыли во дворе, он преследовал всё моё детство…

Его воспоминания всегда присыпаны этой волшебной пылью. А для меня лично флоксы пахнут флоксами. А Комсомольское озеро… Это что такое вообще? Это где?

– В Кишинёве.

– А давайте поедем в Кишинёв. Раз там так хорошо.

– Кишинёва больше нет, это уже другой город. Есть только название и этот цветок. Но он растёт и в нашем дворе. Никуда ехать не надо, нюхай. Хотя можно поехать в Париж.

– Зачем в Париж?

– Чтобы увидеть Кишинёв.

– Как это?

– Я сама этого долго не понимала – почему у меня там Кишинёв…

А потом поняла: цвет! Они одинакового цвета. Тёмно-белого. А всё из-за ракушечника. И в Париже, и в Кишинёве дома построены из ракушечника.

– А что такое «ракушечник»?

– Ну, это такой камень. Из морских раковин.

Она хочет в Париж, чтобы увидеть Кишинёв. Дело в том, что красота любого города принадлежит Кишинёву. Кишинёв – это что-то вроде Древней Греции. Она есть, но её нет. А мои древние греки то и дело вспоминают, как брали Трою.

В этой Древней Греции в окна бьются персики и вишни – открываешь окна и впускаешь их в комнату. И когда в нашем городе наступает зима, то мои древние

греки вздыхают, мол, там, в Греции есть всё, а зимы нет. Воспоминания для них – это своего рода варенье на зиму. Мы его открываем и переживаем зиму.

Иногда очень хочется влиться в их беседу и добавить своё воспоминание, чтобы оно тоже тянуло за собой какие-нибудь лестницы и фонтаны…

– А помните кружку великана?

Гигантская красная кружка стояла на высоком доме, мимо которого мы каждое лето ехали на дачу. Это, как я поняла позже, была реклама какого-то кофе. Но мои древние греки говорили, что это кружка великана. И каждый раз я надеялась, что увижу обладателя этой необыкновенной кружки, и каждый раз расстраивалась, что великан уже выпил кофе и ушёл.

И я представляла, как он осторожно наступает на мост, потом на площадь, потом его нога застревает во дворе-колодце… Мысли о шагах великана всегда убаюкивали меня.

Но однажды кружка исчезла. Мне объяснили, что великан забрал её с собой. И кружка стала моим воспоминанием.

А ещё был слон.

– А помните, синий слон на детской площадке стоял?! Или он был серый?

Повисает пауза. Потому что слон ни за что не цепляется, а висит один, как дурак, в этой затянувшейся паузе.

Забираю слона обратно.

Чего его вспоминать? Если он так и стоит на детской площадке.

Слона я вспомнила, но воспоминанием он ещё не стал.

Но, возможно, когда я сама стану древним греком и встречу на каком-нибудь перекрёстке судьбы слона, то и со мной произойдёт воспоминание: горячая пыль поднимется столбом и смешается с ароматом «входа на Комсомольское озеро со стороны Дневного кинотеатра…».

– Знаешь, я не помню, как называются эти цветы, но они пахнут нашим садом во дворе, где была скамейка и стояла трансформаторная будка с дружелюбной надписью: «Не подходи! Убьёт!».

– Мама, это флоксы.

Для него флоксы пахнут флоксами. И ни один великан ещё не ушёл, забрав свою кружку.

Графика автора

Арина ОБУХ родилась в 1995 году в Санкт-Петербурге. Выпускница Художественно-промышленной академии им. А.Л. Штиглица, художник-график. Лауреат Международного конкурса «Волошинский сентябрь» в номинации «Малая проза», финалист Всероссийского конкурса «Книгуру» на лучшее литературное произведение для детей и юношества. Лауреат Национальной премии для молодых авторов «Русские рифмы. Русское слово» в номинации «Лучший писатель».

Публиковалась в журналах: «Октябрь», «Звезда», «Дружба народов», «Знамя». Участница 18-го Форума молодых писателей России и зарубежья, а также – Всероссийского молодёжного образовательного Форума «Таврида». Перу Арины принадлежат книги «Выгуливание молодого вина» и «Дикий янтарь», с иллюстрациями автора. Рассказы переведены на болгарский язык.

НЕЛЛИ ТОРНЯ

ТРЕБУЮТСЯ КРЫЛЬЯ

Молодёжному авторскому театру Юрия Хармелина – 40 лет

«Если это невозможно, это обязательно нужно сделать!»
Александр Македонский

Судьба этого неистового, отчаянного человека, подвижника – ярчайшее подтверждение эпиграфа. Вот кто верен себе и своему предназначению. Если идея с сумасшедшинкой в его голове родилась и оформилась, преград не существует. И что удивительно – всё получается!

О спектаклях его всегда писали, говорили, спорили. За четыре десятилетия он поставил их более двухсот пятидесяти. Слабых постановок не случается. Он – Мастер. В репертуаре блестящие или очень хорошие спектакли, непременно созвучные времени. Он разный. Есть сценические версии, которые зрители воспринимают неоднозначно. И это оправданно. На то он и художник.

Как-то с подмостков прозвучало: «Крылья, чтобы летать, купить нельзя…». В его театре молодые актёры зрителей всех возрастов учат взмывать в небо.

Позавидуешь невероятной работоспособности. Каждый театральный сезон – две-три премьеры в самых разных жанрах: комедия, пластическая драма, человеческая трагедия, романтическая история, рок-опера, сюрреалистическая драма, мюзикл, оперетта. И всегда – точное попадание.

Художественный руководитель и главный режиссёр Государственного молодёжного драматического театра «С улицы Роз», Заслуженный деятель искусств Молдовы, педагог по призванию и образованию, Почётный гражданин Кишинёва, кавалер Ордена Республики Юрий Аркадьевич ХАРМЕЛИН боготворит Дело, которому служит. Его вечная забота – любимое детище жизни, созданный и вынянченный им новаторский театр для юношества, известный далеко за пределами страны.

Театр «С улицы Роз», утверждают критики из разных уголков мира, приезжая в Кишинёв, это не просто театр, это явление в нашей многонациональной культуре. Самые яркие его спектакли в памяти, как сияющие блики на вечернем море.

Вот на их маленькой сцене – премьера по повести Эрика Шмитта «Оскар и Розовая дама». Трагическая история о десятилетнем мальчике по имени Оскар, который неизлечимо болен, обречён, и женщина в розовом больничном костюме – он нежно назовёт её Розовой мамой, светлым ангелом (народная артистка Молдовы Евгения Тодорашко) – через веру помогает ему уйти из жизни не в страхе и мучениях, а светло. Оскар – Василий Павленко, ведущий артист театра. Неожиданно удивительный тандем, редкий актёрский дуэт. Ребёнку вынесен приговор: жить осталось 12 дней. И тогда Розовая мама предлагает ему за каждый из них прожить 10 лет, попросить у неба мужества, терпения, просветления. И за эти неполные две недели мальчик проживает целую жизнь, постигая истину за истиной. «Чтобы кому-то нравиться, нужны не только красивые глаза, но и достоинства души… У судьбы много решений и все они разные. Всегда смотри на мир так, будто видишь его впервые». Большая пауза полной темноты и тишины. И печальный лирический персонаж – человек с саксофоном проступает из черноты сцены, олицетворение неумолимого рока. И ощущаешь всей кровью, остро, выходя из театра, как надо ценить и любить Жизнь, каждое её мгновение, и как важно не поздно понять это. Спектакль – сгусток мыслей, сомнений, страданий. И сеанс психотерапии. И мрак, и свет, и рождение, и смерть – всё в нём.

– Театр – действительно Ваш главный смысл пребывания здесь, Ваша миссия на земле, Юрий Аркадьевич. Альтернативы быть не могло. Почему же не сразу пришли на сцену?

– После школы очень хотел поступать в театральный вуз, но не решился. Думал, что моя мечта никогда не осуществится. Я любил языки и пошёл на иняз. Но когда после Пятигорского пединститута приехал работать в кишинёвскую 55-ю школу, первое, о чём спросил у директора: «А у вас есть актовый зал?». «А зачем он вам?». «Я хочу создать в школе театр!». Я не говорил кружок, а именно так – театр. В тот же день повесил объявление: «Жду ребят, которые хотят играть на сцене». Ровно через месяц мы показали свой первый спектакль «Барабанщица».

Позднее получил профессиональное режиссёрское образование. Восемнадцать лет наш театр юного актёра работал при школе, что на улице Роз. Его знали и знают несколько поколений зрителей.

Кто не падал, тот не поднимался. Сколько же было в его судьбе катастроф и бед… Человек, чей авторитет у детей, родителей, коллег непререкаем, вынужден вечно сражаться. Грустно вспоминать путь его хождения по мукам. Процветающий в городе театр, в котором всегда аншлаг, родившийся в стенах школы, безжалостно вдруг выдворили. Хармелин ценой неимоверных усилий в рекордно короткий срок обустроил под театр опустевший детский сад. Отобрали и его. Выселяли грубо и бесцеремонно. Нет, не опустил руки: на него с надеждой смотрели детские глаза. И тогда в другом заброшенном саду на улице Куза-Водэ опять началась стройка. Не только классы, но на этот раз и зал – с рампой, светом, вентиляцией – оборудовали они. Чиновники только руками всплеснули: ай да Хармелин, пробил-таки стену равнодушия! Но весь этот кошмар надо было пережить… Постоянно отстаивать своё право заниматься любимым делом – его странный и горький удел.

– Все четыре десятилетия режиссёр Хармелин с невиданным упорством и великим удовольствием ставит русскую классику: Пушкин и Лермонтов, Гоголь и Достоевский, Салтыков-Щедрин и Островский, Лесков, Чехов, Маяковский, Алексей Толстой, Булгаков. Что она для Вас? И как в материале позапрошлого века обнаружить актуальность? Впрочем, монолог Фамусова из «Горе от ума» звучит так, будто дописал его Грибоедов сегодня ночью.

– Тем и хороша классика! Особенно русская. Она очень наша и современна навсегда, сколько бы столетий не миновало. Главный предмет исследования русской литературы – человек, а он за несколько веков изменился мало. Сколько его не изучай, он останется тайной. Классику нельзя не ставить. Она каждый раз – глоток свежего воздуха. К тому же мы – русский театр в национальной республике, а значит должны предлагать зрителю уникальное искусство русской театральной школы. Единственный молодёжный театр в стране просто обязан быть носителем и пропагандистом русской культуры и русского языка. Я ставил впервые «Мёртвые души» больше тридцати лет назад. И во времена Николая Васильевича, и тогда, и сегодня всё остаётся по-прежнему: казнокрадство, мошенничество, взяточничество. И сейчас все пороки живы, всё и поныне насущно, злободневно, увы.

– Но Ваши теперешние «Мёртвые души» не про это. Или, вернее, не только про это…

– Когда мы репетировали, я пошутил: «Вот посмотрят наш спектакль на Украине и запретят Гоголя». И моя догадка оказалась горьким пророчеством, совпала с суровой реальностью. Предложили тамошние вожди забыть навсегда, вычеркнуть из памяти украинского народа имена Гоголя, Булгакова. Как говорится, без комментариев…

Сцена из спектакля «Мёртвые души»

Считаю, что это очень патриотический спектакль. «Не так ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка несёшься? Дымом дымится под тобою дорога, гремят мосты, всё отстаёт и остаётся позади… Русь, куда ж несёшься ты? Дай ответ. Не даёт ответа. Чудным звоном заливается колокольчик…». Это, конечно, главный посыл спектакля, побуждающий думать. Всё вокруг вымерло… Но мы-то живые! Значит, просто обязаны хоть что-то изменить к лучшему в этом мире.

В разные годы не только русскую, но и зарубежную ставил он классику: «Ромео и Джульетту» и «Короля Лира» Шекспира, «Трактирщицу» Гольдони; «Полицию», «Танго» и «Эмигрантов» Мрожека. Не забыть зрителям напряжённый психологический этюд по пьесе Жана-Поля Сартра «За закрытыми дверями».

В лирической комедии по пьесе известного американского драматурга Айра Левина «Кантор» художественный руководитель театра впервые выступил в заглавной роли. Выяснилось, что актёр-Хармелин наделён потрясающим уровнем обаяния. И спектакль до сих пор живёт. Правда, это была единственная проба себя в новом качестве.

И лучшая советская драматургия присутствовала в репертуаре театра в полной мере. Были «Синие кони на красной траве» Михаила Шатрова, «Утиная охота» Александра Вампилова, сказка для взрослых «Голый король» Евгения Шварца, «Две стрелы» Александра Володина и героический «Варшавский набат» о судьбе педагога-гуманиста Яноша Корчака и его учеников, замученных в Треблинке, прозвучавший так публицистически громко накануне 70-летия Победы над фашизмом.

Он не только и не просто режиссёр. Он основатель и директор Городского театрального лицея, уникального учебного заведения, единственного на всём европейском пространстве. Через его сердце за эти долгие годы прошло более трёх тысяч детей, прикоснувшись к настоящему искусству. Как здесь великолепно поют, а как танцуют! И это не только выделка талантов, но и кузница детских душ. Дух творчества витает в классах и коридорах. Здесь умеют удивлять и удивляться. Здесь учат жить, слыша и понимая друг друга. Свежий ветер здесь приветствуют, не боясь сквозняков. Маленькое сердце не может вынести отсутствия любви. По утрам, переступая порог лицея, его воспитанники читали главную заповедь, начертанную огромными буквами: «Здесь тебя любят». Он для них и учитель, и маяк. Сумел создать уникальное творческое содружество детей и взрослых, одержимых тайной театра.

А тем, кто рискнул навсегда посвятить себя сцене, выдалась счастливая возможность получить и высшее театральное образование в родном городе. Родилась, опять же с его лёгкой руки, Межнациональная академия культуры, театрального искусства и менеджмента, перевоплотившаяся позднее в театральный факультет Славянского университета Молдовы. А Юрий Хармелин возглавил его. Поражаешься, как ему достаёт времени на всё, где он черпает силы на всех?

– Пастернак утверждал, что стихи слагаются навзрыд. А спектакль как рождается – тоже в муках и сомнениях?

– Конечно! Читаю пьесу, которая меня встревожила, обрадовала, удивила или рассмешила. И вот я хочу, чтобы эмоции, которые я испытывал, пережил и зритель. Я, полагаясь на свои чувства, пытаюсь вызвать их у людей с помощью всевозможных выразительных средств. Но самое главное – посредством работы с артистами. Потому что можно смастерить великолепные декорации, придумать и сшить прекрасные костюмы и… ничего не получится. Я смотрел когда-то спектакль по Гюго в московском Театре юного зрителя. Когда открылся антрактный занавес, зал зааплодировал, пока только ему. Такой он был потрясающе красивый. Потом мы увидели декорации. И опять взрыв аплодисментов. Затем появилась массовка в необыкновенных костюмах, артисты в них застыли. Это было так очаровательно, что зрители снова захлопали только этим внешним театральным атрибутам. А потом начался сам спектакль, и… люди стали потихоньку расходиться, так это было плохо и тоскливо. Как ни крути, а главный герой в театре – его величество Актёр.

Для постановок он выбирает только те произведения, которые заряжают его самого энергией, где нет скуки и мертвечины. Вот ещё спектакль – весёлый, яркий, беспроигрышный. Комедия-лубок по пьесе-сказке «Про Федота-стрельца удалого молодца», культовому произведению Леонида Филатова. Безупречные костюмы, юмор, шутки, прибаутки, стилизация языка под народную речь, удачные режиссёрские находки и изобретения, свежая, радостная игра молодых и юных актёров – поистине бриллиант в театральной афише их 30-го сезона. А уж о музыкальности этой сценической работы – сказ особый. Русские народные песни – как собирательный персонаж спектакля, – словно драгоценными камнями, украсили пьесу Филатова. Актёры поют вживую, без всяких фонограмм и микрофонов. Да что там – на инструментах самостоятельно играют. В каждой мизансцене – правда, нет и тени фальши. С таким удовольствием и лёгкостью пребывают на сцене все действующие лица и исполнители, будто и не работают вовсе, а лишь удовольствие для души получают. И совершенно бесподобны, настоящие профи царь – Василий Павленко и Федот-стрелец – Александр Шишкин. Последний в своём Федоте, олицетворяющем лучшие качества русского народа, такую глубину почувствовал!

А мюзикл Хармелина по пушкинской «Сказке о попе и работнике его Балде», где русская речь сияет во всей её прелести, во всём богатстве! Ну вот уж точно – по праву Юрий Аркадьевич награждён почётной Медалью Пушкина.

А какое оптимистически-ностальгическое настроение дарит зрителю особый его спектакль-жемчужина – «Белая акация» на музыку Исаака Дунаевского. Сколько же в этой оперетте света, блеска, радости.

– Вы всегда с подмостков говорите то, что думаете. Вы никогда не жили по указке. Вы ставили то, что хотели. Вам никто ничего не запрещал.

– Мне никто не помогал, и я ни от кого не зависел и никому ничего не должен был. Потому и ставил то, что считал нужным. Делился с юным зрителем, и не только, собственным видением мира, собственной позицией. Я ищу материал, который меня волнует. В мире искусства столько неизведанных путей. Нужно идти впереди времени, опережать его. Это заболит завтра, а говорить надо сегодня.

– А существует граница режиссёрской свободы?

– Личная, собственная граница да, непременно должна быть. Считаю, что режиссёр призван обладать хорошим вкусом. Ему нельзя быть пошлым, нельзя выпячивать себя: я, мол, умнее автора. Первична в театре драматургия, а спектакль вторичен. Перекраивать автора у режиссёра нет права. Искусство не может, не должно быть аморальным. Художник обязан думать, как его слово отзовётся. Со мной частенько так происходило: ложусь спать и представляю встречу с Пушкиным, Островским, с Борисом Васильевым, с тем, кого ставлю. Спрашиваю: «Вот я сделал спектакль. Как он, это верное решение?». И обязательно должен был услышать в ответ: «Именно это я хотел сказать, именно об этом писал». Если я такого ответа во внутреннем диалоге не получал, у меня оставались какие-то мучительные сомнения, я продолжал искать, думать. До тех пор, пока такой ответ не приходил. Я разговариваю с автором пьесы, пытаюсь его понять.

– Вы всегда экспериментировали. А что самое хулиганское, в хорошем смысле, Вам довелось совершить на сцене?

– Никогда к тому не стремился. Не люблю эпатаж, вот, мол, что-то такое сотворю, чтобы обо мне заговорили! У меня никогда не было такой цели. Просто я вот так вижу. Делаю и говорю то, что мне сейчас хочется сказать со сцены. Эпатаж – это искусственный подход. Но эксперимент в нашем театре всегда присутствовал, это правда. Режиссёр не может топтаться на месте. Нужно идти, не останавливаться. Не люблю повторяться. Вот никогда не ставил Бертольда Брехта. К сорокалетию театра завершил постановку пьесы «Мамаша Кураж и её дети». К сожалению, это более чем современная пьеса. Я говорю о сожалении, потому что и нынче продолжают наживаться на войне и хотят её, и она идёт в разных точках планеты. Мне очень важно было вновь поговорить со зрителем о войне и мире.

Его спектакль-протест никого не оставил в зале равнодушным. Современнейшая версия старой пьесы! Неожиданный режиссёрский поворот, профессионально исполненные зонги, сногсшибательные костюмы театрального художника Натальи Силиной. Спектакль по Брехту рвал сердце на части, горячо призывая остановить все войны на земле. Влиял на умы и сердца.

Точно так же, как одна из лучших его сценических работ – «Падам…Падам…», радующая зрителей уже 15 лет. Спектакль о судьбе великой французской певицы Эдит Пиаф, в роли которой Ольга Софрикова. Это спектакль во славу европейской знаменитости, но он и о том, как непросто выживать отдельно взятому таланту в жёстких рамках обстоятельств. Судьба творческой личности, судьба театра. Парижскому заморышу дали имя Пиаф (Воробышек) и сцену. У нашего талантливого молодёжного театра есть романтическое имя, сквозь которое как ироничное пророчество просвечивается его многолетняя судьба. Есть славная биография, многочисленные гастроли, высшие награды международных театральных форумов и собственный фестиваль. **Но все эти годы нет у него настоящей профессиональной сцены, нет своего дома.** У театра юного зрителя, который с 1978 года спасал и спасает подростков города, страны (они ездят на гастроли по республике) от соблазнов и пороков. Полтора десятка постоянно обновляющихся сказок в репертуаре. И в каждой – столько режиссёрской мудрости, блеска и фантазии! Самые любимые детьми – «Пеппи Длинныйчулок» Астрид Линдгрен с озорной, смешной, забавной и трогательной Пеппи (Елена Тендель); «Золотой ключик» – сказка о людях и куклах по Алексею Толстому,

Спектакль «Падам-Падам....»

«Приключения Чиполлино» – овощное кабаре с песнями и танцами по Джанни Родари, «Перепутаница» – музыкально-сатирическое представление для детей и взрослых по Корнею Чуковскому; «Огниво» по мотивам сказки Ганса Христиана Андерсена; «Мистер-Твистер» по Маршаку, музыкальное представление «Незнайка и его друзья» Николая Носова. Сколько же за эти годы было сказок на их сцене… Приобщение юных к театральному творчеству – это ли не защита детей от депрессии и неприкаянности?..

– А присутствовала ли в Вашей режиссёрской судьбе, Юрий Аркадьевич, мистика? Возникали необъяснимые неожиданные ситуации в процессе постановки? Считается, что таких опасных названий несколько: «Пиковая дама», «Маскарад», «Мёртвые души», «Мастер и Маргарита»… Вы их ставили все. «Мастер» почему-то быстро сошёл с подмостков.

– Мы «Мастера» недолго играли, потому что у меня тогда был всего лишь школьный актовый зал. Если бы был театр, спектакль до сих пор жил бы. Что-то такое странное происходило, когда я ставил мистическую драму «ТройкаСемёркаТуз» по мотивам пушкинской «Пиковой дамы». Приехал к нам для постановки известный театральный художник из Москвы Степан Зограбян, лауреат премии «Золотая маска». Его для нашего театра пригласил Союз театральных деятелей России, они тогда помогали русским театрам зарубежья. Я хотел, чтобы Алла Самарцева играла графиню. Мы с художником поехали к Алле на такси в день её рождения, чтобы поздравить и поговорить о будущем спектакле. Стояли на светофоре и вдруг в нас врезается машина. Я больше всех пострадал. Мы пришли к Алле. Я весь в крови. И она отказалась играть графиню, расценив этот инцидент как плохой знак, предупреждение свыше.

Второй случай, представьте, имел место на этом же спектакле. Я хотел, чтобы лакеи были в чёрных перчатках, чтобы они целиком сливались с чёрным бархатом сцены, чтобы не было видно их белых рук. Пошёл на ближайший рынок и купил десять пар тонких чёрных перчаток. Принёс их в театр. Они переложены были картоном с картинками. И знаете, что на них было? Их вырезали с листа с изображением игральных карт. В каждой паре – какая-нибудь карта. Можете представить наше изумление. Простое совпадение ли?..

Когда мы были с этим же спектаклем на гастролях в Херсоне и репетировали, в костюмерной на четвёртом этаже вдруг начался пожар. Репетицию попросили остановить и всем немедленно покинуть здание. Когда пожарные огонь потушили, хозяева вынесли вердикт: только «Пиковая дама» тому виной.

– А в Высшие силы верите? В то, что Он, Всемогущий Драматург, посылает вдохновение, помогает творить?

– Не могу не верить. ОНИ не раз подставляли мне плечо в таких невероятных ситуациях, в которых другие не выживают. Вот хотя бы моя операция на открытом сердце двадцать лет назад. Не сомневаюсь, что меня тогда вернули к жизни хорошие люди и Высшие силы…

В Театре-студии с улицы Роз играют очередную премьеру – «Божьи коровки возвращаются на землю», пьесу сибирского драматурга Василия Сигарёва. Дей-

ствие происходит в течение вечера и ночи, но какая же горькая драма откроется за короткий срок перед нами! Жизнь на сцене ещё не началась, а уже зябко. Серые стены, два замызганных кресла, грязный топчан. И кресты, перекошенные кресты вдоль всего тесного пространства запущенного жилища на краю заброшенного кладбища, в котором полтора часа будут существовать герои. Сомнений не остаётся: мы на дне. (Сценография Оксаны Бельдий). Перекличка во времени, горьковские мотивы? Сегодняшнее социальное дно крупным планом? Выясняется – страшнее оно во сто крат классического в ночлежке. Быть может, от того горше, что перед нами – вчерашние дети, которых бросили все… Тема стара, как мир. Подранки были во все времена. Правда, в той, прежней жизни о них худо-бедно заботилось государство. В роковые 90-е они тихо гибли в подвалах и подворотнях – от наркотиков, побоев, голода. Поросло травой забвения старое городское кладбище. Ещё одна тема – предательства памяти. Сбитые на переплавку таблички с могильных крестов – знакомый до боли мотив и кишинёвской реальности, не правда ли? Сказание о городе и кладбище – остов, стержень спектакля. Почти поэтический текст (контраст низменного и высокого) – цементирующий весь материал.

Мрак, чернота. Но юные главные герои пьесы жаждут вырваться из этого гибельного круга, из мёртвой зоны! Они ещё способны жалеть друг друга. У этих брошенных всеми детей болит душа, она ещё не совсем онемела от горя. Значит, есть шанс на выздоровление? Находка – добрый символ родом из детства, «живая капелька крови», опускающаяся на ладонь Димы: «Божья коровка, полети на небко, там твои детки кушают конфетки…». Они бегут за ней – беззащитные, неприкаянные, как эта маленькая букашка в бездушном огромном мире. И всё ж она – олицетворение солнца. Она умеет летать! Режиссёр выводит двоих, ещё живых, в полосу света, яркого, тёплого. Они уходят, взявшись за руки, словно по солнечному лучу. …Ночь кончится. Забрезжит рассвет. Осень шагнёт в зиму. «Упали с неба первые снежинки, похожие на белые звёзды. Повалил снег, засыпал всю округу, всю грязь. И стало на свете светлее. А потом и совсем светло стало», – дарит нам надежду Хармелин своим уверенным голосом. Делает паузу и посылает в зал последнюю фразу: «Как, впрочем, и должно быть, наверно…».

– А что труднее – побудить зрителя смеяться или плакать?

– Вызвать желание плакать легче. Надавил на две-три струны и слёзы в глазах. А вот рассмешить, поставить хорошую комедию гораздо сложнее. Смех – лучшее лекарство, как утверждали мудрецы. Я всегда просто счастлив, когда на моём спектакле смеются. Жестом многое можно выразить, а уж глазами – вообще всё. На нашем Девятом международном театральном фестивале камерных театров и спектаклей малых форм «МОЛДФЕСТ.РАМПА.РУ» мы показывали свой «Автобус», и зал так хохотал! Над жестами, взглядами, какими-то тонкими нюансами, цепочку которых я выстроил, смеялись. А ведь зритель был искушённый – актёры, режиссёры, критики.

– К слову, о знатоках-ценителях. На фестиваль по традиции приезжают профессиональные рецензенты отовсюду. Какие тенденции развития современного театра прослеживаете? Куда он идёт? Театр не умер, как ему пророчили…

– И не умрёт никогда. Критики смотрят наши спектакли и порой восклицают: «О, уровень европейский!». А я этого не понимаю. Лучше русской театральной школы нигде в мире не было. Может, когда они говорят о европейском уровне, они имеют в виду, что спектакль можно показывать в Европе, и это будет интересно и там? Наш театр сейчас много ездит, в том числе и по европейским странам. И лучше русского театра нет. На Западе, к примеру, тяга к перфомансу. И они начинают такое вытворять на сцене! В Чехии я видел спектакль без единого слова. Выходил на сцену актёр, и начинал утренние процедуры. Брил лицо, брил под мышками, грудь, опускался ниже, брил везде. Вот такая тенденция к натурализму. Режут вены на сцене. Я считаю, что к театру подобное безобразие не имеет никакого отношения. И какая уж там одухотворяющая миссия… И не надо городить чепухи о новой европейской эстетике.

Лирическая комедия «Лёвушка»

– Прежде театр учил жить, теперь лишь развлекает?

– Когда я учился на режиссёрском отделении в Щукинке, я смотрел истинные шедевры. В Ленкоме у Марка Захарова шли просто потрясающие спектакли. Сейчас там таких нет. В Петербурге это ещё не так очевидно. На нашем фестивале была ведущая актриса Театра на Таганке Полина Нечитайло. С горечью говорила, что сейчас в репертуаре осталось только три любимовских спектакля, на которые не достать билетов. Руководство театра собирается их изъять из репертуара. А почему бы не поддержать, тем более что на них трудно попасть? Именно по этой причине снимают: чтобы зритель не сравнивал их с нынешней продукцией.

– Так что же получается – мировой театр деградирует?

– Мне кажется, да. По крайней мере, я вспоминаю спектакли в МХАТе, в Маяковке, я тогда каждый вечер бывал в театре. Понятно, что многие мэтры ушли из жизни, состарились. Есть, конечно, плеяда молодых, но они безжалостно затёрты телеэкраном. Провинция сегодня гораздо интереснее, чем Москва. Здесь стараются быть на уровне, не терять главного – просветительской, психологической миссии театрального искусства. Мы бывали в Новосибирске, Омске, Екатеринбурге, Челябинске. Там человеческое ещё проступает на сцене. Там это важно! И не только в Сибири, на Урале.

Фестивалей камерных театров в России не так много, как и в Европе. Были традиционные – челябинский и мурманский. Замечательно, что родился ещё один – кишинёвский. И начался и у нас тот самый, столь всегда необходимый – меж-

культурный диалог. Впрочем, не бывает театральных сборов без объединяющей идеи. Для фестиваля, придуманного Хармелиным и его командой, такой идеей стал русский язык. Впервые камерные «русскоговорящие» театры мира собрались в Молдове, в его крошечном лицейском театре. Тогда такой его шаг требовал мужества и отваги.

Десятилетие минуло, а я до сих пор помню первый их фестиваль. Помимо лучших спектаклей, представленных хозяевами, щемящей его нотой, самым человечным и трогательным стал моноспектакль «Теза с нашего двора» театра из Одессы «Ланжерон». Трагикомическая повесть Александра Каневского в представлении талантливого молодого актёра Виталия Бондарева прозвучала так сильно и пронзительно в Кишинёве в это тревожное для нашей страны время – как призыв к согласию и примирению. Полтора часа зал плакал и смеялся над судьбой многонационального одесского двора, где все десятилетиями жили одной семьёй, и никто не интересовался ни чьей пятой графой… А потом возникла трещина в эпохе, разрывающая кровные связи. Как велика сила слова! И чего стоит умная сценография: на нас, как человеческие глаза, глядели окна – большой фотоколлаж, создающий атмосферу времени, поддерживающий эмоциональную тональность спектакля. Всё действо сопровождал голос скрипки. Мы все – на одной палубе.

– Прошлой осенью в девятый раз Вы со своей командой встречали гостей – людей театра из десяти стран мира. Как Вы решились тогда, давно, затеять этот пир духа при нашей бедности?

– Мы стали активно ездить на гастроли. В 1990-м году наш театр представлял СССР на международном театральном фестивале в Венгрии. Нас стали активно приглашать на различные фестивали. Я написал свой проект, отправил его в Фонд «Русский мир». Сначала отказали, а потом неожиданно перезвонили: «Мы поддержим эту интересную кишинёвскую идею». Все эти годы финансово помогали в проведении фестиваля, за что мы бесконечно благодарны. Ну и конечно, спонсоров сами ищем. Бесценна для нас и поддержка Посольства России в Молдове.

Я рад, что фестиваль «МОЛДФЕСТ.РАМПА.РУ» работает на добрый имидж нашей страны. Рад, что цели, поставленные перед этим театральным форумом десять лет назад, достигаются. Зрители получают возможность убедиться, что русская театральная школа по-прежнему остаётся ведущей в мире искусства. Наш фестиваль камерных театров очень любим всеми! До трёхсот заявок из разных стран приходит, мы тщательно отбираем. Останавливаемся только на тех спектаклях, которые и впрямь представляют новаторский взгляд, глубину мысли, оригинальность постановки. В десятый, юбилейный фестиваль собираюсь привнести новшество: пригласим не только известных театральных критиков, но в экспертный совет обязательно введём и режиссёра, чтобы он судил о спектаклях с точки зрения режиссуры. Позовём и именитого актёра, который будет оценивать актёрскую игру. Думаю, это будет интересно.

Когда начинается очередной фестиваль, работа кипит с 9-ти утра до полуночи. Всегда занята вся труппа нашего молодёжного театра, преподаватели и студенты Славянского университета, старшеклассники Городского театрального лицея. Трудимся в поте лица, всей своей дружной семьёй.

«МОЛДФЕСТ.РАМПА.РУ» развивается, растёт по восходящей, отражая живой театральный процесс. И каждый раз это – малый театр крупным планом. Богат духовный потенциал кишинёвского проекта. По пять спектаклей в день на двух сценах, их обсуждение, мастер-классы – по сценографии, актёрскому мастерству, истории костюма. И каждый год разнообразие – тем, жанров, драматургии. Из 27 стран мира приезжали к нам в Кишинёв артисты. Многих знаменитостей повидала их маленькая сцена. Среди гостей был известный режиссёр Нугзар Лордкипанидзе, который специально для нашего фестиваля поставил спектакль на русском языке, тогда как в его родном Гори и Тбилиси всё реже можно было услышать русскую речь. Не один раз приезжал на фестиваль в гости к Хармелину Николай Коляда, драматург, чьи неординарные пьесы ставят театры в разных уголках мира. В Молдову он привёз потрясшую нашего зрителя своим вот уж точно сногсшибательным художественным решением постановку гоголевского «Ревизора». Сколько копий было сломано! Имя уральского режиссёра стало едва ли не самым громким на нашем фестивале. Не зря с годами «Молдфест» превратился в фестиваль-лабораторию. Именно потому, что в Кишинёв привозят и необычные спектакли, здесь экспериментируют – на мастер-классах и на сцене. Полюбился наш театральный праздник и народному артисту России Юрию Назарову, который к нам возвращается вновь и вновь. Прощаясь, гости фестиваля неизменно благодарят Юрия Аркадьевича за его спектакли, в которых он призывает зрителя жить так, чтобы не было стыдно. Благодарят режиссёра за его человеческий подвиг.

– Каков же он, сегодняшний портрет кишинёвского авторского театра Юрия Хармелина?

– Ставлю спектакли не только я, но и мои ученики. Известный московский режиссёр Николай Дручек, представивший много глубоких сценических работ на разных сценах, работал с нашей труппой. Знаменитый мастер театра Грузии Нугзар Лордкипанидзе, утверждающий, что на сцене нет места банальности, в нашем театре поставил пьесу Ричарда Нэша «Продавец дождя». До сих пор остаются в репертуаре два спектакля, поставленных Вячеславом Маданом. Театр за все эти годы вырос. В труппе не осталось самодеятельных артистов, работают только профессиональные актёры. Есть и возрастные – пришедшая к нам из театра имени Чехова Мастер искусств РМ Людмила Колохина, Марина Мадан, тоже Мастер искусств Молдовы из «Ликурича». Всего 28 артистов сейчас в труппе, но случаются спектакли, в которых задействовано 40 человек. Все должны выходить на сцену– и студенты Славянского университета, и дети из лицея. Вот пришёл в театр Богдан Хорохорин, недавний выпускник театрального факультета, который радует актёрским умением, какому он четыре года учился здесь, в нашем театре. В «Мёртвых душах» удивил он зрителей, сыграв за вечер пять ролей, всех персонажей гоголевской поэмы.

Дети из нашего лицея поступают в разные высшие учебные заведения. Я не устаю повторять, что далеко не все они станут актёрами, это и не нужно в нашей маленькой стране. Моя цель – гармоничное развитие юной личности. Они счастливы, что могут петь, танцевать, прекрасно двигаться, великолепно говорить. Но каждый год выявляются одна-две жемчужинки, которым суждено пойти по моей нелёгкой стезе. Мои ученики разъехались по всему миру. Когда покидают театр,

провожаю их с невероятной грустью. Но они ответственны перед своими семьями, как прожить на нашу нищенскую актёрскую зарплату?

Меня много раз приглашали в разные театры. Вы же не бросите собственного ребёнка, чтобы вам стало легче жить, вот и я тоже не смею. Я мог бы работать в любой стране мира, но каждый раз твердил, что никуда не поеду. Это моя страна и мой театр.

– Ваша команда – удивительный единый организм, оркестр, который не фальшивит. Прожили они вынужденно долго без Вас и не растерялись, не пали духом. Виделись эпизодически, между Вашими сеансами химиотерапии, а репертуар удержали и доказали, что наш молодёжный театр жив – вопреки всем невзгодам.

– Это невероятно! Сам восхищаюсь и горжусь ими. Секрет прост: мы – вместе, они мои настоящие единомышленники, и каждый знает, к чему он в театре призван и что он должен делать. У каждого есть функциональные и человеческие обязанности, и они безупречно выполняются. Наверное, всех держит на плаву тот самый фанатизм, в лучшем смысле этого слова. Без него в моей профессии делать нечего. Лицо любого театра определяет яркая режиссура. Режиссёр – президент в театре и одновременно отец. Я держу руку на пульсе, я постоянно на связи. Отсутствовал, лечился, а работа продолжалась, спектакли шли, очередной фестиваль подготовили.

– Как же Вам удалось «в прекрасной тесноте» создать эту необыкновенную атмосферу сердечности, любви, человеческого единства, о чём неизменно восторженно говорят гости фестиваля? Случайные люди, бескрылые, в театре не задерживаются, они уходят или у них прорезаются крылья?

– По-разному случается. Остаются со мной влюблённые в Театр. Я никогда никого не унижаю. Ругаться порой приходится, но только ради дела. Я окружаю себя людьми, которым верю, а они верят мне. Вот мы с ними и строим этот самый храм, не зря же театр так называют.

– Как это правильно и приятно, что высшая власть страны на сороковом году Вашей неустанной творческой деятельности, наконец, заметила усилия, Ваш неоспоримый вклад в культуру Молдовы…

– Самой высокой награды государства я не ждал, честно скажу. Гораздо больше я счастлив за моих коллег. Мои ученики получили почётные звания – вот что

по-настоящему радует и волнует. Ведущим артистам театра Василию Павленко, Ольге Софриковой, Александру Петрову присвоено почётное звание заслуженных артистов Республики Молдова. Они вместе учились в лицее, потом на театральном факультете, а теперь вместе работают. Актриса театра Марина Мадан награждена Орденом трудовой славы. Наш театр столько лет в упор не замечали, делали вид, что нас нет, и вот теперь такая радость в нашем доме.

– А о чём больше всего сожалеете, Юрий Аркадьевич?

– Времени остаётся всё меньше и меньше, а планов и задумок всё больше и больше. Ну и мне, конечно, чрезвычайно жалко, что у нашего театра по-прежнему

нет своего собственного настоящего театрального дома. Мы получили здание бывшего магазина 18 лет назад. Он был перепланирован и наполовину построен, там есть и сцена, и зрительный зал. Но очень скоро прекратилось финансирование. Уже однажды сделанное пришло в упадок, и теперь всё надо начинать сначала. Президенты, премьеры обещали достроить. Вот и на этот раз нынешний глава государства на открытии фестиваля, зачитывая указ о награждении меня и моих коллег, пообещал, что мы получим всё же свой театр.

Какое замечательное это было бы событие. И не только для столицы, для страны. Более четверти века строили супермаркеты, казино, рынки. Вот распахнуть бы наконец двери театра – да ещё для детей и юношества. Президент Молдовы Игорь Додон на торжественном открытии 9-го Международного фестиваля камерных театров назвал Юрия Аркадьевича Хармелина легендой театрального мира Молдовы. Неужели легенде государство не может подарить здание для театра?

С фестивалей из разных уголков мира они привозят самые высокие награды, прославляя Молдову. А в крошечном театральном зале их всё теснее и теснее. Уже и кондиционеры не спасают. Здесь всего 100 мест и зал всегда переполнен. Потому что в театре невозможное возможно, он – таинство. А без веры в чудо жить нельзя.

– То, что Вы совсем не умеете отдыхать, давно всем известно. Зато у Вас есть такое редкое удивительное увлечение – кактусы. Но почему они, чем Вас подкупили эти колючки?

– Я отдыхаю, когда работаю! Я делаю то, что хочу, что люблю! Увлекаюсь своим главным делом жизни. Путешествуем мы с театром много и впечатлений, ярких, самых разнообразных, у меня предостаточно. Театр побывал в разных городах России, в Италии, Швейцарии, Израиле, на Кипре. А что касается хобби, начал я просто с комнатных цветов. И почему-то остановился именно на кактусах. Они долгожители и очень геометрически-математически выверенные растения. Ну да, колючки, но зато какая радость, когда распускается цветок! Их цветы просто неземной красоты.

– Жизнь – это тоже история Любви. Готовы Вы продолжать свой вечный бой?

– Я вообще не пойму, почему я должен всё время драться, воевать? Почему всё делается у нас вопреки, а не во имя? А с другой стороны, ведь рано или поздно добиваюсь того, чего хочу. Мечтал открыть театральные классы в школе. И вот теперь особому нашему лицею уже 23 года, живёт факультет Славянского университета. И я подумал, а ведь мало кто так сполна реализует свою детскую мечту. А у меня получилось. Как это важно – правильно сделать свой главный выбор, выполнить ниспосланное тебе свыше поручение. И учеников учу: будьте смелыми, рискуйте, ничто не может заменить собственный опыт.

– В русской народной сказке Щука исполняла заветные желания. Поймай Вы, как Емеля, волшебную Щуку, о чём бы её попросили? Какие три желания исполнить велели бы?

Сцена из сказки «По щучьему велению»

– Эта сказка есть в нашем репертуаре. Она пришлась по душе и детям, и взрослым.

В первую очередь – здоровья попросил бы... И не только себе, а и моим дорогим близким людям, ученикам, друзьям, актёрам. Разумеется, горячо желал бы по щучьему веленью, по моему хотенью успеть войти в парадную дверь своего театра! Ведь это мечта всей моей жизни. Однажды после очередного нашего фестиваля на заключительной пресс-конференции кто-то из гостей сказал, что у нашей страны есть главный бренд – чудесное молдавское вино. Но есть ещё один – Театр с улицы Роз. Это для меня чрезвычайно важно и дорого.

– «У любого самолёта должен быть аэродром, откуда он отправляется в путь. Человек не может всё время летать. Надо где-то отдохнуть, а потом – снова в небо». Так хорошо когда-то сказала писатель Виктория Токарева. Для Вас тыл, аэродром – это важно?

– Семья – спасательный круг. Я сейчас, когда серьёзно заболел, это понял и почувствовал очень остро. Мы с женой вырастили хороших детей, достойных людей. Это тоже совсем немало, чтобы ощущать себя счастливым. По моим стопам никто из потомков не пошёл. Но это не главное, у меня очень славные дочери, которые меня сейчас в болезни особенно нежно опекают. Младший сын стал врачом. Любимые внуки – моя гордость. Поддержка семьи для меня – бесценный капитал.

– Пройдя такой богатый творческий и жизненный путь, Вы ответили себе на вопрос: что же такое Счастье?

– Да. Для себя я давно решил, что я очень счастливый человек. И несмотря на всё, что со мной случилось, и нынешняя опасная болезнь, я всё равно ощущаю себя на подъёме. Потому что я всю жизнь занимаюсь любимым делом. И мне кажется, как раз это самое главное для любого человека. Мне так жаль тех, кто по утрам мучается от мысли, что нужно собираться на ненавистную работу. Может, он в детстве мечтал о чём-то совсем другом? А свернул не туда. И это в масштабе личности – трагедия, я в этом абсолютно уверен.

В дни юбилея нашего любимого молодёжного театра с разных континентов прибыли на чествование своего учителя «птенцы из хармелинского гнезда», ученики. Как же трогательны были их объятия! Куратор фестиваля «Встречи в России», в котором неоднократно участвовали виновники торжества, вручила Юрию

«Сиротливый Запад»

Аркадьевичу Премию имени народного артиста СССР Кирилла Лаврова, а российские коллеги-щукинцы – Медаль Вахтангова.

Демонстрирует он и на что способна истинная сила воли. Его горькая сегодняшняя история, мучительное испытание, борьба с коварной болезнью – это победа духа. Как облака, стремительно летит над нами время... Вот уже и десятый, юбилейный их международный фестиваль малых театральных форм на пороге.

…Есть в нём и педагогическая жилка, и мужское начало – отвечать за других, за тех, кто тебе доверился. У него много раз отнимали надежду, но он не сдавался.

Вот такая неукротимая энергия жизни. Поистине, Божий промысел. Сердце, отданное детям и театру. В своих спектаклях, на своих уроках он ратует за возвышение Человека. Полёт в его лицее и театре во все времена был в цене.

Здесь всегда так: поднимается занавес, и происходит главное. Молодёжный наш театр, выживший в тяжелейшие времена, достоин восхищения.

А счастье – это когда крылья за спиной…

Нелли ТОРНЯ – журналист, публицист, критик. Окончила Ленинградский государственный университет, факультет журналистики. Работала редактором в издательстве «Тимпул», старшим корреспондентом в Гостелерадио Молдовы, позднее – в газете «Вечерний Кишинёв». Более 20-ти лет в Республиканской общественно-политической газете «Кишинёвские новости» возглавляла отдел культуры. Член Союза журналистов СССР с 1978 года. Лауреат пяти профессиональных конкурсов – Союза журналистов Молдовы, Программы развития ООН, Союза театральных деятелей республики, Союза музыкальных деятелей РМ, Республиканского совета ветеранов. Публиковалась в журнале «Молдова», в газете «Культура» (Москва), в Антологии «Современное русское зарубежье». Сейчас – литературный редактор журнала «Русское поле».

ДЕБЮТ

ИРИНА ДРОБОТ

Родилась 1 июня 1998 года в Кишинёве. Выпускница кишинёвского лицея имени М. Коцюбинского, московской школы №548 «Царицыно». Окончила художественную школу имени А. Щусева.

Победительница Республиканского литературного конкурса «Письмо матери» (Молдова), лауреат Конкурса короткого рассказа «Мой дом» на радио «Гомель Плюс» (Беларусь).

Сейчас Ирина – студентка философского факультета Западночешского университета. Любимые писатели – Харуки Мураками, О. Генри, Жан-Поль Сартр, Антон Чехов, Дмитрий Быков. Размышляет над стихами Владимира Маяковского. Убеждена в правоте Фридриха Ницше, утверждавшего: «В стадах нет ничего хорошего, даже когда они бегут вслед за тобою».

ДЕКОРАЦИИ К СПЕКТАКЛЮ

Мощёные улочки, изысканная лепнина на фасадах зданий, скамейки под зелёными деревьями, веранды кафе с резными столиками, звонкое дребезжание колокольчика раритетного трамвая, курсирующего по центральным улицам.

Летний базар был в самом разгаре. Аромат свежей выпечки приятно будоражил воображение. Жгучее солнце лизало голые острые плечи. Марина неслась мимо суетливых туристов, лавируя среди объективов фотокамер. Зацепилась взглядом о ларёк с украшениями из дерева и мгновенно сбавила темп, пробираясь сквозь толпу. Улыбчивый пожилой чех с залысиной на седой голове и голубыми глазами задорно рассказывал о каждой побрякушке заинтересовавшейся его товаром покупательнице. Впрочем, эта картинка отвлекла Марину ненадолго.

– Догнал!

Девушка резко мотнула головой в сторону голоса, стегнув длинными чёрными волосами ни в чём не повинного прохожего.

– Рано радуешься! – она задорно засмеялась, срываясь на бег, пролетая мимо ошарашенных людей. Завидев группку уличных музыкантов, нашла местечко в жидком кольце зевак и упала на тёплую мостовую. Александр рухнул рядом с

Мариной, тяжело дыша, крепко хватая её за тонкие пальцы. Устало стёр со лба солёные капли, щуря на яркие лучи солнца зелёные глаза.

– Не думал, что тут так жарко.

– Я же говорила. Хотя такая погода не норма для Праги. Обычно здесь прохладнее, сами чехи удивляются.

Александр по-кошачьи улыбнулся, упираясь подбородком в её плечо. Прислушался к словам песни.

– Ничего не понимаю. О чём он поёт?

– О том, что мир – театр, а люди в нём актёры.

– Все песни о фальши! – он усмехнулся, картинно вскидывая брови.

– Этот город – мираж, – она широко улыбнулась, зарываясь в его волосы носом. – Пошли, покажу тебе набережную.

Они петляли по старым улочкам. А вокруг разные лица – задумчивые, усталые, счастливые, грустные, веснушчатые, бледные, румяные. И двери тяжёлые, солидные – музеев, галерей, театров, пивных.

– Знаешь, как будто оказался в прошлом веке. Нигде ещё не видел таких фасадов. Это всё жилые дома?

– Конечно. Вон, видишь, там на балкончике даже столик с табуретом стоят. Неудивительно, я бы тоже с удовольствием утром выходила любоваться городским пейзажем… К тому же тут, на углу, каждый день играет аккордеонист.

Марина и Александр опираются на перила набережной. Он внимательно рассматривает лепнину на фасадах зданий. Свежий ветер ласково обдаёт прохладой с реки.

– Вся красота города, как по мне, открывается ночью. Представь: фонари загораются, и чинные дамы в изысканных платьях со своими кавалерами в строгих костюмах поднимаются по ступеням главного входа, чтобы насладиться театральным представлением. Или танцы на площадях под уличную музыку. Или засыпающие тихие улицы с редкими прохожими. – Марина с воодушевлением размахивала руками. Она возбуждённо подпрыгивала на месте. Такая живая и настоящая! Саша заворожённо слушал, скользя взглядом по отчаливающему кораблику. Бросил в воду монетку – на удачу. Ну и чтобы ещё вернуться сюда. Солнце припекало всё настойчивее, тянуло в сон.

– Ночью тут всё совершенно по-другому. Гораздо спокойнее, словно время замедляется. Ночью здесь тянет философствовать за бокалом моравского вина. Ночным городом хочется любоваться.

На углу заиграл аккордеон. Девушка круто развернулась, помахав музыканту. Тот приветливо кивнул в ответ. Марина закружилась на месте, хватая Александра под руку.

– Госпожа экскурсовод! Вы не пожалеете мои бедные уставшие ноги? – Александр едва поспевал за темпом девушки.

– Ни на мгновение! – Марина вдруг откинулась назад, опуская руку. Нога скользнула по брусчатке. Вскрик. Александр в последний момент успел подхватить её и резко подался назад. Она загнанно дышала, испуганно впившись пальцами в его футболку.

– Полагаю, первую часть экскурсии на этом можно завершить? – Марина вдруг оттолкнула Сашу, приседая в реверансе. – Увидимся вечером!

...Пел Костелло. Пепельные гардины в пол отсвечивали бледно-оранжевыми бликами от фонарей за окном, и в этом было что-то необычное. Музыканты настраивали инструменты в полумраке импровизированной сцены возле широкой барной стойки. Лёгкий гул разговоров, тонкий звон бокалов, неровное дребезжание иглы граммофона. Молоденький официант неаккуратно сдёрнул её с пластинки, мгновенно получив подзатыльник от бармена. Тот развернулся к стойке и подпёр подбородок кулаком, прикрыв глаза. Шепоток пробежал по залу. Худощавый пианист в костюме затушил зажёванный бычок и бросил небрежное «one, two, three». По залу пронеслись первые живые звуки, высокие ноты – Нина Симон.

В тёмном углу, спрятавшись ото всех в широком кресле с резными подлокотниками, Марина ощутила приятное покалывание под левой коленкой. Щелчок зажигалки. Девушка застывает как нарисованная. Чёрные волосы, убранные в небрежную косу, отсвечивают фиолетовым. Несколько длинных прядей падают на высокий мраморный лоб. Прямая линия острых плеч расслабилась.

– Тебе понравилось? – Марина зябко куталась в пиджак Александра, когда небольшой концерт был завершён, и они вышли на воздух. Он задумчиво окинул взглядом старый переулок.

– Да, вполне уютное место.

– Мне кажется, оно хорошо отражает лицо города. Возможно, в этом он весь. Немного театральный.

– Театральный?

– Ну, понимаешь, иногда слишком картинный. Узкие улочки, музеи, соборы. Ты пришёл получить удовольствие от представления с замечательными декорациями, художник не оставит тебя разочарованным. Здесь современность не вытесняет век минувший, будто попадаешь в чёрно-белое кино. Это то, о чём ты говорил сегодня днём.

Александр бросил взгляд на фасад театра на противоположной стороне улицы. Пробирал до костей холодный ветер. Марина полупьяно повисла на руке Саши. Тёплый желтоватый свет от длинной вереницы фонарей заливал тротуары, уводя припозднившихся прохожих в сторону моста. От реки веяло свежестью.

– Знаешь, или сонливость одолела, или это действительно атмосфера города, но мне совсем не хочется ничего делать.

– А говорят ещё, что Флоренция – город художников. – Марина рассмеялась, запрокидывая подбородок. – Глянь, какой вид!

С этой стороны реки был виден весь «старый город» с соборами Вышеграда, подсвеченными снизу, словно в выставочном зале.

– Тут даже скамейки повёрнуты в сторону реки. Присаживайся и созерцай. – Марина легонько толкнула Сашу в ребро, побуждая остановиться. – Это прекрасный город, будто созданный для того, чтобы им любовались, тихо, молча. Тут нет нужды куда-то бежать или о чём-то беспокоиться. В этот город легко влюбиться, бывая здесь не чаще двух раз в год.

– А если чаще?

– А ты ходишь по музеям чаще? Приятно ощутить себя духовно просвещённой личностью. Нарядиться, пойти в главную картинную галерею города и насладиться полотнами Рубенса. Да! Но ведь жить так невозможно. По крайней мере, я не могу себе это представить.

Чёрные пики соборов уходили высоко в беззвёздное небо.

– И ты не скучаешь по такой красоте?

– Когда что-то окружает тебя каждый день, глаз замыливается, прекращаешь обращать внимание на изыски архитектуры. К тому же скучать принято издали. Обыденность вскрывает бытовые проблемы, потому и хорошо только там, где нас нет. Но я стараюсь влюбляться в этот киношный город каждый день заново.

– Несмотря на то, что всё тут «немного театрально»? – он задиристо хмыкнул.

– Да. Моя роль в сегодняшнем спектакле совсем скромная – я лишь рассказчик, рядовой экскурсовод.

– Тогда я – несчастный главный герой, влюблённый в рассказчика.

– Пьеса была хороша, но главным героем в ней был Город – не ты. А ко всему прочему, как я уже говорила, в нём много фальши. В картинной галерее есть место восхищению, обожанию, но не любви. Проникнуться атмосферой можно, но не жить же в музее всю жизнь.

– Значит всего лишь декорации к спектаклю?

– К одному из многих…

ГЕН ОДИНОЧЕСТВА

Марк забежал в бистро сомнительного вида только потому, что ливень застал его врасплох. Он отряхнул кучерявые волосы от дождя, широким шагом проходя в глубь помещения, и свалился на первый свободный пластиковый стул. Официантка на пугающе худых ногах подскочила к его столику, что-то тараторя с жутким акцентом, и ткнула меню Марку почти в самый нос. Он отделался от неё, заказав чашку кофе, с досадой подумав о несправедливости запрета на курение в общественных местах. Не выходить же на улицу в такой ливень.

– Прошу прощения, – настойчивый тон вырвал Марка из потока его мыслей. – Вы один? Просто остальные места заняты.

Марк оглянулся, с удивлением отмечая, что заведение не показалось ему на первый взгляд настолько оживлённым.

– Присаживайтесь.

– Точно не помешаю Вашему одиночеству? – напротив присела женщина без возраста, с чертами лица, которые мгновенно забываешь после расставания.

– Не называл бы это одиночеством.

– Но как же! – женщина задорно усмехнулась. – Вот ведь оно, буквально сидит у Вас на коленях.

– Отсутствие человека напротив – не одиночество, а ко всему прочему теперь ко мне присоединились Вы. – Марку показался забавным тон беседы.

– Нет-нет, ошибаетесь. Моё присутствие рядом как раз лишнее доказательство тому, что вы, люди, все ужасно одиноки. Боитесь, но страх ведь факта не изменит. Девушка! Принесите пепельницу, будьте любезны. О, и «Американо», – женщина обратилась к официантке, доставая зажигалку. Язык пламени лизнул край сигареты, и струи дыма завились узорами в воздухе. – Я знаю, о чём говорю, поверьте мне, стольких повидала!

– Здесь не курят.

– Как же? А почему почти все дымят? – незнакомка растерянно оглянулась.

Не прошло и полминуты, как на столе оказалась стеклянная пепельница. Марк засомневался, не заболел ли он. Курить хотелось невыносимо.

– Кажется, Вы потеряли свою зажигалку. Возьмите мою, – вкрадчивым голосом заговорила женщина.

Марк удивлённо вскинул брови, автоматически проверяя карманы. Кошелёк, ключи, паспорт, вымокшая пачка сигарет, а зажигалки нет.

Дама уже протягивала ему свою пластиковую «Крикет». Он нерешительно взял вызывающе оранжевую зажигалку и закурил.

– Спасибо.

– Да не за что, не за что! Сама постоянно их теряю. Знаете, иногда кажется, что найти зажигалку сложнее, чем избавиться от одиночества.

Принесли кофе. Женщина с сомнением взглянула на жидкое нечто в чашке, но всё же отпила.

– Для Вас это болезненная тема? – Марк вздохнул, пытаясь заглушить нарастающее волнение.

– Для меня – нет, для человечества – безусловно.

– Хотите сказать, что все люди действительно одиноки?

– Именно так я и говорю.

– Но ведь это просто глупость. Как все люди могут быть одинокими?

– Марк нахмурился. – Мир – это не сплошное страдание, в нём есть место и радости, и счастью. Одинокими не рождаются, ими становятся. Человек – сам строитель собственной судьбы, одинокие того хотят, вот и страдают ради самого страдания.

– Боги! Вы столь категоричны!

– Всего лишь пытаюсь следовать заданному направлению беседы.

Марк поджал губы, размышляя, не слишком ли наивно прозвучали его слова. Незнакомка повела плечом и стряхнула цилиндр пепла в чашку с недопитым кофе. Она двигалась медленно, не то чтобы лениво, скорее, просто нехотя.

– Человек – столь несовершенное создание… Вы никогда не бывали на похоронах? – она взглянула поверх Марка и вновь прижала к губам сигарету.

– Люди одиноки. Скольких повидала – единственно верный вывод.

– Мы видим только то, что хотим видеть.

– Потому необходимо смотреть глубже, чем просто *сквозь* человека.

– Часто вот так философствуете со случайными знакомыми?

– Не чаще, чем со мной заводят разговоры о погоде. Почему-то для людей это последний оплот безопасности в попытке избавиться от одиночества.

– Мне далёк подобный взгляд на вещи.

– Неужели? – она привычно вздёрнула вверх тонкие брови. – Как думаете, почему мы разговариваем?

– Вы не оставили мне выбора, присев напротив. – Марк раздосадовано вздохнул. Диалог начинал его угнетать.

– А разве не потому Вы говорите со мной, что больше не с кем? Вы считаете, будто друзья, работа, семья, музыка – всё это отрицает одиночество. Но ничто так не подчёркивает его, как отчаянная попытка ему противостоять. Вы придумали

гору глупых оправданий. Слышали когда-нибудь о таком понятии, как ген одиночества?

Марк отрицательно покачал головой.

– Я так смеялась, читая статью! Не поверите, ради оправдания одиночества, люди зарылись в изучение анатомии человека настолько глубоко, что обнаружили там некий особый ген. Одиночество – это не мутация и не болезнь. Люди, старающиеся избегать социума, намного ближе к этой истине, чем все остальные. Человеку нужен человек – вот ваша философия. Сбиваетесь в группы. Воюете между собой, вечно делите что-то. Вы не в состоянии представить жизнь в молчании, и все, как один, боитесь бессонницы. И ведь не потому, что организм ослабевает, а потому что ночью в тишине с самим собой поговорить страшно. Вы не хотите видеть правды. Даже сломать самого себя готовы ради того, чтобы не остаться наедине с одиночеством.

Марк затушил окурок, вспоминая старый комедийный фильм Джармуша. Кажется, «Кофе и сигареты». Что-то очень похожее. Молодой человек не хотел вступать в спор, отчётливо читая провокацию. Ему было что возразить, но едва ощутимый интерес к основному выводу теории женщины без лица не дал закончить разговор. Марк закурил вторую сигарету.

– Но ведь не все себя ломают. К чему это приведёт?

– Да, есть бунтари, которые считают, что лучшая религия – это религия рока. Они отказываются подстраиваться под общество, но в итоге и их пожирает беспредельное одиночество. Взгляните на скорость развития мира. Разве это не лучшее доказательство одиночества человека? Сделать всё возможное, чтобы отвлечься от гнетущих мыслей. Всё возможное, чтобы чем-то заниматься. Чтобы не пребывать в апатии, разглядывая себя изнутри.

– Хорошо, предположим, я соглашусь с этим спорным утверждением, но тогда что с любовью?

– А что с ней?

– Разве любовь – не другая сторона медали?

– Медаль-то одна, – она беспечно хмыкнула, пожав плечами, и бросила окурок в чашку. – Одиночество – это тебе не пятно на одежде, чтобы любовью его выводить. Любовь – это своего рода антидепрессант. Убедись, что нет противопоказаний, и принимай по одной таблетке в сутки. Не дольше определённого периода времени.

– Знаете… – молодой человек иронично усмехнулся, помотав головой. – Вы говорите будто сама Смерть.

– Правда? – женщина рассмеялась.

– Правда. Только без косы и чёрного балахона. Да и Вы явно симпатичнее будете.

– Ах, эти стереотипы! У смерти нет лица.

Марк растерянно замолчал, вглядываясь в черты незнакомки. Запах табака резко усилился, будто выбивая из лёгких весь воздух.

– Одиночество вполне нормально, этого не стоит бояться. Избавить от одиночества может только смерть. В конце концов по-настоящему обо всём поведать человек может только ей. А страх одиночества скорее доведёт до преждевремен-

ного избавления от него. Не следует к этому стремиться, тем более такими досадными методами, как бессмысленная трата себя.

Сердце Марка на мгновение рухнуло куда-то в область желудка. Усилием воли он протолкнул слюну через окаменевшую глотку, впиваясь ледяными пальцами в край скатерти. Холод стекал вниз по ногам, каменели колени. Кровь отхлынула от лица. Лихорадочные мысли долбили виски. Напротив, рядом с ним, сидела просто экстравагантная дамочка с настолько нечёткими чертами лица, что захотелось вытащить глазные яблоки и протереть их носовым платком. Марк понял, что не дышит, и с трудом разлепил онемевшие губы.

– Несправедливый какой-то исход. Разве страх не в природе человека?

– Безусловно. Но жизнь – она, в принципе, не особо-то справедлива. Обычно как бывает – установит определённые правила, а играть придётся по совершенно другим. Вот и крутись – ищи выход из тупика.

– И что же тогда делать?

Незнакомка задумчиво посмотрела в окно. Дождь давно кончился. Даже луж не осталось. А был ли он вообще?..

– Я-то забежала ненадолго. Всего лишь от дождя укрыться. А по поводу твоего вопроса… ну, как минимум для начала затушить сигарету. Во-первых, тут нельзя курить, а во-вторых, это-то уж точно не спасёт тебя от одиночества, а вот к избавлению от него – вполне может привести. Тебе ещё рано с ним прощаться.

– Рано?

– Рано.

– Зачем тогда пришла?!

– Как грубо! – женщина заливисто рассмеялась, но резко смолкла, почти грустно вздыхая. – На самом деле я не собиралась продолжать этот диалог. Легче, когда осознание не приходит.

– У меня были планы. Я хотел прожить своё одиночество с пользой.

– Думаешь, ты один такой? Планы есть у всех. Никогда не знаешь, где смерть тебя застанет. Где она тебя настигнет…

– И как я умер?

– Довольно банально, не самая приятная картина.

Марк рассеянно уставился на свои пальцы. Захотелось всплакнуть, хотя бы по самому себе. Глаза, как на зло, были совершенно сухие.

– Получается, это моя последняя чашка кофе? Такая вот подачка?

– Что-то вроде. Ты уж извини, ничего личного, сам должен понимать. Я тут просто по работе.

– Я жил неправильно?

– Это не злой рок. Случайность, – повисла тяжёлая пауза. – Жизнь одна и так коротка, а вы, люди, столько веков не можете понять и принять этой простейшей истины, вот и остаётесь в итоге с одними только сожалениями.

– Грустно.

– Кто же тебе теперь виноват?

– Жаль. – Марк горько усмехнулся. – Значит, это мой последний разговор?

– Ну да.

– Давай тогда поговорим ещё немного. Просто поговорим, совсем недолго…

ЧУЖОЕ

В жаркий летний день на площади было не протолкнуться. Раз – зафиксировать. Два – щелчок. Три – затвор. Четыре – снимок готов. Полина рассеянно ссыпает пепел сигареты на белые льняные брюки, продолжая ощупывать взглядом компанию туристов сквозь тёмные стёкла круглых солнцезащитных очков. Если присмотреться внимательнее, можно заметить, как тонкие ярко-красные губы шевелятся, напевая что-то. Она внезапно как-то слишком тяжело и громко вздыхает, откидываясь на спинку плетёного кресла и снимает очки. Хлопает тонкой ладонью по стеклянному столику и переводит прояснившийся взгляд на меня.

– Красиво.

– И чуждо.

– Так потому и красиво.

– Тебя привлекает всё это… – она широким жестом обводит площадь, – только потому, что ты нигде не задерживался настолько, чтобы привыкнуть к фразе «иду домой». В какой-то момент ты перестаёшь вкладывать в слово «дом» некий глубинный смысл. После третьего переезда начинаешь относиться к этому, как к временному пребыванию на условно очерченной территории.

– Ты не считаешь это место своим домом?

– Что бы ты под «этим местом» не подразумевал – страну ли, мою квартиру ли, ответ в любом случае будет один – да. Как я могу называть своим домом всё настолько чужое?

Она смотрела на меня глазами оттенка выцветших гардин из далёких студенческих лет, где она курила в открытую форточку комнаты институтской общаги. Я с лёгким флёром ностальгии вспомнил разбросанные учебники и тетради, загромождавшие стол, и не заправленную узкую постель. Она будто совсем не изменилась с тех пор – так и осталась сутулой девчонкой. Только морщинок прибавилось.

– Ты ведь так рвалась за рубеж. Разве я не прав?

– Рвалась. – Полина уныло подпёрла подбородок обеими ладонями, и длинные кудри чёрных волос скользнули по плечам вперёд. – Но в своём рвении я не понимала множества вещей.

– Всё совсем не так, как ты представляла?

– Вот удивишься, но как раз наоборот. Всё слишком так, как я представляла. Слишком красиво и размеренно. Всё слишком тихо и спокойно. Всё слишком правильно. А ко всему прочему ещё и просто по-другому.

– Не понимаю, ты постоянно сетовала на нестабильность и свои тревоги.

– Я не учла, что «лучшая» жизнь лучше не для всех. – Полина пригнулась к столу, снизив тон до доверительного. – Мне претит их аморфность. Мне надоело недопонимание из-за языкового барьера. Мне осточертело то, насколько эти люди – другие.

– Полина! – я удивлённо поднял брови, оглядывая людей вокруг, – о чём ты говоришь? Руки, ноги, голова – вроде всё, как у всех. Ничего необычного или сверхъестественного.

– Да, да, да. Ты, бесспорно, прав. Но что в головах! – она красноречиво всплеснула руками. – Это незаметные на первый взгляд вещи, мелкие и назойливые. Это

пустота в диалогах. Это непонимание, а оттого страх, неприятие нашей культуры. Они готовы с уважением слушать, вежливо кивать, но ты навсегда останешься для них чужаком. Просто приезжим. Для того, чтобы стать здесь своим – тебе придётся идти на уступки, а иногда и на сделку с собственной совестью.

– Ты говоришь совершенно страшные вещи. Какая сделка с совестью? Не в привычке же у местных жителей убивать соседей и после покрывать друг друга?

– Знаешь, звучит очень иронично, что ты сейчас заговорил именно об убийстве. – Полина зло сощурила глаза. – Тут нет привычки помогать. Не в привычке замечать, что происходит за пределами твоего личного пространства. Когда молоденькая пьяная финнка упала в метро на рельсы, и я прыгнула поднимать её, для местных именно я оказалась сумасшедшей. Это, глядя на меня, они крутили пальцем у виска. Хотя в противовес тому – говорить вслух с самим собой тут вполне привычное дело. А я не понимаю. Для меня это дико. Я не могу пройти мимо бомжа, валяющегося на остановке с рассечённой головой, когда рядом спокойно стоят местные. Я не могу делать вид будто ничего не происходит, а я ничего не замечаю. Я не знаю, что это – гражданская позиция, воспитание, рассеянность, социальная пассивность или ещё что-то. Если уж быть честной до конца, то я и разбираться-то особо не хочу. Мне это не важно. Я не могу *прочувствовать* этих людей. Не потому что плохо говорю на их языке, а потому что слов таких нет в их языке. Ни в одном.

– «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, – ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык!».

– Увы или к счастью, но так оно и есть. Я *чувствую* на русском языке, и что бы ни происходило, куда бы меня не забросило по жизни, всегда буду чувствовать так, как чувствует моя русская душа. Мне нужно сидеть на кухне, в компании самых близких людей и напевать Цоя под гитару. Мне нужно сетовать на положение вещей на родине. Мне нужно беспокоиться, суетиться в воскресное утро. Мне нужно ощущение России и русского человека. У меня *душа на этом языке говорит*, а всё прочее – мне незнакомо.

Полина внезапно выдохнула. Свободно, без надрыва. Она словно выплеснула на меня раздумья долгих лет, терзавшие её, мучающуюся в безуспешной попытке перебороть саму себя. Расслабленно обмякла в кресле. Затем бросила усталый взгляд на скопление народа на площади и застыла на вдохе.

– Когда ты улетаешь обратно?

– Во вторник.

– Сбрось мне номер рейса СМСкой. Возьму билет на то же число.

Напутешествовалась.

ГОЛОСА МОЛОДЫХ

Взлётная полоса

Дорогие читатели, в нынешней рубрике мы по традиции публикуем подборки произведений победителей литературных республиканских конкурсов для молодёжи, проведённых Ассоциацией русских писателей РМ. На этот раз представляем лауреатов Турнира поэтов Международного фестиваля русской литературы в Молдове «Пушкинская горка»-V, который состоялся 23 сентября в селе Долна, в знаменитой усадьбе помещика Ралли, дарившей опальному поэту Александру Пушкину в годы его ссылки в Бессарабии гостеприимный кров, радость общения с друзьями и волшебной молдавской природой.

Итак, в подборке рубрики: стихи Павла СУШКО (1 место, г. Дмитров, Россия), Алексея ЗАХАРЧУКА (2 место, Тирасполь, Приднестровье) и Татьяны ОРЛОВОЙ-ВОЛОШИНОЙ (3 место, Кишинёв, Молдова).

ПАВЕЛ СУШКО

Родился 10 августа 1987 года в городе Дмитров, Московской области, где и живёт. По специальности инженер-строитель.

Участник Молодёжного творческого объединения «Студия «Автор» (Россия). Лауреат районных, областных, всероссийских и международных конкурсов. Председатель организационного комитета Музыкально-поэтического фестиваля «Авторские мосты «Мэрцишора» в Приднестровье. Организатор Приднестровского отделения Молодёжного творческого объединения «Студия «Автор».

С НАМИ БОГ

«Казачьей присяги»* напился восток
С неё казаков и мутит.
Свобода – свободно взведённый курок,
Что дальше – пусть Бог рассудит.
От Омска и до Китайского края
Вся Русь, как кровавая каша.

* «Казачья присяга» – так в шутку по-казачьи называется прокисшее (кислое) молоко.

Свобода – руби, смерть за смерть не считая,
Ведь правое дело наше.
О матери, съевшей чадо своё,
Назавтра никто не вспомнит.
Свобода над полем кружит вороньём
И деды внуков хоронят.
«Казачьей присяги» разлился туман,
Глаза казакам застилая.
Свобода, словно похмельный дурман,
И знамя.

МИУС-ФРОНТ

За рекою Миус – малый Сталинград,
За рекою Миус вгрызлись в землю трое
Рано повзрослевших молодых ребят.
За рекою Миус шла разведка боем.
Не было другого выхода прорваться –
Фронт вокруг окопа, пулемёт один.
За рекою Миус был приказ держаться
Роте против армии: «Что же, поглядим!
Высота ведь наша, веселей, ребята!

Остановим танки и пойдём вперёд!».
За рекою Миус – в полный рост, как надо,

Встал в атаку с песней доблестный Морфлот.
В лентах бескозырок разгулялся ветер,
Рота не считала танковых атак.
Высоту отдали только на рассвете,
Там штабные знают, что пошло не так.
Фронт прорвали позже, через год примерно.
После Сорок пятого, в честь боёв тех мест
Был поставлен памятник – якорь в восемь метров.
Говорят, что издали он похож на крест...

АДЖИ-МУШКАЙ

«...Но, клятву всем дыханием запомня,
Бойцы, как в бой, ушли в каменоломни...»

И.Сельвинский

Грозные своды каменоломен
помнят.
Толпы, блуждающие во тьме,
стоны.
Люди, что больше похожие
на
Статуи, лица их серы.
Статуи – люди, не знавшие сна.
Гордость и смелость
в каждом –
На выдохе пулю лови, на вдохе –
яд.
Люди, как статуи, грозно и молча
стоят.
Грозные своды давят и сводят
каменность плеч.
Люди, как статуи,
каменоломни,
Керчь.

* * *

Она ждала, наверное, всю ночь.
И плакала, и слёзы не скрывала.
И быть бы с ней я, может, и не прочь,
Но только от вокзала до вокзала.

От станции до станции – метель,
Тоска дорожная и прочие невзгоды.
Она же, глупая, расстелет нам постель,
И будет ждать не моего прихода.

Приход того, что помнила из снов
Из старых чёрно-белых фотоснимков.
Того, кто для неё на всё готов
Когда-то был, лишь за одну улыбку.

Она ждала, я видел из окна,
Как в свете фонарей она мелькнула тенью.
В дожде и ветре пряталась луна,
Со мною наблюдая за виденьем.

* * *

Объяснялись четверостишьями,
Кофе пили.
И таили что-то то высшее.
Не любили.

Выжидали момента лучшего
Для удара.
Никому ведь не стало хуже, да?
Да, не пара.

Только с чувствами всё нормально
Голос ровный,
А глаза-то, по театральному
Смотрят томно.

И прогулка приносит удачу
Как счастье – обоим.
Поцелуй, словно выстрел на сдачу
При полной обойме.

И не жалко, что старый трамвай
Будит утро.
Разве трудно сказать «прощай»?
Нет, не трудно.

* * *

А ты говорила, что ночь спокойной будет.
В мельканье теней мелькали, как тени, люди.
И звуки метро сливались в многоголосье,
И вспомнилось всё: тот вечер, твой запах волос и…
Снег за окном, снег до одури чистый и яркий,
Свет фонарей. Все смеялись, дарили подарки
Тебе в тот светлый, в тот самый твой день рожденья,
Когда я пришёл с цветами, но без приглашенья.
Ты знала об этом и, может, была даже рада
Тому, что пришёл, а что оставаться не надо.
Я знал, я давно согласился со званием друга
На празднике чувств.
За окном начиналась вьюга...
«Осторожно, двери закрываются, следующая станция …»

…Меня ждали вокзал, дорога и размышленья,
«Ну что ж, мне пора, спасибо за угощенье».

* * *

Ливень липового цвета
Липнет к проводам,
Что теперь искать ответа
Как ты там?
Разлучили нас не вёрсты –
Годы, дни.
Мы теперь с тобою розно
Жжём огни.
В вихре праздников и буден
Карусели
Мы понять, что дальше будет,
Не успели.
Не успели разглядеть за цветопадом
Белой розы, осыпающейся рядом.

АЛЕКСЕЙ ЗАХАРЧУК

Родился в Тирасполе в 1986 году. Окончил естественно-географический факультет Приднестровского государственного университета. Стихи начал писать, прочитав в пятнадцать лет книжку Заболоцкого и заразившись поэзией навсегда. 10 лет жил на Украине, в городе Николаев. С недавних пор – участник Молодёжного творческого объединения «Студия «Автор». Работа связана с поставкой товара в торговые сети магазинов бытовой техники. Публиковался в периодике, в коллективных сборниках Приднестровья и Украины.

МОЛДАВИЯ

Пастух играет на дуде
Шероховатыми губами
И над холмами голубыми
Струится песня о дожде.

Остроконечна ель в дыму
И бытие остроконечно.
Нас вечер укрывает нежно
И я приемлю эту тьму.

Мы день потратили с умом
И в темноте нас ждёт награда –
Тугое вымя винограда,
Что в руки просится само.

НЕ УМЕР

Не умер я, я просто отдыхаю
Сильнее чем обычно – от дыханья,
От тока крови, от деленья клеток,
От гормональных факторов любви…
Когда ты вновь повеселеешь к лету,
Цветы, что из меня растут, сорви.

ТРИНАДЦАТЬ

Плюс тринадцать – почти всё лето.
Из пустующего окна
Не посмотрит на небо Света,
Вся земли и дождей полна.

Руки тонкие прорастают
Над землёю, к себе маня.
Света – девочка не простая,
Из травы её пятерня.

Обнялась на веранде с куклой
Тень от света, от Светы тень.
Лишь тринадцать. Борясь со скукой,
Ветер дверью скрипит весь день.

ЗАШЕПЧУТСЯ ЛИ

Зашепчутся ли трубы
И сделают глоток –
Сожмутся, тая, губы,
Как воздуха комок.

Сквозняк ли дверью скрипнет
И снова тишина –
Глаза, открывшись, вскрикнут,
А впереди – стена.

И вечер будет долго
Настраивать струну,
И тонкий лист из шёлка
Приклеится к окну.

Я С ВОДКИ ПЕРЕШЁЛ НА ПАСТЕРНАКА

Я с водки перешёл на Пастернака,
Усугубляя стадию болезни,
Ведь нет предупреждающего знака
О том, что водка легче и полезней.

Я отравился дикими словами,
Перебродившей горькой сутью их.
Какие демоны тебя слагали
Из груды слов, нагромождённый стих!

Как будто ветер с улиц, подворотен
Принёс и скинул в кучу всё, что мог, –
Стрижей, газеты, охру, боль по родине,
Платки, прощанья; Бога, что помог.

МЫ ЗАМИРАЕМ В ЯНВАРЕ

Мы замираем в январе,
Когда прозрачные морозы –
Как замирают в янтаре
Доисторические осы.

Мы замираем, чуть дыша
Морозом, падающим с неба.
Со скрипом нам даётся шаг
По непротоптанному снегу.

Мы не спешим. Пусть сотни лет
Летят, ворон пугая, мимо.
И на застывшей капле мира
Немеркнущий играет свет.

УКРАИНА, 2014

Я не солдат, в том не моя вина.
Я лишь увижу, отойдя в сторонку,
Как разрывает новая война
Снарядом новым старую воронку.

ТЫ ВИДИШЬ

Ты видишь – небо стало вдруг огромно,
Отяжелев, легло на провода.
Смолкают птицы, шевелятся громы,
Синеет в тучах грозная вода.

Сегодня одиночество – награда,
И сумрак будет лучшим из даров.
Кот на руках урчит, как генератор
Спокойствия, в тревоге вечеров.

Легко мечтать под небом многотонным,
Когда от неба ничего не ждёшь.
Дождь будет сниться долго, монотонно,
Сквозь крышу будет сниться этот дождь.

Твоё лицо приснится в отдаленье,
Точнее – свет далёкого лица.
И на часах – предчувствие конца,
И стрелка замерла за два деленья.

Я ЗАПОМНЮ

Смейся под небом,
Плачущим над тобой.

Стань струям сестрой.

Стань оправданьем
Хладным дождям,
Сумрачным зданьям,
Ложным путям.

Смейся под небом,
Нашедшая в струях покой.

Я запомню тебя такой.

ТАТЬЯНА ВОЛОШИНА-ОРЛОВА

Родилась и живёт в Кишинёве. По образованию антрополог. Состоит в Ассоциации русских писателей Молдовы. Лауреат литературных конкурсов (шорт-лист III открытого литературного конкурса рассказа имени В.Г. Короленко) и других. Публикации в журналах: «Юность», «Москва», «Русское эхо», «Русское поле», в сборнике «Новые писатели». Участник форумов молодых писателей от фонда СЭИП (мастер-класс детская литература). Автор книг: «Перелётные буквы» (сборник стихов), «Вариации солнца» (сборник рассказов) и «Моя первая азбука» (стихи для детей).

* * *

В этом доме случилось
Преображение.
Непорочной девы
В Еву.
Вышла,
Выпросталась
Сама из себя,
Как бабочка,
Как змея
Сбросила старую
Кожу,
Надела новое платье,
Вышла из дома.
Не ходи,
Не ходи,
Останься.
Но дом теперь и не дом.
Вышла в туман.
Цепляет платье репей.
Вышла одна.
Впереди –
Ни города,
Ни людей, ни домов.
Туман да река.
Будто не создан мир,
Будто никто не назван
По именам.
Страшно?
И никого.
Только река, уходящая
За края.
Река, которая знает какою ты
Станешь,
Какой была та
Ева –
Непорочная дева
И ты –
Дух, обернувшийся в новое
Платье,
Девочка, ставшая женщиной,
Мать не родившая,
Но всё же познавшая
Материнство.

* * *

День как вода уходит в песок.
Топчет ногами толпа
Наши тени
И мы наступаем на чьи-то
Прозрачные серые контуры.
Мне дышит в лицо асфальт,
Тебе в колени – пустыня и море.
И встречные идут не
Навстречу, а мимо.
Их тени, как
Бестелесные двойники
Скользят по твоим ногам,
По твоим плечам, по
Тонкому платью,
Не задевая.
«Сто лет одиночества»
На многолюдной планете,
Внутри, в животе, шуршат
Сухие трупики мотыльков.
Порой так хочется воскрешения,
Но смерти не существует.

* * *

Мы лежим на ковре-самолёте.
Он потёртый. Когда-то был красным.
Когда-то и мы были такие
Лёгкие, что под нами летали ковры.
Вот и этот тоже.
Кажется, на нём мы отправились
В кругосветное,
А теперь вернулись
Тяжёлые, полные до краёв
Странами, людьми и светом,
Не белым, конечно,
Скорее пёстрым, как молитвенные
Флажки на буддийском храме.
Эй, не вставай.
Будем любить и молиться,
Здесь, на родном и знакомом ковре,
Обратившись сердцем к тому,
Что свято для нас обоих.
И ощущать невесомость
От бабочек в животе
И дальнего, пока еле слышного
Благовеста.

СТАНИСЛАВ МИНАКОВ

«СЛУШАЙТЕ РЕВОЛЮЦИЮ…»
Две статьи Александра Блока

В дневниках композитора, русского мыслителя Георгия Свиридова находим такое высказывание: «Русская душа всегда хотела верить в лучшее в человеке, в его помыслах, чувствах. Отсюда восторг Блока, Есенина, Белого от революции (без желания стать "революционным поэтом" и получить от этого привилегии). Тысячи раз ошибаясь, заблуждаясь, разочаровываясь, – она не устаёт, не перестаёт верить до сего дня, несмотря ни на что!».

В столетний юбилей двух русских революций с новой пристальностью прочитываются и такие слова Свиридова, кажущиеся сегодня чрезвычайно актуальными: «Художественная среда представляет из себя вполне сложившееся явление ("свой круг"), на редкость "косное", высокомерное, живущее в сознании своей "избранности". Это нечто вроде нового дворянства (интеллектуальная элита). Эта среда безо всякого интереса относится к народной жизни и, если удостаивает простой народ своего внимания, то обычно изображает его носителем мрачного, грубого, низкого, сознательно культивируя такое отношение из поколения в поколение. Часто народное изображается как лакейское: кучера, кормилицы, дворники.

… Такое отношение к русскому народу укоренилось глубоко в сознании "музыкальной интеллигенции". Оно пришло на смену "народной идее" великой русской литературы и искусства, идущей ещё от Пушкина, Льва Толстого, Достоевского. Ими народ рассматривался как "высший судья" поступков человека, воплощение стихийного начала. Сравните, например, в "Борисе Годунове" – "Народ безмолвствует" – многозначительную ремарку Пушкина. Или покаяние преступника перед народом: "Преступление и наказание", "Власть тьмы". То же у Глинки ("Сусанин"), Мусоргского ("Борис" и "Хованщина"), Бородина ("Князь Игорь").

«Если современный художник пытается изобразить народ не грубым, глупым, жестоким и низким, а найти в нём элементы возвышенного духа, тут же будут говорить об идеализме. Но народ – ни добрый, ни злой, он бывает и таким, и другим, он – всякий, он – стихия. А интеллигенция – культура, то есть надстройка, верхний слой с большим количеством пены, как в океане».

В этой связи внимательно вчитаемся в поразительные слова неслучайно упомянутого Свиридовым поэта Александра Блока (некоторые считают, что самого любимого композитором русского поэта), высказавшегося на счёт роли интеллигенции во Второй русской смуте в двух своих статьях, нами сегодня подзабытых, а вспомнить их пора.

В ноябре 1908 года Блок опубликовал статью «Народ и интеллигенция», назвав эту оппозицию «двумя станами».

Читаем.

«Иногда сомневаешься в этом, но, кажется, это действительно так, то есть действительны не только два понятия, но две реальности: народ и интеллигенция; полтораста миллионов с одной стороны и несколько сот тысяч – с другой; люди, взаимно друг друга не понимающие в самом основном. …Есть между двумя станами – между народом и интеллигенцией – некая черта, на которой сходятся и сговариваются те и другие … та самая “недоступная черта” (пушкинское слово), которая определяет трагедию России. Эта трагедия за последнее время выразилась всего резче в непримиримости двух начал – менделеевского и толстовского; эта противоположность даже гораздо острее и тревожнее, чем противоположность между Толстым и Достоевским, указанная Мережковским».

«Понятны ли эти слова интеллигенту? – вопрошал Блок. – Увы, они и теперь покажутся ему предсмертным бредом, вызовут всё тот же истерический бранный крик, которым кричал на Гоголя Белинский, “отец русской интеллигенции”.

В самом деле, нам непонятны слова о сострадании как начале любви, о том, что к любви ведёт Бог, о том, что Россия – монастырь, для которого нужно “умертвить всего себя для себя”. Непонятны, потому что мы уже не знаем той любви, которая рождается из сострадания, потому что вопрос о Боге – кажется, “самый нелюбопытный вопрос в наши дни”, как писал Мережковский, и потому что, для того, чтобы “умертвить себя”, отречься от самого дорогого и личного, нужно знать, во имя чего это сделать. То и другое, и третье непонятно для “человека девятнадцатого века”, о котором писал Гоголь, а тем более для человека двадцатого века, перед которым вырастает только “один исполинский образ скуки, достигая с каждым днём неизмеримейшего роста” ... “Черствее и черствее становится жизнь... Всё глухо, могила повсюду” (Гоголь). Или действительно непереступима черта, отделяющая интеллигенцию от России?».

В наши дни, как видим, и жизнь стала стократ черствей, жёстче, железней и атомней, чем мог вообразить Николай Васильевич полтораста лет назад. А про глухую могилу повсюду рассказал бы Гоголю Вий кровавого XX века, с кровью же перетекшего в третье тысячелетие от Рождества Христова. И снова вчитываемся в пристального Блока, ухватившегося в своих рассуждениях за цитирование Гоголя, словно за спасительную соломинку:

«Нужно любить Россию, нужно “проездиться по России”, писал перед смертью Гоголь. “Как полюбить братьев? Как полюбить людей? Душа хочет любить одно прекрасное, а бедные люди так несовершенны и так в них мало прекрасного! Как же сделать это? Поблагодарите Бога прежде всего за то, что вы – русский. Для русского теперь открывается этот путь, и этот путь – есть сама Россия. Если только возлюбит русский Россию, – возлюбит и всё, что ни есть в России. К этой любви нас ведёт теперь сам Бог. Без болезней и страданий, которые в таком множестве накопились внутри её и которых виною мы сами, не почувствовал бы никто из нас к ней сострадания. А сострадание есть уже начало любви“... “Монастырь наш – Россия! Облеките же себя умственно рясой чернеца и, всего себя умертвивши для себя, но не для неё, ступайте подвизаться в ней. Она теперь зовёт сынов своих ещё крепче, нежели когда-либо прежде. Уже душа в ней болит,

и раздаётся крик её душевной болезни. – Друг мой! Или у вас бесчувственно сердце, или вы не знаете, что такое для русского Россия!”.

Но, утверждает Блок, пока существует непреодолимая грань между народом и интеллигенцией, «пока стоит такая застава, интеллигенция осуждена бродить, двигаться и вращаться в заколдованном круге; ей незачем отрекаться от себя, пока она не верит, что есть в таком отречении прямое жизненное требование. Не только отрекаться нельзя, но можно ещё утверждать свои слабости – вплоть до слабости самоубийства. Что возражу я человеку, которого привели к самоубийству требования индивидуализма, демонизма, эстетики или, наконец, самое обыденное требование отчаянья и тоски, – если сам я люблю эстетику, индивидуализм и отчаянье, говоря короче, если я сам интеллигент? Если во мне самом нет ничего, что любил бы я больше, чем свою влюблённость индивидуалиста и свою тоску, которая, как тень, всегда и неотступно следует за такою влюблённостью?».

Интеллигентных людей, спасающихся положительными началами науки, общественной деятельности, искусства, всё меньше, – утверждает поэт, – мы видим это и слышим об этом каждый день. Это естественно, с этим ничего не поделаешь. Требуется какое-то иное, высшее начало. Раз его нет, оно заменяется всяческим бунтом и буйством, начиная от вульгарного “богоборчества” декадентов и кончая неприметным и откровенным самоуничтожением – развратом, пьянством, самоубийством всех видов. В народе нет ничего подобного. Человек, обрекающий себя на одно из перечисленных дел, тем самым выходит из стихии народной, становится интеллигентом по духу. Самой душе народной подобное дело до брезгливости противно. Если интеллигенция всё более пропитывается “волею к смерти”, то народ искони носит в себе “волю к жизни”. Понятно, в таком случае, почему и неверующий бросается к народу, ищет в нём жизненных сил: просто – по инстинкту самосохранения; бросается и наталкивается на усмешку и молчание, на презрение и снисходительную жалость, на “недоступную черту”; а может быть, на нечто ещё более страшное и неожиданное.

Гоголь и многие русские писатели любили представлять себе Россию как воплощение тишины и сна, но этот сон кончается; тишина сменяется отдалённым и возрастающим гулом, непохожим на смешанный городской гул. Тот же Гоголь представлял себе Россию летящей тройкой. “Русь, куда ж несёшься ты? Дай ответ”. Но ответа нет, только “чудным звоном заливается колокольчик”. Тот гул, который возрастает так быстро, что с каждым годом мы слышим его ясней и ясней, и есть “чудный звон” колокольчика тройки».

Что, если тройка, вокруг которой “гремит и становится ветром разорванный воздух”, – летит прямо на нас? – ужасается Блок. – Бросаясь к народу, мы бросаемся прямо под ноги бешеной тройке, на верную гибель.

Это написано Александром Блоком за девять лет до 1917-го, в котором, по Лермонтову: «Настанет год, России страшный год, когда царей корона упадёт…».

«Отчего нас посещают всё чаще два чувства: самозабвение восторга и самозабвение тоски, отчаянья, безразличия? Скоро иным чувствам не будет места. Не оттого ли, что вокруг уже господствует тьма? Каждый в этой тьме уже не чувствует другого, чувствует только себя одного. Можно уже представить себе, как бывает в страшных снах и кошмарах, что тьма происходит оттого, что над нами повисла косматая грудь коренника и готовы опуститься тяжёлые копыта».

Но десять лет спустя, 9 января 1918 года, то есть месяца через два после Октябрьского переворота, выйдет статья Блока «Интеллигенция и революция», в которой великий русский поэт поддержит революцию, он вспомнит своё давешнее состояние: «В том потоке мыслей и предчувствий, который захватил меня десять лет назад, было смешанное чувство России: тоска, ужас, покаяние, надежда».

В новой статье Блок остро публицистичен, антимонархичен: «Витте и Дурново скрутили революцию верёвкой; Столыпин крепко обмотал эту верёвку о свою нервную дворянскую руку. Столыпинская рука слабела. … Распутин – всё, Распутин – всюду; Азефы разоблачённые и неразоблачённые; и, наконец, годы европейской бойни…».

Теперь он восторженно восклицает: «…Передо мной – Россия: та, которую видели в устрашающих и пророческих снах наши великие писатели; тот Петербург, который видел Достоевский; та Россия, которую Гоголь назвал несущейся тройкой. Россия – буря. Демократия приходит “опоясанная бурей”, говорит Карлейль. России суждено пережить муки, унижения, разделения; но она выйдет из этих унижений новой и – по-новому – великой».

«Что же задумано? Переделать всё. Устроить так, чтобы всё стало новым; чтобы лживая, грязная, скучная, безобразная наша жизнь стала справедливой, чистой, весёлой и прекрасной жизнью».

Вот страшная апология очарованного и упоённого Блока: «Размах русской революции, желающей охватить весь мир (меньшего истинная революция желать не может, исполнится это желание или нет – гадать не нам), такова: она лелеет надежду поднять мировой циклон, который донесёт в заметённые снегом страны – тёплый ветер и нежный запах апельсинных рощ; увлажит спалённые солнцем степи юга – прохладным северным дождём.

“Мир и братство народов” – вот знак, под которым проходит русская революция. Вот о чём ревёт её поток. Вот музыка, которую имеющий уши должен слышать».

И обязательно воздаёт оплеухой интеллигенции: «…Их просвещали наука, искусство и литература? Ведь они пили из источников не только загаженных, но также – из источников прозрачных и головокружительно бездонных, куда взглянуть опасно и где вода поёт неслыханные для непосвящённых песни? У буржуа – почва под ногами определённая, как у свиньи – навоз: семья, капитал, служебное положение, орден, чин, бог на иконе, царь на троне. Вытащи это – и всё полетит вверх тормашками. У интеллигента, как он всегда хвалился, такой почвы никогда не было. Его ценности невещественны. Его царя можно отнять только с головой вместе. Уменье, знанье, методы, навыки, таланты – имущество кочевое и крылатое. Мы бездомны, бессемейны, бесчинны, нищи – что же нам терять?

Стыдно сейчас ухмыляться, плакать, ломать руки, ахать над Россией, над которой пролетает революционный циклон».

Читать опьянённого Блока жутко: «Не беспокойтесь. Неужели может пропасть хоть крупинка истинно ценного? Мало мы любили, если трусим за любимое. “Совершенная любовь изгоняет страх”. Не бойтесь разрушения кремлей, дворцов, картин, книг. Беречь их для народа надо; но, потеряв их, народ не всё потеряет. Дворец разрушаемый – не дворец. Кремль, стираемый с лица земли, – не кремль. Царь, сам свалившийся с престола, – не царь. Кремли у нас в сердце,

цари – в голове. Вечные формы, нам открывшиеся, отнимаются только вместе с сердцем и с головой.

Что же вы думали? Что революция – идиллия? Что творчество ничего не разрушает на своём пути? Что народ – паинька? Что сотни жуликов, провокаторов, черносотенцев, людей, любящих погреть руки, не постараются ухватить то, что плохо лежит? И, наконец, что так “бескровно” и так “безболезненно” и разрешится вековая распря между “чёрной” и “белой” костью, между “образованными” и “необразованными”, между интеллигенцией и народом?».

Странно ли, что помрачённый поэт (уйдёт из жизни через три с половиной года!) завершил свой пафосный текст такими словами: «Демон некогда повелел Сократу слушаться духа музыки. Всем телом, всем сердцем, всем сознанием – слушайте Революцию».

«ГОСПОДИ, ДА ВОСПРЯНЕТ СПЯЩИЙ ЦАРЬ!»

Святой праведный Иоанн Кронштадтский и русская революция

Перечитывая творения, дневники, воззвания святого праведного Иоанна Кронштадтского (1829–1908), протоиерей Владимир Вигилянский сделал заметку в Фейсбуке о том, что тревожное предчувствие кровавого будущего России мучило святого, который постоянно искал истоки будущих бедствий русского народа и краха государственности; в его рассуждениях и пророчествах доставалось очень многим: властям, думцам, либералам, интеллигенции, журналистам, а главное – духовенству. Обличительные речи батюшки всегда сочетались с высочайшей требовательностью и беспощадностью к самому себе – отсюда возникает сильное доверие к его словам.

«Россия забыла Бога спасающего; утратила веру в Него; оставила закон Божий, поработила себя всяким страстям, обоготворила слепой разум человеческий; вместо воли Божией премудрой, святой, праведной – поставила призрак свободы греховной, широко распахнула двери всякому произволу, и от того неизмеримо бедствует, терпит посрамление всего света, – достойное возмездие за свою гордость, – за свою спячку, бездействие, продажность, холодность к Церкви Божией. – Бог карает нас за грехи; Владычица не посылает нам руку помощи. Россию можно назвать царством Господним. Это, впрочем, только с одной стороны. С другой же – по причине безбожия и нечестия многих русских, так называемых интеллигентов, сбившихся с пути, отпавших от веры и поносящих её всячески, поправших все заповеди Евангелия и допускающих в жизни своей всякий разврат, – русское царство есть не Господне царство, а широкое и раздольное царство сатаны...

Правители-пастыри, что вы сделали из своего стада? Взыщет Господь овец Своих от рук Ваших!.. Господь преимущественно надзирает за поведением архиереев и священников, за их деятельностью просветительною, священнодейственною, пастырскою... Нынешний страшный упадок веры и нравов весьма много зависит от холодности к своим паствам многих иерархов и вообще священнического чина.

Грешили наши предки, но грех грехом и называли, а нынешние либералы, согрешая, стараются грех оправдать, будто бы он законное дело. Возьмите вы грехи

похоти плотской – всё это, по их учению, не только простые слабости человеческой природы, но и законы природы, её требования.

Россия мятётся, страдает, мучается от кровавой внутренней борьбы, от неурожая земли и голода, от страшной во всём дороговизны, от безбожия, от крайнего упадка нравов. Злые времена – люди обратились в зверей, даже в злых духов. Ослабела власть. Она сама ложно поняла свободу, которую дала народу. Сама помрачилась умом и народу не дала ясного понимания свободы. Зло усилилось в России до чудовищных размеров и поправить его почти что невозможно.

Когда вследствие общего неповиновения властям и бездействия подчинённых членов общества, и при этом бездействии, властей деятельность прекращается, словно в органическом теле прекращается кровообращение, – тогда всё в обществе замирает, падает, разрушается, общественная безопасность исчезает, и члены общества идут одни против других, дозволяются полный разгул воровства, хищений, вражды, убийства».

А вот ещё несколько высказываний святого:

«Какого только ещё не сделали зла русские люди и в России живущие? Какими ещё не растлили себя грехами? Всё, всё сделали и сделают, что подвигает на нас праведный гнев Божий: и явное безверие, и богохульство, отвержение всяких истинных начал веры, разврат, пьянство, всякие увеселения вместо того, чтобы облечься в траур общественного покаяния печали о грехах, прогневляющих Бога, неповиновение начальству. … В бесовском царстве есть порядок и подчинение одних злых духов другим, низших – высшим, менее сильных – более сильным, а в христианском государстве исчезли всякое подчинение, всякая власть: дети не признают власти родителей, подчинённые – власти начальства, воспитанники – власти воспитателей… богослужение пренебрегается, проповедь бессильна, нравственность христианская более и более падает, анархия растёт…».

В воспоминаниях современников о праведном Иоанне находим два характерных случая – и для святого Иоанна, и для духовного состояния студенчества времён революции ещё 1905 года, которую застал батюшка и которая стала грозной предвестницей «России страшного года», 1917-го.

Полковник М. Д. Тимофеев вспоминал, как он с друзьями решил разоблачить мнимую святость знаменитого священника. Один из них притворился больным, а товарищи позвали отца Иоанна, чтобы помолился о выздоровлении. Приехав на квартиру, батюшка увидел притворщика в кровати и сказал:

– Теперь я тебе не нужен, но скоро понадоблюсь.

Помолился, денег не взял и уехал.

Участник розыгрыша вспоминал: «Мнимый больной хочет встать с кровати, но не может. Его приковала к ней неведомая сила. Сначала мы не поверили, думали, что притворяется, шутит, а потом и сами струхнули не на шутку».

Поехали студенты опять к отцу Иоанну и стали со слезами на глазах каяться в своём проступке. Святой их утешил, сказал, что их приятель здоров и отпустил с миром. Когда они вернулись, оказалось, что он, действительно, выздоровел. «Этот урок на всю мою жизнь сделал из меня человека религиозного, верующего», – заключил «шутник».

И другой случай, не менее известный, рассказанный духовной дочерью праведного Иоанна Кронштадтского А. А. Анкировой: «Когда мы стали разговаривать с о. Иоанном, он говорит мне:

– Говори громче, потому что я плохо слышу с тех пор, как меня студент ударил в Андреевском соборе по щеке.

Продолжая речь, о. Иоанн рассказал мне подробности этого случая так:

– Однажды, когда я служил обедню в Андреевском соборе и вышел из царских врат с чашей, то увидел студента, который закуривал папиросу от лампады перед иконой Спасителя. Я сказал ему: “Что ты делаешь?”. Студент, не отвечая, ударил меня по щеке, да так сильно, что Дары расплескались на каменный помост. Я перекрестился, подставил ему другую щеку и сказал: “Ударь ещё раз”. Но народ схватил студента. Камни с помоста были потом вынуты и брошены в море».

Становится понятной одна из записей в дневниках праведного Иоанна Кронштадтского, относящаяся к тем временам: «Господи, вразуми студентов; вразуми власти; дай им правду Твою и силу Твою, державу Твою. Господи, да воспрянет спящий царь, переставший действовать властью своею; дай ему мужество, мудрость, дальновидность. Господи, мир в смятении; диавол торжествует, правда поругана. Восстань, Господи, в помощь Церкви Святой. Аминь».

В Свято-Ильинском издании 1980-го года, во втором томе книги И. К. Сурского «Отецъ Іоаннъ Кронштадтскій», читаем: «Въ одно изъ воскресеній осени 1916 г. въ Петербургскомъ Іоанновскомъ монастырѣ, гдѣ собирались почитатели о. Іоанна, литургію совершалъ Московскій митрополитъ Макарій. Послѣ обѣда въ покояхъ настоятелыницы монастыря, игуменіи Ангелины, собрались нѣсколько духовныхъ лицъ, а также и военныхъ. Митрополитъ Макарій прочёлъ собравшимся одно мѣсто изъ дневника о. Іоанна Кронштадтскаго, въ которомъ были описаны его видѣнія и предсказанія, касавшіяся Россіи... Оказывается, что о. Іоаннъ за много лѣтъ до міровой войны совершенно точно занесъ въ свой дневникъ и участниковъ войны и ея исходъ. Военныя неудачи царской Россіи и связанную съ ними революцію о. Іоаннъ также предсказалъ. Онъ указалъ на продолжительность господства революціонныхъ идей, на безчисленныя жертвы революціи, на потоки крови, на горе и на несчастія всего населенія».

Святой праведный Иоанн воистину – не предвидел, а знал, был носителем опытного знания, от Духа Святого. «При жизни преподобного Серафима, за молитвы его, Господь хранил Россию; после него был другой столп, достигавший от земли до неба, отец Иоанн Кронштадтский», – говорил преподобный Силуан Афонский.

«ПРИКАЖИ, ЦАРЬ, ПРИДЁМ И ЗАЩИТИМ ТЕБЯ»

Кто от кого отрёкся – Царь от своего народа или народ от своего Царя?

Василий Розанов сказал в своей «Легенде»: «Умирая, всякая жизнь, представляющая собою соединение добра и зла, выделяет в себе, в чистом виде, как добро, так и зло». А современный мыслитель Дмитрий Галковский в связи с этой розановской репликой заметил в своём «Бесконечном тупике»: великий поступок Николая II, великое добро, которое он сделал для России, оконтурило зло, выя-

вило зло, сделало его совершенно однозначным и следовательно – бессильным. … Теперь сама вселенная духовного мира России так устроена. С “царским комплексом”. Мистически Россия теперь – вечная монархия».

Но и всё же кто от кого отрёкся – Царь от своего народа или народ от своего Царя? Царя, в верности которому клялся каждый гражданин России на Распятии и Евангелии. И не означает ли это отречение и отречения от Того, Чьим именем клялись все без исключения граждане Российской империи?

Отреклись, впрочем, не все, что видно хотя бы по реакции на отречение: «восторженно» отреагировал на него, согласно записке генерала Алексеева Временному правительству, лишь Балтийский флот. Реакция Северного фронта была «сдержанной и спокойной», на Западном бойцы встретили известие «спокойно, серьёзно, многие с сожалением и огорчением», на Юго-Западном «спокойно, с сознанием важности переживаемого момента». Иначе – на Румынском и Кавказском фронтах, а также на Черноморском флоте (командующий – адмирал А.В. Колчак), где отказ Николая II от Престола произвёл «тягостное впечатление, преклонение перед высоким патриотизмом и самопожертвованием государя, выразившемся в акте отречения».

Из командующих не отреклись двое – Хан Гуссейн Нахичеванский, кавалер боевых Георгиевских орденов 3-й и 4-й степени и единственный мусульманин из всех российских военачальников (расстрелян большевиками в январе 1919 года) и командующий 3-м конным корпусом Румынского фронта генерал Федор Артурович Келлер – тоже кавалерист, «первая шашка России» (был убит петлюровцами в 1918 году). Первый телеграфировал генералу Алексееву: «До нас дошли сведения о крупных событиях. Прошу Вас не отказать повергнуть к стопам Его Величества безграничную преданность Гвардейской кавалерии и готовность умереть за своего обожаемого Монарха. Генерал-адъютант Хан Нахичеванский». А вот Келлер: «Третий конный корпус не верит, что Ты, Государь, добровольно отрёкся от престола. Прикажи, Царь, придём и защитим Тебя». Получил ли «полковник Романов» это изъявление преданности, неизвестно, но известно, что телеграмма дошла до командующего Румынским фронтом генерала Владимира Сахарова (расстрелян «зелёными» в 1920 году), который приказал Фёдору Келлеру сдать командование корпусом под угрозой обвинения в государственной измене.

Русский публицист, мыслитель Иван Солоневич пишет, что Николай II был слишком большим джентльменом и полагал, что такими же джентльменами окажутся и остальные. Генерал-майор Отдельного корпуса жандармов Александр Спиридович (начальник дворцовой охраны) подтверждает это: «По своей глубочайшей моральной честности он не мог поверить, не мог себе представить, чтобы русские серьёзные политические деятели пошли бы на заговор, на государственный переворот во время войны. Такое легкомыслие, такое преступление против родины просто не укладывалось в уме Государя». Именно по этой причине, когда Царю доложили о заговоре Думы, военно-промышленных комитетов и прочей публики во главе с Гучковым, принявшей решение захватить императорский поезд, принудить его к отречению, а в случае отказа – убить, он не воспринял это всерьёз.

Поэт, протоиерей Константин Кравцов (Ярославль), заканчивающий книгу о Государе Николае II и делящийся по ходу работы в Фейсбуке «мыслями вслух», в

одной из своих реплик восклицает: «И всё же непонятно, как Император мог терпеть на посту министра внутренних дел полусумасшедшего Протопопова. Этому паяцу, дезинформировавшему Царя и Царицу о происходящем в Петрограде ("всё хорошо, прекрасная маркиза"), да ещё недееспособному Хабалову (Командующий Петроградским военным округом), так же славшему лживые успокоительные телеграммы в Ставку, мы и обязаны победой "великой русской революции". Действительно: «измена, трусость и обман», слишком поздно замеченные...».

«Варианта было два, – продолжает Кравцов, – подавить бунт во время войны или его поддержать. Его поддержали Синод, Дума и – с подачи генерала Алексеева, начальника штаба ставки – все командующие армиями. Все они предали Царя за исключением лютеранина Келлера и мусульманина Хана Гуссейна Нахичеванского. Но из присланных телеграмм с просьбой об отречении любопытна телеграмма генерала Сахарова, раскрывающая суть дела: «Генерал-адъютант Алексеев передал мне преступный и возмутительный ответ председателя Государственной Думы Вам на высокомилостивое решение Государя Императора даровать стране ответственное министерство и пригласить главнокомандующих доложить Его Величеству через Вас о решении данного вопроса в зависимости от создавшегося положения. Горячая любовь моя к Его Величеству не допускает душе моей мириться с возможностью осуществления гнусного предложения, переданного Вам председателем Гос. Думы. Я уверен, что не русский народ, никогда не касавшийся Царя своего, задумал это злодейство, а разбойничья кучка людей, именуемая Государственной Думой, предательски воспользовалась удобной минутой для проведения своих преступных Целей. Я уверен, что армии фронта непоколебимо встали бы за своего державного вождя, если бы не были призваны к защите родины от врага внешнего и если бы не были в руках тех же государственных преступников, захвативших в свои руки источники жизни армии.

Таковы движения сердца и души. Переходя же к логике разума и учтя создавшуюся безысходность положения, я, непоколебимо верноподданный Его Величества, рыдая, вынужден сказать, что, пожалуй, наиболее безболезненным выходом для страны и для сохранения возможности биться с внешним врагом, является решение пойти навстречу уже высказанным условиям, дабы промедление не дало пищу к предъявлению дальнейших, ещё гнуснейших притязаний. Яссы. 2 марта. № 03317. Генерал Сахаров».

Короче говоря, никакой «великой русской революции» не было бы, если бы командующие остались верны присяге. Если бы посланные с фронта в Петроград войска не завернули назад, – утверждает исследователь. Но была бы кровь. Проливать её Царь не захотел – принёс в жертву самого себя. Этого не понять нашему «цвету интеллектуальной элиты» и «творческой интеллигенции», но платить, тем не менее, «пришлось и придётся дальнейшим распадом государственных образований, возникших на территории бывшей Российской империи. По пророчеству Серафима Вырицкого, территория России к концу времён сократится до размеров Московского княжества. Очень похоже, что так и будет...».

Примечательно и прощание арестованного Государя с чинами штаба в Могилёве перед отправкой его в сопровождении комиссаров и охраны в Царское Село. Великий князь Александр Михайлович записал: «К одиннадцати часам зал

переполнен: генералы, штаб- и обер-офицеры и лица свиты. Входит Ники, спокойный, сдержанный, с чем-то похожим на улыбку на губах. Он благодарит штаб и просит всех продолжать работу “с прежним усердием и жертвенностью”. Он просит всех забыть вражду, служить верой и правдой России и вести нашу армию к победе. Потом он произносит свои прощальные слова короткими военными фразами, избегая патетических слов. Его скромность производит на присутствующих громадное впечатление. Мы кричим “ура”, как никогда ещё не кричали за последние двадцать три года. Старые генералы плачут…».

Однако полковник Евгений Кобылинский, комендант Александровского дворца, ставшего местом царского заключения, уже в совершенно ином ключе дал воспоминания о другом моменте: «Когда на царскосельском вокзале Государь вышел из вагона, лица из его свиты посыпались на перрон и стали быстро-быстро разбегаться в разные стороны, озираясь, проникнутые страхом, что их узнают. Прекрасно помню, что так удирал генерал-майор Нарышкин и, кажется, командир железнодорожного батальона Цабель. Сцена была некрасивой».

Профессор-экономист Борис Бруцкус, высланный на «философском пароходе», вспоминает со слов того же Кобылинского о «сиятельствах, которые грубейшим образом покинули семью со дня отречения царя и ни разу не интересовались судьбой своих бывших благодетелей». Среди них, вспоминает он, были и герцог Лейхтенбергский, флигель-адъютант Саблин, «с коим семья буквально не расставалась», и полковник Мордвинов, «которого особенно любил царь», и начальник конвоя Граббе, и заведовавший делами государыни граф Апраксин.

«Аристократию, лицо которой три столетия и выражало собой лицо России, смело в один день, как не было её никогда, – писал Солженицын, словно эхом отзываясь на известную реплику Розанова об Империи, «слинявшей в три дня». – Ни одно из этих имён – Гагариных, Долгоруких, Оболенских, Лопухиных – за эту роковую неделю не промелькнуло в благородном смысле, ни единый человек из целого сословия, так обласканного, так награждённого».

Впрочем, внимательный читатель поправит писателя: князь Евгений Долгорукий на Царскосельском вокзале был единственным, кто не бросил Государя, а впоследствии отправился с ним в Тобольск и Екатеринбург, где и был убит.

Святитель Макарий Московский, Апостол Алтая, сказал (и его тоже никто не услышал): «Не хотите своей русской, богопоставленной Царской Власти? – будет у вас власть иноплеменная». По некоторым источникам, преподобный Силуан Афонский добавил к этой фразе своё окончание: «которая зальет мiр кровью и слезами».

Сто лет назад в России произошла чудовищная катастрофа. Рухнули и Царство, и Церковь. Была инспирирована цепь событий, приведшая к физическому уничтожению интеллектуального и образованного слоя элиты страны. Истребляли людей семьями, под корень. Утверждают, что «исполнители» брали справочник «Выпускники Императорского лицея» с домашними адресами и телефонами, и по нему расстреливали.

Как не вспомнить поэта Фёдора Тютчева, который служил дипломатом: «Уже давно в Европе существуют только две действительные силы: Революция и Россия. Между ними невозможны никакие соглашения и договоры. Жизнь одной из них означает смерть другой».

Что же мы отвечаем на это сто лет спустя?..

«ОНИ УМЕРЛИ МУЧЕНИКАМИ ЗА ЧЕЛОВЕЧЕСТВО»

О трагедии Царственных Страстотерпцев рассказывает книга «Царский выбор»

Летом этого года исполнилось 100 лет со дня мученической кончины семьи Царственных Страстотерпцев, а также лиц, их сопровождавших в екатеринбургской ссылке.

Если вам привелось побывать в Ливадийском дворце, любимом царской семьёй, воистину райском месте (в древней мифологии Ливадия – это вход в рай; от греческого «ливадион» – «луг, лужайка»), то вы не могли не запечатлеть в своей памяти фотопортреты членов замечательной семьи Государя императора Николая Романова, которому ещё преподобным Серафимом Саровским была предсказана страшная, мученическая судьба. Старец почил в 1833-м, а пророческую записку Николаю II вручили в 1903-м, в Дивееве, при прославлении преподобного. Имена детей последнего Государя Российской империи – Ольга, Татьяна, Мария, Анастасия, Алексей, их удивительные лики, встречаемые на фото почти во всех залах второго этажа царского дворца, навсегда останутся в вашей памяти. В классе, где учились грамоте царёвы дети, под стеклом выставлены их рукодельные работы, рисунки, в том числе и цесаревича, родившегося у царской четы после дивеевской поездки, но с рождения неизлечимо хворавшего несвёртываемостью крови.

Русское сердце не может не отзываться на страшную трагедию помрачения, вероотступничества и царепредательства, цареубийства, свершившуюся столетие назад.

Эта боль и этот грех ещё не преодолены и не искуплены, не отмолены нашим народом. Потому и не иссякают новые, порой весьма пространные публикации на эту горькую тему.

Книга, выпущенная в 2016 году тиражом 1300 экземпляров издательством «Буквица» в рамках исторического проекта «Летопись», организованного по благословению Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II и продолжающего работу по благословению Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла, называется «Царский выбор». Это «серьёзный, громадный труд, грандиозный, великолепное полиграфическое исполнение». Весомый и очень красивый том, с глубоко продуманной эстетикой, что присуще всем изданиям этого автора, включая цветовую символику – белое, красное, золотое, чёрное. Главным посвящением в книге значится: «К 100-летию великомученического подвига Царственных Страстотерпцев». Автор издания – историк Константин Капков. Деликатно, но настойчиво автор указывает на титульном листе место выхода книги: Белянка–Москва–Ташкент–Вятка–Ливадия.

Константин Капков – руководитель церковно-исторического проекта «Летопись», научный руководитель духовно-просветительского центра имени митрополита Макария. К слову, он за свои труды дважды был удостоен премии митрополита Макария. В селе Белянка на Белгородчине решил потратить заработанные средства на издание трудов по церковной истории. Первой была написана и выпущена в свет «Памятная книга военного и морского духовенства». В 2009 году появились «Очерки по истории военного и морского духовенства Российской Империи: итоги к 1917 году». Как это бывает в жизни, к хорошему делу

многое прикладывается: стали появляться в кругу общения единомышленники и спонсоры. Всего Капков выпустил с тех пор девять книг, а с учётом репринтов с собственными комментариями – пятнадцать.

Значительным литературным памятником стал выпуск Капковым в свет с Макариевским духовным центром юбилейного трёхтомного издания «Материалы к жизнеописанию митрополита Макария (Булгакова)», в основу которого положен историко-биографический очерк уроженца села Сурково Курской губернии (ныне Белгородская область), выпускника и профессора Киевской духовной академии, протоиерея киевского Андреевского собора Фёдора Титова «Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский»; за этот труд в 1897 году о. Фёдор получил полную Макариевскую премию.

Константин Капков рассказывает, что книга «Царский выбор» его жизнь, «если не совсем перевернула, то много изменила, пришлось пережить тревожные моменты, неординарные события, составившие важный этап, который ещё не закончился и непонятно, чем закончится…». «Я реально писал о святом человеке, о святом семействе, и они вторглись в моё существование, заставили учиться у них смирению. С успехом не самым лучшим, наверное. Ну ещё – любви, терпению, покорности воле Божьей… вере, в конце концов. Царская семья – это идеал, которому, конечно, мы соответствовать не в силах, но учиться у них необходимо. Их любви между собой, мне кажется, не хватает нам. А любовь там была та, что созидалась каждый день. Изо дня в день каким-то трудом в пользу Бога, имея в виду верность Богу, строить. В конце концов, строение окрепнет, кирпичики сцементируются…», – говорит издатель книги.

Проработав гигантское количество документов эпохи в крупнейших архивах многих городов России, а также в информационном центре МВД Узбекистана, Капков в предисловии к книге констатирует, что вопросов остаётся больше, чем ответов.

Его труд посвящён прежде всего религиозной жизни императорской семьи, и именно в этом аспекте автор подробнейшим образом рассматривает взаимоотношения Государя с Григорием Распутиным, отречение Императора от престола, Февральскую революцию.

Автор посвящает отречению отдельную подробную главу, приводя фотоварианты «документа об отречении» и его увеличенные фрагменты, со всеми пометками на нём – стёртыми и явными, указывая на известные «странности» и высказывая сомнения в законности этого документа.

С особой болью Константин Капков пишет о всенародном духовном помешательстве тех лет. «Жизнь без постоянного представления о Царе – прямо немыслима для русского человека», – цитирует автор высказывание архимандрита Андрея Ухтомского 1903-го года, давая расширенную монархическую апологию этого духовного лица, и сразу сокрушённо приводит цитату из его же проповеди, но уже в сане епископа, от 12 марта 1917 года: «Кончилась тяжкая, грешная эпоха в жизни нашего народа. <…> Наступили дни чистой народной жизни, свободного народного труда; зажглась яркая звезда русского народного счастья. <…> Самодержец погиб и погиб безвозвратно». Архиерей писал Михаилу Родзянко ещё до отречения Государя, в феврале 1917-го: «Не могу удержаться, чтобы не выразить вам пожелания полной победы над лукавыми властолюбцами». Благословил

владыка и «необыкновенного человека» Александра Керенского. Владыке будет суждено многие годы скитаться по большевистским лагерям.

Автор книги прав в своём утверждении, что духовная слепота поразила русский народ как чума, что очень многие перестали понимать Государя, даже члены Императорской фамилии. Один из очевидцев переворота будущий архимандрит Константин (Зайцев) отмечал, что «Россия восприняла это отталкивающее бесчинство в ликовании праздничном, как весну, как освобождение от злой неволи, как зарю новой светлой жизни! И это вся Россия в целом, весь русский народ во всех общественных группах!».

Это был воистину русский ад, страшное помрачение православного народа, который должен был в 1918 году отмечать 930-летие Крещения Руси, а вместо этого совершил цареубийство и впал в страшную братоубийственную войну, и вскоре перешёл и к уничтожению святынь и священства.

Книга рассказывает и о последних представителях духовенства, служивших Царю. Заключительная часть исследования рассматривает убийство Царской семьи как результат противостояния разных религиозных сил.

Под одной обложкой автором собраны фактически три разные книги, разнесённые в три раздела: Духовный мир императора Николая II и его семьи; Последние священники при царе; Вольная жертва. «Как три плиты под единым стержнем», этот стержень – рассказ о величии духовного мира русского Царя.

Автор своим объёмным трудом обоснованно подтверждает и настаивает, что Император Николай II и его семья – это национальное богатство, гордость страны, пример для подражания, одни из величайших святых на Земле.

Всей книгой Константин Капков попытался ответить на вопрос, в чём же состоял Царский выбор? Он отвечает так: царская семья приняла загадочное и трагедийное поучение в качестве руководства к действию: «потерять душу», жизнь – ради Христа. На практике это выразилось в желании послужить семье, стране, Богу, и, наконец, в венце служения, «отдать свою душу». Пример святого Царя Николая II и всей его семьи – пример самоотверженного понимания долга.

Исследователь констатирует цельность мировоззрения Семьи Венценосцев, уверенность в избранном жизненном пути – и до ареста, и в заключении.

Историк настаивает на позитивном влиянии крестьянина Григория Распутина на императорскую семью, называет его оригинальным религиозным мыслителем. «Более скорби нет, когда своя своих не познаша», – эти слова Распутина – один из лейтмотивов его многолетних бесед с царём. Сибирский самородок оказался прав и в далёкой исторической перспективе: царскую семью многие не познали и поныне.

Такой союз Царя и крестьянина был лебединой песней русской православной идеи самодержавия как единой семьи с единой главой, где каждый заботится прежде всего о спасении своей души. Это прозрел русский мужик и русский царь в изоляции непонимания окружающих и полном одиночестве. Царская семья была неимоверно одинока ещё задолго до марта 1917 года. И в такой ситуации Распутин стал ей верным другом. Ведь он в отличие от многих генералов, либералов и предпринимателей, царя не предавал…».

Капков приходит к выводу, что весной 1917 года царь отстаивал монархию, увы, один. Что царская семья была очень одинока и находилась в духовной изоляции задолго до революции, которая эту изоляцию сделала очевидной.

Священство, утверждает историк, поддержало Февральскую революцию, царь, к сожалению, не нашёл опоры в духовенстве.

«Царь был убит при попустительстве русских людей, но не русскими людьми, – пишет Константин Капков. – Участие в революции большого количества евреев и атеистов придавало ей характер борьбы иудейско-языческого мировоззрения с православным. Была ли кончина царской семьи ритуальным убийством? Исходя из имеющихся фактических данных, полагаем, что нет. … Но по сути казнь царской семьи – это религиозный факт». Речь идёт о противостоянии Христа и Антихриста, в этом убеждён автор книги «Царский выбор». «И жертва была принесена. И хотели её все. Только понимали по-разному».

Особые слова находит автор для всей семьи в целом, для отношений внутри её, между членами семейства. «…Они не нуждались в других и были довольны быть вместе… Они умерли в один день и час»; «такая любовь не может возникнуть просто так и держаться десятилетиями. Она происходит из веры, когда семья трудится, чтобы стать по православному учению “малой церковью”, являя внутри себя христианскую любовь, имея желание послужить ради того, что Бог так заповедал».

«Моё сердце всегда наполняется радостью, когда мы вместе с тобой идём ко святому причастию, – это ведь ещё больше сближает и помогает вместе с близким человеком разделять жизненные радости и скорби», – писала царица Александра своему супругу.

Начальник охраны императорской семьи под арестом свидетельствовал: «Жизнь в своей семье всех их так духовно удовлетворяла, что они иного общения не требовали и не искали. Такой удивительно дружной, любящей семьи я никогда в жизни не встречал и, думаю, в своей жизни уже больше никогда не увижу».

Завершает Константин Капков книгу известными словами Пьера Жиляра, воспитателя Цесаревича Алексея: «Император и императрица хотели умереть мучениками за свою страну – они умерли мучениками за человечество. Их истинное величие <…> в удивительной нравственной высоте, до которой они постепенно поднялись. <…> Даже в своих лишениях они обнаружили трогательные доказательства удивительного душевного спокойствия, против которого бессильны всякое насилие и всякая злоба и которые торжествуют даже в самой смерти». Это и есть Царский выбор.

Станислав МИНАКОВ – поэт, переводчик, эссеист, прозаик, публицист, очеркист. Родился в 1959 году в Харькове. В Белгороде окончил индустриальный техникум. Позднее – радиотехнический факультет Харьковского института радиоэлектроники.

Член Русского ПЕН-центра, Национального Союза писателей Украины, Союза писателей России, Международного фонда памяти Б. Чичибабина.

Автор книг стихотворений и прозы, а также автор-составитель энциклопедии «Храмы России», альбомов «Храмы великой России», «Святыни великой России» и других, выходивших в Москве.

Публиковался в толстых журналах, сборниках, альманахах, антологиях многих стран. Лауреат Международной премии им. Арсения и Андрея Тарковских, Всероссийской премии им. братьев Киреевских. Автор сотен публикаций на сайтах «Столетие», «Русская народная линия», «Одна Родина». Пишет на темы православия, культуры, актуальной украинской политики. Живёт в Белгороде (Россия).

* * *

Эмалевый крестик в петлице
И серой тужурки сукно...
Какие печальные лица
И как это было давно.

Какие прекрасные лица
И как безнадёжно бледны –
Наследник, императрица,
Четыре великих княжны...

Георгий ИВАНОВ

ПРОЗА

Поле притяжения

НАТАЛЬЯ СТОЛЫПИНА-ВОЛЬСДОРФЕР

«ВСЁ ВЕРНЁТСЯ…»

(Отрывок из романа)

Париж. Август 199... года.

Поздний вечер. Остановка. Из подъехавшего автобуса кто-то вышел. Водитель посмотрел в зеркало. Двери закрылись, и мотор потащил автобус в темноту ночи.

– Ну, ёлки зелёные! Куда ж ты смылся?!

Эти слова принадлежали запыхавшейся от быстрого бега молодой женщине, диким взглядом провожавшей убегающий автобус.

– Ах, ёлки зелёные! – повторила она, пытаясь привести в порядок свои волосы, разлетевшиеся в разные стороны. Беспомощно огляделась. Ещё раз выругалась, потише и очень неприлично, и направилась к расписанию. Тяжело дыша, она водила пальцем по одной и той же строчке.

– Это был последний автобус, – сказал кто-то из темноты. Говоривший сделал шаг вперёд и попал под свет фонаря. Она взглянула на него, и её сердце забилось сильнее.

– Я знаю.

Она подошла к обочине.

– Что же мне делать? – спросила, оглядываясь по сторонам. Незнакомец пожал плечами. Он стоял, засунув руки в карманы, и смотрел, как она расхаживала в восьмишаговом ритме вдоль дороги, всё ещё чего-то ожидая.

Она была в чёрном вечернем платье. Простом и элегантном. Чёрные туфли на шпильках безжалостно придавливали окурки, и тонкие подошвы издавали противный скрежет при очередном повороте. Наконец она остановилась и стала рыться в большой, не подходящей к её наряду сумке. Резким движением закидывала назад длинные тёмные волосы, которые сразу соскальзывали вниз и точно так же мешали ей, как секунду назад.

– Могу я чем-нибудь помочь? – спросил он с лёгким поклоном.

– Не одолжите на такси? – робко спросила она. – Мне не хватает… Я верну, конечно же… Я учусь здесь в консерватории и оставлю вам свой студенческий. Можете не сомневаться.

Он удивился, но выудил из всех карманов деньги и принялся считать.

– Сколько же вам не хватает?

– Да всего не хватает...

– Далеко ехать?

– До вокзала. Нет, поезд я уже пропустила, значит, ещё дальше.

– М-м... путешествие... – незнакомец ссыпал все монеты с ладони и торжественно доложил:

– Полтора франка.

– Ах, да ладно! Я как-нибудь... – сказала она неуверенно и уставилась в темноту, – может, даже пешком...

Он усмехнулся.

– Есть пара вариантов, – он говорил медленно. – Я тоже здесь учусь. Тут неподалеку есть кабачок, там можно посидеть до утра. Хозяин – мой знакомый.

Она смотрела на него пустыми глазами.

– Вариант второй: я живу здесь, в этом сером доме. Если вас устроит, побудьте у меня. Я никого не убиваю.

Она изучала его взглядом. Он слегка улыбался, склонив голову набок.

– Автобус ушёл, с такси не получается, – он говорил, сильно растягивая слова. – Да ещё эти туфли... М-м? Кабак?

Конечно, была масса других выходов, но зачем сейчас об этом говорить? Он ждал.

Она смотрела на него, как будто искала чего-то, что должно было ей очень не понравиться. И не находила.

– Вместо забегаловок купил бы ботинки, – после долгой паузы сказала она. – Лучше к тебе.

И она двинулась к серому дому. Он пошёл за ней. Он широко улыбался и смотрел на свои ботинки. Потом оглядел её со спины и прикинул, кто выше.

– Теперь направо. Момент… Направо – это сюда.

Она громко фыркнула и кивнула, давая понять, что путать «право» и «лево» ей случается.

В довольно просторном фойе старого дома было светло и шумно, несмотря на поздний час. Дверь нижнего помещения была настежь открыта, и оттуда неслись звуки радио и запах какой-то еды. Стоя на пороге, полногрудая негритянка наводила порядок в шкафчике с ключами. Увидев вошедших, она озвучила своим богатым голосом всё пространство:

– Чарли, Чарли, Чарли… – говорила она, улыбаясь и качая при этом головой. Он театрально поклонился ей и предложил спутнице идти за ним.

– Чарли, ты всем нам очень нужен, мы тебя очень любим, – распевал богатый голос. – А, Чарли?

– Спокойной ночи, Терез, – кинул он ей через плечо.

Они пошли дальше по коридору.

– Это жена консьержа, – объяснял Чарли спутнице, на лице которой было написано безразличие.

– Не боишься? – спросил он и вставил ключ в замочную скважину.

– Нет.

– Ты меня совсем не знаешь.

– Ты меня тоже не знаешь, – она показала кивком, чтобы открывал.

Дверь распахнулась, и они очутились в однокомнатной квартире.

– Что будешь пить? – спросил он её.

– О, какое счастье… – сказала она самой себе, скинув туфли. После чего ответила:

– Ничего не буду пить.

Она сделала пару шагов на радость своим ногам.

– Поесть бы...

Чарли улыбался. Он с удовольствием отметил, что выше девушки.

– Сейчас сообразим.

– Это у тебя ванная?

– Да. Пожалуйста.

Чарли отправился на маленькую кухню и принялся изучать холодильник. Это была небольшая квартира с необходимым минимумом. Такое жильё часто снимают студенты или одинокие молодые люди: квадратная прихожая, прямо – кухня, направо – дверь в ванную, налево комната, служившая гостиной, кабинетом и спальней.

Минут через пять ночная гостья появилась в кухне.

– Пицца уже в духовке, а пока вот – яблоки. – Чарли показал на стол.

Она проворно устроилась у маленького стола. Ей было уютно, как будто вся её жизнь прошла в этой кухне. Теперь девушка выглядела иначе: волосы были собраны в пучок, и можно было лучше разглядеть её лицо, посветлевшее и посвежевшее. Голубыми, почти детскими глазами она следила за тем, как он накрывал на стол.

Он сел напротив.

– Не могу понять твой акцент. Откуда ты? – спросил он.

– Откуда... С концерта...

Он усмехнулся.

– Какой твой родной язык?

– Ну, русский.

– Никогда бы не подумал. Ты не похожа на русских.

– Да? Что за клише у тебя образовалось?

– Никакого клише. Просто. Ну, хорошо…Где же длинные ногти с красным лаком?

– Какие ногти? Я пианистка! – она повысила голос.

– О! Пардон! – он встал и наклонился к духовке проверить температуру. – С концерта? Что же ты слушала?

– Я не слушала, я играла.

– М-м... Цветы, поклонники, банкет… – Чарли вопросительно посмотрел на девушку. Та глубоко вздохнула и стала разъяснять, как старшая младшему:

– Это был маленький концерт, за ещё меньшие деньги, и тех не заплатили. Завтра заплатят. А заплатили б сегодня, взяла бы такси, и все дела.

Она покрутила яблоко в руках и, разглядывая красную кожицу, тихо сказала:

– Хотя ты прав. Я давно из России. И уже ни на что не похожа.

– Почему ни на что? – Чарли опять сел к столу, он улыбался. – Одна пластическая операция – и ты похожа на манекенщицу.

– Придурок! Ой, извини.

– Ничего, квиты.

Она захрустела яблоком.

– На каком ты семестре? – спросил он.

– Я в аспирантуре. Мне уже двадцать восемь. Я тут целый год и хочу в следующем закончить.

– А мне ещё только тридцать один, – доложил в свою очередь Чарли, – я нахожусь здесь только шесть лет и надеюсь закончить через три года.

– А-а... Наверное, двести лет жить собираешься...

– Хорошо бы...

– Что же можно так долго изучать? – спросила она.

– М-м... психологию.

– Какая чушь!

Он рассмеялся.

– Копаться в мыслях и чувствах, ставить на полочку... Сам-то как, не запутываешься?

– Я выгляжу так, будто запутался?

– Хочешь честно?

– Нечестно, кажется, ты не можешь.

– Могу, могу... Ну так вот: ты здесь не психологию изучаешь.

– А что? – Чарли сделался серьёзным.

– Ты женщин изучаешь.

– Эти познания тоже относятся к психологии, – улыбка вернулась к Чарли. Он заложил руки за голову и откинулся назад. – Диплом, собственно, у меня уже есть, я пишу книгу.

– Эй, подожди, ты сказал, что студент!

– Я не говорил...

– Как не говорил?! На остановке сказал, что студент!

– Я сказал, что учусь.

– Какая разница...

– Большая.

– О-о-о... началось, – она растопырила пятерню, – всё по полочкам... Точные определения и идеальный порядок мешают жить.

– Наоборот, помогают.

– Ага. Представляю, как обрадуется твоим порядкам зверь, которого привезут из леса, из настоящей жизни, сунут в клетку, повесят табличку с его названием и начнут кормить по часам!

Чарли смеялся.

– Ты сейчас смешала, как минимум, три разные вещи. Одна из них - я изучаю психологию людей, а не зверей, – сказал он.

– Какая разница! Разве только у зверей никогда не бывает денег…

– Не только. Звери не мыслят, – проговорил он, улыбаясь.

– Поэтому им не придёт в голову повеситься в таких условиях! А! Что скажешь?

– Я не могу с тобой дискутировать. В твоих рассуждениях нет логики и теоретических знаний.

– Это моё счастье. Зато я знаю, как будет называться твоя книга: «Как дать точное определение тому, что вообще никак не надо называть», или «Как навести порядок там, где его не должно быть», или просто «Как сделать хорошую жизнь невозможной»!

Чарли снова рассмеялся.

– Напротив. Я описываю определённый образ мышления, который страхует от личных катастроф и обусловливает успех.

Она посмотрела на него скучными глазами.

– Зачем?

– Представь себе, сколько людей нуждаются в том, чтобы понять, что с ними происходит, где они находятся, как должны упорядочить свои мысли, чтобы вести активную полноценную жизнь. Что об этом думаешь?

– Я думаю... – она помолчала. – Я думаю, что у тебя горит пицца.

Чарли не торопился встать. Он сначала должен был насладиться её взглядом, неподвижным, немигающим, абсолютно пустым. На него всегда смотрели по-другому: приветливо, улыбаясь, часто кокетливо или украдкой, стараясь угодить. И вот этот белёсый сухой взгляд. Он с интересом разглядывал её лоб, набухшие вены на руках, засученные рукава вечернего платья…

А потом Чарли довольствовался чаем и смотрел, как пианистка расправлялась с пиццей.

– Так, теперь мне нужен телефон, – сказала она, облизав пальцы, когда с пиццей было покончено.

Он провёл её в комнату к своему письменному столу, а сам вернулся на кухню убирать тарелки.

Она обращалась по-английски к месье Доре и объясняла свою автобусную неудачу.

– Да, завтра утром... То есть сегодня... Нет-нет… Совсем не то, что вы думаете! – она посмеялась. – Нет-нет... Исключено. Спокойной ночи! Приветствуйте мадам Доре!

Под конец разговора вошёл в комнату Чарли. В руках у него были бутылка вина и два винных бокала. Он поставил всё прямо на телевизор возле письменного стола.

– Ты говоришь по-английски лучше, чем по-французски, – он перешёл на английский.

– Да, пришлось выучить. Я и по-немецки говорю. Прожила в Германии довольно долго, – продолжала она по-английски гораздо свободнее.

– И я там был пару лет.

– Учился, наверное...

– Представь себе.

Она подошла к стеллажу с компактными дисками и начала изучать названия на блестящих пластмассовых корешках.

– Эй, студент, на что ты живёшь? Я знаю, сколько стоят эти CD.

Такого вопроса Чарли не ожидал. Он полминуты подумал и с нарочитой вежливостью объяснил:

– Я не студент. Я иногда публикую статьи и, когда закончу свою работу, надеюсь получить место в университете.

Она не слушала его.

– Ты, кажется, англичанин, – задумчиво проговорила она, не отрываясь от блестящих корешков. Чарли повернулся.

– Я был англичанином, – сказал он.

Девушка прыснула.

– А теперь ты француз, который пьёт чай и не допивает до конца.

Он не мог не усмехнуться.

– Всё равно какой-то ты странный. Чему ты хочешь научиться в Париже? Оксфорда тебе мало, – в том же тоне продолжала она. – В Америку не собираешься?

– Скажи, пожалуйста, ты всегда такая? – поинтересовался он.

– Какая «такая»? Не понимаю, что ты имеешь в виду... Эй! А это как у тебя очутилось?!

Она выудила одну CD и вопросительно уставилась на него.

– Это... Это мне недавно всучили.

– Слушал?

– Н-нет...

– Ну, тогда всё в порядке!

«Произведения Бетховена, Листа, Шумана в исполнении Валери Миллер», – прочёл он вслух надпись. – Ты, наверное, её знаешь...

– Да-а-а... Даже довольно неплохо... Это я.

Чарли высоко поднял брови, потом помотал головой посмеиваясь. Ему стало неловко. Он положил CD на место, сложил руки на груди, на лице появилась улыбка побеждённого.

– По крайней мере, теперь я знаю твоё имя. Очень приятно.

– Чарльз Ричард Ворсли, – сказал он и коротко кивнул.

– «Чарльз» или «Чарли»? – спросила Валери и села к письменному столу на вертящийся стул.

– Правильно «Чарльз», но Терез, правда, говорит «Чарли».

– У меня была в детстве собака Чарли, маленькая такая. Ой... извини, я не хотела тебя обидеть... я, в общем-то, подумала, что Терез шутит.

– Терез – самый серьёзный и ответственный человек в этом доме. Она помогает своему мужу и всегда всё знает. Не случайно её дверь почти всегда открыта. А, впрочем, без неё этот дом развалился бы.

Чарли разлил вино и подал ей. Она взяла бокал:

– Я не люблю красное.

– Это Chateau Neuf du Pape 1966 года.

– А-а...

Он вдохнул аромат из своего бокала и поднял на неё глаза. Она смотрела на него, ожидая короткого слова перед первым глотком. Он медлил. Есть такие моменты, о которых можно сказать: «Это уже со мной было». Чарли находился в плену этого ранее не знакомого ощущения.

Он понимал, что пауза затянулась, и приподнял свой бокал.

– Sante! – просто сказала она.

Чарли не хотел слышать собственный голос, ему казалось, тогда сказка может исчезнуть. Он дождался, пока Валери отопьёт, после чего тоже выпил. Сел в кресло, которое стояло по другую сторону телевизора, спинкой к окну. Теперь он видел только девушку, освещённую светом настольной лампы. Она разглядывала его жилище и легонько крутилась вместе со стулом, ровно настолько, чтобы не расплескать вино.

– Как же можно было поставить кресло так, чтоб из него нельзя было смотреть телевизор? – спросила Валери.

– Я здесь читаю...

– …книги по психологии, – перебила она и сделала два больших глотка.

Чарли не отвечал. Он сидел неподвижно и поражался, как мог он так быстро опьянеть. К счастью, она совсем не обращала на него внимания.

– Ну, а в целом, очень мило. А я живу в доме одного нашего профессора. Он что-то вроде мецената, – начала рассказывать она. – Услышал меня, когда я училась во Франкфурте, и решил, что я должна здесь учиться.

Валери выпила ещё.

– Его жена – певица. Она известна по всей Европе. Сейчас, может быть, уже нет…

Понизив голос, девушка наклоняла бокал так, что вино подбегало к самому краю.

– …меццо-сопрано. Я слушала её записи: это была такая Кармен! У неё есть всё, что нужно для сцены, – талант, профессионализм, красота. Студенты её обожали, да и сейчас тоже. Они являются к ней домой каждую возможную минуту. Таких уже больше нет...

Валери с улыбкой посмотрела на Чарли.

– А ты, значит, профессиональная пианистка, – подвёл он итог.

Ей стало смешно.

– Самое большое искусство при этом – остаться любителем.

Она поставила бокал с остатком вина на стол и потянулась, прикрывая зевок.

– Как же мне хочется спать от этого твоего знатного зелья. Можно я здесь прилягу?

В комнате была полуторная кровать. Валери, как была в платье, легла на самый край и натянула на себя одеяло.

– А где же ты будешь спать? – проговорила она уже с трудом.

– Впрочем, здесь ещё полно места... если хочешь... Интересно, какой придурок купит твою книгу? Хотя... мои CD, в конце концов... тоже... продаются...

Она хотела ещё что-то сказать, но ничего не последовало. Она уже спала и дышала ровно, каким-то чудом превратившись в очень маленькую девочку.

* * *

Чарли проснулся от шума воды в ванной. Попытка встать ни к чему не привела. Ноги онемели, и всё тело мучилось от ночи, проведённой в кресле. Через минуту-две Валери возникла на пороге.

– Доброе утро! – она излучала детскую радость. – Я полетела!

– Постой! – Чарли сорвался с кресла, хромая и морщась от боли в спине. – Сейчас позавтракаем...

– Нет, спасибо, – она была в полной готовности: туфли, сумка, волосы в порядке и даже платье не было помято.

– Куда ты? – он прошёлся пятернёй по своим волосам.

– На автобус. Через пять минут придёт. Спасибо, Чарли.

Девушка протянула ему руку. Он машинально пожал.

– Останься!

– Мне пора.

– Я провожу тебя.

– Не надо, – она уже выходила.

Чарли на ходу влез в ботинки и догнал её в коридоре.

– Не уходи…

Валери уже вышла на улицу и смотрела на дорогу, откуда должен был прийти автобус.

Чарли шёл за ней.

– Подожди! У меня нет твоего телефона!

Она смотрела на него весело.

– А у меня и нет никакого телефона!

– Где же я тебя найду?

– Зачем? Спасибо ещё раз, Чарли! Вот и автобус! Пока!

Валери устремилась к шумным дверям.

– Мы же не случайно встретились! – крикнул Чарли.

– Конечно! – бросила она уже со ступенек автобуса. – Я теперь знаю, что от личных катастроф можно застраховаться и заодно обеспечить себе успех на всю жизнь...

Чарли сунул руки в карманы и энергично выдохнул. Он улыбаясь смотрел на девушку и ждал, пока закроются двери. Когда автобус тронулся, Валери махнула ему рукой, и сизое облако выхлопных газов задёрнуло занавес ночного представления.

* * *

– Доброе утро, мадам Доре!

– А-а-а... Валери! Доброе утро!

Валери вошла в гостиную семьи Доре. Утренний свет не украшал эту комнату. Тяжёлые диваны и кресла как будто бы начинали стыдиться недостающих лепестков на протёртых подлокотниках, многолетняя пыль высвечивалась из резных узоров ореховых комодов и книжных шкафов, на паркете было видно, где ходили чаще. А вечерами лампа, висевшая низко над обеденным столом, умела так освещать гостиную, что все статуэтки и портреты отвечали своим блеском: то гранями фарфора, то золотом картинных рам или корешков толстых книг. За каждой вещью стояла своя история, всё излучало воспоминания сверкающего прошлого. К этому добавлялись звуки старого рояля, механика которого не позволяла настроить его лучше. И запахи. Запахи табака, духов, кофе, цветов, старых нот и книг. Всё сливалось вместе и жило здесь, в этой единственной на весь свет гостиной.

– Ну, что скажете? – мадам Доре опиралась на спинку кресла и загадочно улыбалась, ожидая ответа. Великолепие красивых женщин с годами не исчезает, а превращается в новое великолепие. Её осанка и выражение лица всегда говорили: «Каждый прожитый день делает меня только лучше. Присмотритесь ко мне, вы не найдёте ни одного недостатка!».

– Мадам Доре, никакой романтики, честно, – сказала Валери, целуя её в щёку.

– Недостойный тип плохой наружности? – предположила мадам Доре, словно поддразнивая Валери.

– Да нет, как раз наоборот.

Мадам Доре вопросительно подняла плечи. Её глаза уже играли какую-то давно сыгранную роль.

– Он просто Казанова. И вообще, мы совсем незнакомы. Мадам Доре, вы же меня знаете!

– Конечно, знаю, – мадам Доре прошлась царственной походкой к окну. – Не пропустите свою молодость, Валери.

В ответ девушка закатила глаза к небу.

– Я не могу ни в кого влюбляться! С меня хватит. Лучше сварю кофе!

– Доброе утро, Валери! – в дверях показался месье Доре и вместе с ней направился в кухню. – Как прошёл концерт?

– Неплохо. В Рахманинове певица вступила на полтакта позже, но потом всё выровнялось. Зато я, – Валери в негодовании размахивала кофейным лотом, – взяла такой темп в финале, еле выпуталась.

Месье Доре короткими кивками поддерживал её рассказ, доставая чашки. Невысокий, ловкий, совсем седой, очень опрятный, он быстро находил всё для завтрака в этой заставленной всякими нужными и ненужными вещами кухне.

– А «Адажио»? – спросил он.

– Хорошо.

– Ну вот и славно. Профессор Ренард уже звонил, ему всё понравилось.

– Там была такая акустика, что...

– Ах да, один мой бывший студент интересовался тобой, он сейчас импресарио... Н-де... Он что-то может для тебя сделать... Н-да...

– Правда? - Валери оживилась.

– Итак... Что там было с акустикой? – Месье Доре неумело скрывал своё нежелание говорить о бывшем студенте.

Мадам Доре слушала их разговор из гостиной и лёгкими движениями пальцев стряхивала сухие листья со своих азалий. Её лицо было приветливо. Собственно говоря, другая мимика портила бы его.

«Встретились...», – подумала она.

* * *

В консерватории начинались занятия. Несколько организационных дней были уже позади. Было вывешено расписание. Таким образом, студенты знали, где и когда они должны быть непременно, а также – где стоит появиться, а где можно не показываться.

Чудесный, тёплый октябрьский день. На ступени перед консерваторией сел молодой человек, по виду студент, в каких-то брезентовых штанах и такого же ужасного вида безрукавке. Это был Чарли. Он закинул голову назад, изучая завитушки на белых облаках. Чарли так увлёкся этим наблюдением, что в конце концов просто улёгся на ступени, заложив руки за голову и скрестив ноги. Он уже знал расписание занятий и хотел встретить Валери. Неудача вчерашнего и позавчерашнего дней его немного расстроила. «Только бы не уехала», – думал он и терпеливо приходил снова. Но сегодня охота должна увенчаться успехом: облака сдвинулись так, как ему хотелось – два маленьких медленно соединились в одно большое.

Профессор Ренард и Валери в большой аудитории с двумя длиннохвостыми роялями выбирали программу для предстоящего в январе экзаменационного выступления.

– А вот ещё Дебюсси, возьми вот это, у тебя хорошо получится.

Ещё один том лёг на стопку нот на столе.

– Я тут поразмыслил над полифонией, вот это можно оставить. Та-а-а-к... С крупной формой всё ясно, не хватает современной пьесы. Или романтику взять?

– Месье Ренард, ещё есть время, – Валери запихивала ноты в распухающую сумку.

– Конечно! Масса времени! – иронизировал профессор Ренард. Вон тот бездельник на ступеньках тоже так думает. Ничего-ничего, и для него экзамены начнутся.

Он кивнул в сторону окна.

Последние слова профессора Валери пропустила мимо ушей. Она поблагодарила и попрощалась:

– До четверга!

– До четверга, до четверга, – ответил месье Ренард и засвистел первые такты «Аппассионаты».

* * *

Когда Валери оказалась в фойе, к ней подошла проворная блондинка.

– Привет, Валери!

– Привет, Анна! Он (Валери имела в виду профессора) уже ждёт тебя, беги!

– Бегу, бегу! У тебя, надеюсь, всё хорошо? – спросила Анна.

– Сносно. А у тебя?

– Великолепно! – бросила на бегу Анна.

Валери кивнула про себя, как будто другого ответа и не ожидала. Она вышла из старых стен, и октябрьское полуденное солнце окутало её своим теплом.

– Хорошо-то как... - сказала она сама себе.

На нижней ступеньке что-то шевельнулось, и только сейчас она заметила, что к ней медленно приближается брезентовая одежда.

– Привет, Валери! – сказал Чарли.

У Валери сделались круглые глаза.

– Ты меня помнишь? – Чарли говорил не то, что заготовил.

– Что ты тут делаешь?

– Тебя жду.

– Давно?

– Месяц.

– Бездельник...

– Ну вот, ты меня и затащил в свой дурацкий кабак, – сказала Валери. Она и Чарли сидели за столом, заставленным переполненными тарелками.

– Это, конечно, не «Максим», но...

– А я бы туда и не пошла, – перебила его Валери.

– Почему?

– Там подают так мало... – она показала плотно сжатыми пальцами, как мало, – на вот такой огромной тарелке... – руки сложились в большую окружность. – Мы там однажды играли на юбилее у одного господина... за большие деньги, а с едой – просто одна неудача! Какое творчество при таком питании?

Чарли слушал её с удовольствием, откинувшись назад, склонив голову набок.

– Если честно, я уже забыла, когда ела то, чего мне хотелось бы... Когда я была маленькая, были такие сладости, не знаю, как это тут называется. Очень вкусно! Нечто подобное я здесь покупала, но это одно разочарование…

Он сравнивал ту, вечернюю Валери, с этой, простой, в джинсах и лёгком свитерке, без всяких украшений. Очень тонкая, с ловкими большими руками, она умела одновременно быстро есть и говорить. От элегантности и даже, как тогда ему показалось, холодности не осталось и следа. Перед ним сидела милая девочка с хвостиком на затылке. Ему было трудно о чём-то другом думать.

– Тебе нравится в Париже? – спросил он её.

– О, да... Это моя мечта, я не желаю ничего лучше! Наверное, это когда-нибудь закончится, но не хочу об этом думать.

Она глянула в сторону стойки.

– Есть тут мороженое?

– Здесь нет.

– Ну, тогда пойдём поищем где-нибудь. Пошли-пошли, у меня куча денег!

В кафе-мороженое Чарли продолжал её разглядывать, а Валери что-то говорила и успевала по-настоящему наслаждаться десертом. Если бы Чарли спустя некоторое время спросили, о чём шла речь, он не смог бы вспомнить. Разговор шёл сам собой, они часто перебивали друг друга, продолжая только что услышанную мысль. При этом Чарли больше слушал, чем говорил.

А Валери отметила про себя, что его почти постоянная улыбка никак не меняла выражения глаз, они по-прежнему оставались спокойными. Тёмными, мягкими…

– Ты что, не любишь мороженое? – спросила Валери, заметив, что у Чарли наполовину съеденное лакомство грустно плавало в собственной луже.

– Нет.

– А что же ты любишь?

Чарли пожал плечами.

– А, впрочем, всё равно, – сказала она, – мне пора. Смотри, сколько у меня работы…

Она показала на толстую кипу нот, выглядывающих из сумки.

– … и вообще, твоя болтовня меня утомила.

Чарли посмеялся и собрался платить.

– Нет, я, – коротко сказала она.

Улыбаясь, он дал ей возможность расплатиться. Они вышли на потемневшую улицу.

– Ну всё, пока, – сказала Валери и подняла ладонь на прощанье.

– До четверга, – ответил Чарли.

Она резко на него взглянула.

– При чём здесь четверг?

– Я приду.

– Делай, что хочешь...

Валери ещё раз махнула ему и удалилась.

Сидя в автобусе, Валери долго смотрела на своё отражение в стекле, потом тихо сказала: «Бездельник...».

Чарли зашёл в Серый дом.

– Всё в порядке? – спросила его бдительная Терез.

Чарли кивнул в ответ.

– Мне прийти? – вопрос и прекрасная улыбка Терез.

Он отрицательно мотнул головой и направился к себе.

– Ну-ну... – тихо мурлыкнула Терез, провожая глазами его спину.

* * *

Валери жила своими буднями. С утра (утро в семье Доре начиналось поздно, поскольку спать ложились тоже очень поздно, и Валери с удовольствием подчинялась этим правилам, как и многим другим, принятым здесь) приятный разговор за необязательным завтраком, потом она занималась часов пять на рояле в помещении этажом ниже, где царил нотный беспорядок. В послеобеденное время Валери с удовольствием ездила на проворном «Ситроене», выполняла мелкие бытовые поручения мадам Доре. Вечера были разными: концерты, куда они очень часто выезжали втроём, или уютные маленькие ужины в гостиной, на которые приходили бывшие студенты мадам и месье Доре. Валери принимала участие в беседах или незаметно исчезала наверх, в свою тесную спальню, где был беспорядок другого рода: платья, туфли, книги, журналы, альбомы, косметика…

Всю неделю Валери была погружена в разбор новой программы и находилась в нижней комнате для занятий дольше обычного. Туда иногда заглядывала мадам Доре – что-нибудь сообщить, но, уходя, как бы между прочим она высказывала своё мнение об услышанном, тогда начинался разговор. Иногда глубокий, интересный, иногда надо было просто посмеяться, а иногда возникал настоящий спор. Почти всегда такие разговоры заканчивались воспоминаниями мадам Доре, передаваемыми точными словами, сопровождаемыми жестами и многозначительными паузами. Вдоволь позанимавшись, Валери копалась в саду, убирая отцветшие растения.

– Валери! – грозно бранилась мадам Доре. – Сейчас же бросьте это занятие! Вам нельзя перегружать руки.

– Недогружать тоже нельзя, – спокойно отвечала Валери и продолжала делать то, что ей нравилось.

Плодотворная неделя осталась позади. В четверг Валери торопилась в консерваторию к двум часам. Чтобы доехать до центра, она пользовалась автобусом. Поместившись на головокружительной задней площадке, она вспомнила о Чарли. На ступеньках перед входом в консерваторию и нигде поблизости его не было. «И не надо!» – подумала Валери.

Занятие прошло, как всегда. Профессор «здесь был доволен», «тут сыграл бы иначе», «а это так нельзя оставить», «а в итоге, молодцом, молодцом...», «А в этом месте ты делаешь всё наоборот, но очень убедительно, оставь так, хорошо…».

Под конец Ренард принялся за свой свист и начал пружинисто прохаживаться. В аудиторию влетела Анна, и профессор начал новое представление. Валери шла к выходу. В голове у неё ещё звучали сложные переплетения многоголосной фуги. Она уже спускалась по ступенькам, как откуда-то возник Чарли.

– У меня есть идея! Привет! Мы идём в Лувр, – сообщил он.

Валери была рада видеть его.

– Куда-а? – слегка ошарашенная, спросила она.

– В Лувр.

– Не-е-е-т... – протянула она скучным голосом.

– Идём. Я хочу тебе кое-что показать.

Чарли и не думал принимать её отказ всерьёз, и ей ничего не оставалось, как согласиться.

Молчаливое величие Лувра подействовало на Валери своеобразно. Она, казалось, не дышала, тихо скользила по залам и всё ждала от Чарли того, что он хотел ей показать. Шедеврам доставался только её поверхностный взгляд. Чарли, в свою очередь, наблюдал за её реакцией, когда они проходили мимо знаменитых полотен. Но никакой реакции не было. Наконец она спросила:

– Где же твоя достопримечательность?

– Неужели тебе мало?

– Ага… опять заманил.

– Почему ты злишься? Живопись и музыка – это искусство.

– Нельзя изучать музыку и пренебрегать всем другим.

Чарли остановился и принял свой обычный облик: руки в карманах, на лице улыбка.

– Слушай, ты, – Валери встала напротив него и сузила глаза, – я не изучаю музыку, я её делаю! Пока ты благоговейно пялишься на оригиналы и репродукции, пока читаешь все критические статьи о них, я сижу и повторяю по двенадцать часов в день сумасшедшие пассажи, чтобы после моего концерта какой-нибудь умник имел пищу для своих туманных рассуждений и преподносил их истинным знатокам искусства, которые обнюхивают с утра до ночи газеты и журналы.

К концу её тирады Чарли поднял руки вверх с выражением полного раскаяния.

– И вот ещё, – продолжала Валери чуть спокойнее, – если я узнаю, что буду жить двести лет, так уж и быть, года два из них посвящу Лувру.

– Двести?.. Я думаю, ты живёшь уже дольше...

Она подняла брови. Чарли указал рукой за её спину. Там висело полотно английского художника Томаса Гейнсборо, изображающее леди Эльстон. Не от великолепия совершенного мастерства бесконтрольно открылся рот Валери, когда она обернулась к картине. До мельчайших подробностей лицо Валери повторяло лицо леди из восемнадцатого века. Она даже зачем-то дотронулась до своих щёк.

Чарли был доволен. Он встал между двухмерной и трёхмерной «Валери» и сличал детали. Сходство было поразительное.

– Куда ты дела это платье? – спросил он и показал на себе глубину декольте.

– Отстань, – Валери не хотела шутить.

– Потрудитесь ответить: «Миллер» – это ваша настоящая фамилия? – Чарли играл в сыщика.

Валери вглядывалась в леди и, не отрываясь, медленно сказала:

– Это фамилия моего мужа.

Улыбка на его лице остекленела.

– М-м... – сказал он ехидно.

– Бывшего, – добавила она.

– М-м... – повторил он с той же интонацией.

Он подошёл вплотную к стене с этюдами. Зачем ему понадобилось погружаться в наброски – никто не смог бы ответить. Скорее всего, ему нужна была пара минут, чтобы обрести обычное выражение лица.

– Не похожа, – вдруг заключила Валери, распрощавшись взглядом с леди Эльстон, приблизилась к Чарли и тихо сказала:

– Идём, я тебе тоже кое-что покажу.

Она подвела Чарли к картине «Отдых на охоте» Шарля-Андре Ванлоо.

– Хорошо, правда?

Чарли склонил голову набок.

– А вот ещё… – она тащила его за собой, – смотри...

Это был «Натюрморт с разнообразным десертом» Яна Давидса де Хем.

Чарли подумал минуту, повёл Валери дальше и сказал:

– Это тебе тоже должно понравиться.

Они остановились перед полотном «Брак в Кане» Хуана де Вальдеса Леаля.

– Это?

– Да. Смотри повнимательнее. Здесь тоже изображена еда. Ты, кажется, просто голодна.

* * *

В супермаркете было много народу. Валери ощутила в себе инстинкт охотящейся львицы. Чарли же был согласен на всё, только бы поскорей выбраться из магазина.

– Мы приготовим такую же курицу, как у этого твоего Кана. Как думаешь, какие там могли быть приправы?

– Вряд ли там была такая курица. Дичь, скорее, – Чарли страдал.

– Какая разница?!

Куча пакетиков, баночек и пучков присоединились к выбранной курице.

На Валери снизошло кулинарное вдохновение. Она придумывала «потрясающие» соусы и решалась на «гениальные» эксперименты. Она расставила перед собой минимум пять тарелок, где дозревали до своего совершенства невероятные смеси. Чарли был на подхвате. Ему надлежало моментально подавать заказываемые Валери кухонные принадлежности.

– Как можно жить при таком порядке на кухне?! – стонала Валери. – Ничего невозможно найти!

В процесс «колдовства» Чарли не вмешивался. Он следил за тем, чтобы Валери не пыталась схватить голой рукой горячий противень, спасал полотенце от огня, поднимал постоянно падающие ножи и вытирал лужи. Он крутился за её спиной и едва сдерживал желание просто обнять её и сказать: «Оставь эту глупую курицу». Но это было невозможно. Валери была неудержима.

– Какое счастье иметь собственную кухню! – восклицала она, – делай что хочешь!

Это она и делала.

Когда пришла пора попробовать результат творчества, Валери с удовольствием стала поглощать «фантастическую» трапезу и хвалить своё создание. Чарли было принялся за еду серьёзно и даже поддакивал, но потом ему пришлось вытереть предательские слёзы. Он сказал сиплым голосом:

– Знаешь, для меня слишком остро. В следующий четверг готовлю я, ладно?

* * *

В тот вечер, придя домой, Валери застала мадам и месье Доре за оживлённым разговором. По остаткам ужина было ясно – приходили гости.

– Добрый вечер, Валери! – сказал месье Доре, – самое интересное вы уже пропустили.

Ха-ха!

Валери раздвинула перед собой тарелки и стаканы, чтобы водрузить на стол локти. Месье Доре ходил направо, налево, поправляя и без того хорошо сидевший на нём пиджак.

– Представьте, кто у нас был! – месье Доре в обращении к Валери переходил с «ты» на «вы» и наоборот, в зависимости от расположения духа или значимости разговора.

– Жорж... – мягко охлаждала его мадам Доре.

– Таких студентов я должен стыдиться! А что ты делаешь? Вместо того, чтобы выставить, говоришь: приходи через неделю...

– Какая чушь!

– Жорж...

– «Он сожалеет о недоразумениях», – месье Доре покривлялся, – слышишь, Амелия? Он называет это недоразумением!

– Очевидно, он просто не разобрался...

– Что же там было трудного?! Просто должен был играть Симон, а не эта его красавица…

– И что? – месье Доре злорадно улыбнулся. – Конечно же, обосрался!

– Жорж, ты не мог бы выбирать выражения...

– Да-да! Бранные слова – гарантия от неправды! – Он перевёл дыхание и сделал паузу. – Теперь он не может смотреть в глаза Симону, юлит, поджав хвост, передо мной. Эта дура от него сбежала! Неустойку заплатил. Ха-ха, – он потёр руки, – и поделом... Как только ты его оправдываешь...

– Он же раскаивается. Время меняет людей, – спокойно говорила мадам Доре.

– Меняет-не меняет... Не всем это на пользу! – месье Доре сделал паузу. – Я рад, что со мной этого не случилось. – Он подошёл к мадам Доре и добавил совсем другим тоном:

– Мне всегда будет дорого то, что было дорого тридцать лет назад. И никакое время не может это изменить.

Он наклонился к руке мадам Доре и поцеловал её.

– В конце концов, есть вещи и поважнее карьеры, – добавил месье Доре и, повернувшись к Валери, сказал: – Валери, хорошенько подумай!

Валери вжала голову в плечи, не понимая, о чём должна подумать.

Месье Доре не стал ничего объяснять, налил себе коньяку и с легким поклоном удалился в другой конец гостиной, где его ждали кресло и сигара. Теперь Валери не надо было переводить взгляд с одного на другого, подобно тому, как смотрят за теннисным мячом. Она ждала от мадам Доре чудодейственных слов, которые всегда расставляли всё на свои места. Валери боготворила мадам Доре. Очень часто они сидели так друг напротив друга. Низкая лампа над столом заливала их волшебным светом, и нерастраченная материнская забота мадам Доре обволакивала Валери.

– Речь идёт об одном импресарио. Морисе Ледюке. Пианистом он был неважным, но сейчас на своём месте. У него большие связи, и он умеет их налаживать. Очень толковый молодой человек.

Мадам Доре говорила с фальшивым уважением. Валери улыбалась.

– Мы беседовали с ним о турне по Европе с концертами. Для вас, – мадам Доре стала серьёзной. И Валери тоже, – это может быть началом настоящей карьеры…

– О-го...

– Так часто бывает, – мадам Доре глянула на мужа. – И, поверьте моему чутью, Валери, он очень заинтересован в вас.

– Есть столько других, более крепких пианистов, чем я.

– Ва-ле-ри! Думайте о себе!

Мадам Доре придавала значение каждому слову.

– Месье Доре его очень не любит...

– Не слушайте вы его! – мадам Доре махнула рукой в сторону супруга. – Я сама ему позвонила. Думала, вы придёте, он вас уже даже слышал на этих ваших концертиках… Короче, он без ума от вас, и он мой должник. Своим положением он обязан мне, – мадам Доре понизила голос, – и с ним он хочет наладить отношения. С Жоржем надо оставаться друзьями, это он понимает... Так что он устроит вам турне.

– Мадам Доре...

– Валери, это нельзя пропускать...

Мадам Доре пронзила Валери своим взглядом.

– Возьмите бокал. Я знаю, вы не любите красное вино, но составьте мне компанию.

Вино, гранатно поблёскивая, успокоилось в бокалах.

– Постарайтесь в следующий четверг прийти к семи часам без опозданий. – Мадам Доре подняла свой бокал.

– Хорошо, – Валери как зачарованная смотрела на вино и вдруг спросила:

– Мадам Доре, а нет ли у нас Chateau Neuf du Pape 1966 года?

– О! Валери! У вас появляется отличный вкус!

Наталья СТОЛЫПИНА-ВОЛЬСДОРФЕР родилась в 1966 году в Ярославле. Музыкой начала заниматься с шести лет в городе Бельцы. В 1976 году стала лауреатом на молдавском республиканском конкурсе юных композиторов. Окончила музыкальную школу имени Евгения Коки и Академию музыки имени Гавриила Музическу (Кишинёв) по классу фортепиано. Одновременно с учёбой работала концертмейстером в Академии музыки, из них – три года в классе профессора и певицы Тамары Григорьевны Алёшиной. В 1994 году переехала на постоянное место жительства в Германию. Вот уже 20 лет преподаёт в музыкальной школе Пюттлинген (Заарланд). В этом учебном заведении Наталья ставит театрализованные представления. Как пианистка даёт сольные концерты, выступает и в составе камерных ансамблей.

Послесловие к публикации

СТОЛЫПИНСКИЕ КРУЖЕВА

Наталья Столыпина-Вольсдорфер – человек удивительной судьбы. Так сложилось, что, получив в Кишинёве музыкальное образование по классу фортепиано, Наталья переехала на постоянное место жительства в Германию. Там она состоялась как в личной жизни (муж, двое сыновей), так и в профессиональной: это и преподавательская работа, и сольные выступления, и, конечно, музыкальные спектакли, которые Наталья ставит вместе со своим учениками, причём, сценарии и музыку пишет сама! Можно только посетовать, что всё это происходит не в Кишинёве.

Итак, с немецкой половиной фамилии всё понятно, пришло время поговорить о второй, русской, или, если соблюдать хронологию, именно первой – Столыпина. Сама Наталья на вопрос о знаменитом предке отвечает сдержанно: «Дальнее родство». При этом с юмором добавляет, что никогда не умела отличать кузенов и золовок. А если серьёзно, наша бывшая соотечественница успешно выступала с докладами на конференциях русской диаспоры Германии «О потомках русских дворян, живущих в разных странах мира» (Ганновер) и на тему сохранения русского языка в семьях эмигрантов (Висбаден). Принимала участие во всемирном симпозиуме потомков великих россиян в Москве и в симпозиуме, посвящённом 150-летию со дня рождения Столыпина, в Сан Франциско, Калифорния. В рамках последнего состоялось открытие бюста Петра Аркадьевича работы скульптора Григория Потоцкого (к слову, тоже наш земляк). И именно Наталья была одной из тех, кто от имени потомков открывал бюст для всеобщего обозрения.

Потрясающе, правда?! Зачем, спрашивается, такой реализованной во всех смыслах женщине ещё и литература? А ведь в этом номере «Русского поля» Наталья представлена ни больше ни меньше как автор романа. На этот вопрос никто не ответит лучше самой Натальи:

«В садик я не ходила, сидела дома и рисовала, мастерила что-то или просто смотрела в окно через виноградные ветви. А бабушка в это время читала вслух «Руслана и Людмилу», «Отверженных», Лермонтова… Чтение было каждый день, как хлеб, а иногда и вместо хлеба. Когда она уставала, то говорила: «Ну а теперь я посплю, а ты послушай свои мысли». «Как это?!» – вопила я. Но было поздно, бабушка уже спала. Всё это можно выразить одной стандартной фразой: любовь к литературе мне привила бабушка с раннего детства. Все жизненные переживания, где любовные занимали не очень много места, две войны всё-таки пережила, бабушка выражала стихами. Но их не особо ценила, так, для домашнего пользования, говорила она…».

К слову, молдавская поэтесса и прозаик Ирина Ставская – дочь этой самой бабушки и тётя Натальи. Неудивительно, что такой человек, как Наталья, выросшая на русской культуре, впитавшая её на генетическом уровне и в какой-то момент оторванная от неё, начинает испытывать духовный вакуум. И тогда приходит время сесть за компьютер и писать.

Роман Натальи Столыпиной-Вольсдорфер «Всё вернётся» написан живым, образным языком. Главные герои – молодые люди, студенты, они встречаются,

На снимке (слева направо): Архиепископ Кирилл, скульптор Григорий Потоцкий, Наталья Столыпина-Вольсдорфер, Епископ Феодосий Сиэтлийский, барон Г. фон Ранненкампф

влюбляются, после некоторых перипетий женятся… Казалось бы, обычная дамская проза. Но не только. В романе много музыки, не голого перечисления имён и произведений, а именно ощущений, того, что сложнее всего облечь в слова. И Наталье это удалось. Впрочем, тут мне трудно быть объективной. Прототипом одной из героинь – мудрой, прекрасной мадам Доре – послужила Тамара Григорьевна Алёшина, оперная певица и педагог, в классе которой я училась. А Наталья была у нас концертмейстером. Любимая Тамарочка Григорьевна… мы все осиротели, когда её не стало. Но Наталья пошла дальше – тоскуя по дорогому человеку, она вернула её к жизни, пусть только на бумаге:

«Великолепие красивых женщин с годами не исчезает, а превращается в новое великолепие. Её осанка и выражение лица всегда говорили: «Каждый прожитый день делает меня только лучше. Присмотритесь ко мне, вы не найдёте ни одного недостатка».

Да-да, именно такой она и была! И…всё вернётся, не правда ли? А то, что действие романа разворачивается в Париже, так это не более чем антураж. Какая разница, в каком городе случается любовь, главное, что она вообще происходит. И как же узнаваема эта атмосфера молодости с её нетерпимостью, пылкостью чувств, бесконечными разговорами обо всём на свете, как хочется снова в неё погрузиться! И роман Натальи предоставляет читателю такую возможность.

Наталья НОВОХАТНЯЯ, *поэт, прозаик, член Ассоциации русских писателей РМ*

ПЕРЕВОДЫ

АНДРЕЙ БУРАК: «В КНИГАХ МЫ ЧЕРПАЕМ МУДРОСТЬ…»

Поэт, прозаик, драматург, публицист, член Союза писателей Молдовы и Румынии, основатель и президент молдавского Пен-клуба.

По образованию хирург. Работал врачом «Скорой помощи», окончил Высшие литературные курсы Литературного института им. А.М. Горького, где его руководителем был Виктор Розов. Восемь лет прожил в Москве. С 1975 года – свободный писатель. Лауреат премии ЮНЕСКО в драматургии «За пропаганду идей добра и культуры в мире», правительством Молдовы награждён медалью Михая Эминеску.

Семь пьес Андрея Бурака на протяжении последних двадцати лет регулярно переводятся на разные языки мира. Три из них – «Моарте дупэ прынс», «Буфница», «Примэвара ын дой» – были поставлены на Молдавском государственном телевидении Ариадной Рудягиной, режиссёром высшей категории, Заслуженным деятелем искусств РМ.

Андрей Бурак неизменно доброжелателен, несовременно интеллигентен, истинно благороден. Людей не делит ни по национальному признаку, ни по имущественному или карьерному цензу, не пресмыкается перед власть предержащими. Обладает собственным «эксклюзивным», часто парадоксальным, мнением.

Предлагаем вниманию читателей «Русского поля» размышления писателя.

Об истоках и опасностях

Я никогда не мог объяснить даже себе самому, почему я начал писать. Однозначно, я не ожидал какой-либо материальной выгоды от этого или какого-то бо**л**ьшего уважения. Я не ставил перед собой задачи превознести своё имя, обеспечив ему неприкосновенность. Я не стремился снискать дополнительное уважение со стороны людей, которые меня знали или знают. Мне не нужна была известность среди сильных мира сего, среди тех, кто нами правит, и кто бы мог мне предоставить просто так, как и многим другим, бог весть какие награды или звания.

Скорее всего, я начал писать, повинуясь потребности облегчить душу. Вначале – по вечерам, каким бы тяжёлым ни был мой рабочий день, проведённый среди больных, страдающих людей, а иногда даже среди умирающих. Я чувствовал острую необходимость читать новые и старые книги в поисках ответов, фиксировать кое-что из груза, отягощающего душу до дикой усталости, до изнеможения. Может быть, я стал писать ради дальнейшего развития памяти, стараясь не забыть ничего из случившегося со мной или с близкими мне людьми. Раз я выжил не только для того, чтобы жить, у меня есть ещё одна святая обязанность – *свидетельствовать*.

Кто знает? Может быть, я проникся таинственностью творчества, известной издревле истиной о том, что творчество – самое заманчивое занятие для человека. Почему бы и мне не пройти хоть немножко по тропе писателя, в те времена густо поросшей терниями?

Ещё в детстве я слышал от родителей и учителей (некоторые из них получили образование ещё до Великой Отечественной войны) о том, что чтение делает человека полноценным, речь – собранным, а письмо – точной.

В те годы этот загадочный инстинкт время от времени нашёптывал мне, что, кроме вдохновения и таинственности творчества, существуют ещё и последствия, о которых стоит задуматься. Это было волнение, иногда мучительное, вызванное опасностями, которым нас подвергала цензура тех времён. Потому что рядом с личностями, сердца которых полны света, радости, оттого что они родились и живут на этом мире, существовали и люди с пустыми душами.

Ещё тогда я понял, что стремлюсь встречаться с людьми большой культуры, с «избранными». С людьми, которые чувствуют и проживают наслаждение словом и молитву сердца. Со своего рода гражданами мира.

О свободе и одиночестве.

Писателем может быть только человек, постигший таинство слова; человек, который с помощью языка своего внутреннего мира *говорит* что-то своё *этому* миру. Великие классики национальной и всемирной литературы не игнорировали литературу своей эпохи, современности.

У каждого писателя есть своя секретная область самовыражения. В то же время писатель является и «опасным соперником любви и религии».

Писатель должен обладать духовной свободой и способностью стойко переносить гнёт одиночества. Как человек он обязан быть свободомыслящим. Писатель – гражданин мира, а не только страны, в которой он родился и культуры, в которой он был воспитан. Но наступает миг возвращения каждого из нас к собственным истокам…

Увязнув в глубокой моральной трясине, писатели во многих случаях отказываются от морали в пользу психологии. Причина, по которой мы пишем, основана, среди прочего, на внутреннем бунте. Настоящий писатель (не просто болтун и не выскочка с несколькими стихотворениями или статьями, опубликованными в журнале, хвастающийся брошюрками, а не серьёзными произведениями) всегда стоит перед выбором: струсить или осмелиться сказать правду, проявить жертвенность или остаться эгоистом. Если писатель склонен затрагивать в своих произведениях духовные проблемы современного общества, он должен знать смолоду о том, что эти проблемы во все времена интересовали очень небольшое количество людей. Вот почему лучше всего – малая, доверяющая тебе читательская публика.

…Существует и другая сторона жизни человека искусства и, в частности, писателя. Одиночество, столь необходимое ему, со временем отдаляет его как от

маленьких жизненных радостей посторонних, так и от радостей и забот близких ему людей.

И всё же кто-то сказал, что есть вещи, о которых никогда не пишут…

Вот некоторые из мнений о писателе, вне зависимости от его места жительства. Они были приняты и высказаны не только мной, но и другими людьми, освоившими это особое ремесло…

Самое главное, что нужно завещать людям, – любовь и уважение к книге. Искусство. В частности – музыку. И, конечно, литературу. Во все времена искусство исцеляло раненого и обессилевшего путника. Наследием можно назвать и воспоминания наших родителей, дедов и прадедов – о борьбе, боли, смерти.

О разножанровости.

Я читал произведения английского писателя Роберта Льюиса Стивенсона, который сказал, что *настоящим* литератором может считаться лишь тот человек, который пишет стихотворения, эссе, рассказы и пьесы, и... решил последовать его примеру. Сегодня, с высоты своих лет, я понимаю, что это не было ошибкой. Лишь пробуя себя в драматургии (театральные постановки, пьесы для радио, сценарии для кинофильмов), я смог стать ближе к людям, желающим познать другой мир, помимо того, который их окружает.

Что касается драматургии, я поддался искушению писать прямую речь, точную и ясную, диалоги. В наше время люди рвано выражают свои мысли, нервничая, говоря наобум, делая много пауз. За молчанием следует ворох, бог знает каких истин, как будто каждый из говорящих боится остаться непонятым.

В наш век, в силу известных причин, люди читают всё меньше книг. У драматурга, в отличие от поэта и прозаика, ещё осталась возможность «искать своего редкого читателя» и «следить за ним», будь он в зале театра, перед экраном телевизора или в Интернете.

О поэзии.

Для меня, как и для многих других авторов, поэзия – это переживание, отошедшее в тишину. Кроме того, каждый поэт наделён внутренней гармонией, которая зависит от его основных откликов на события в мире и на окружающую его действительность – радость, грусть, удовлетворение, удовольствие, ожидание, страх, отвращение и многие другие.

Большие поэты тем и нравятся своим читателям, что они все разные. Но, в конечном счёте, правы и поэт, и читатель. Как говорится, каждый из них по-своему прав. В моих стихотворениях тоже, может быть, заключена моя правда. Я пишу общечеловеческие стихи, потому что люди во всех уголках мира наделены одинаковыми страданиями и ожиданиями.

Чаще всего стихотворение исходит из молитв души поэта. Однако оно может возникнуть из шелеста ночи, молчания земли, непроницаемости темноты.

Иногда стихи рождаются из пережитого, из нахлынувших воспоминаний. Из вызванного божественным гневом ливня, не обласканного сиянием радуги; из ночей, полных сожаления. Выдержат ли эти строчки, эти стихи не только встречу с предполагаемым читателем, но и испытание временем?..

О библиотеке.

В детстве я познал удовольствие, получаемое от чтения, и открыл для себя самую красивую страницу этого мира – библиотеку. В процессе чтения я понял, что человек должен быть иногда ведом небесными светилами, но в то же время обязан постоянно самосовершенствоваться.

Я искал в произведениях многих авторов истины, прочувствованные с помощью слов; осмелюсь заметить, что так формировался мой собственный стиль мышления и письма. Именно в библиотеке каждый человек, вне зависимости от возраста или профессии, может почерпнуть необходимое количество знаний, которые он будет использовать в течение всей дальнейшей жизни. Посредством книг человек может познать *мудрость*, которая из века в век спасала человечество. Не могу себе представить, что бы стало с людьми без этого духовного наследия.

К сожалению, не только время, но и люди стали причиной исчезновения многих книг. Потому что каждый человек, вне зависимости от своего воспитания и культуры, ведёт войну не только в своём сердце, но и с окружающими его людьми, со всеми поступками, хорошими или плохими, совершаемыми с целью увековечивания своего имени в истории.

Мы всё это можем наблюдать и сегодня на ТВ, как сказал кто-то из мудрых: «*Не проходит ни одного мгновения, не связанного со зрелищами смерти и отчаяния. Ни одно утро не обходится без агонии, ни один вечер – без тюрьмы, ни один полдень – без ужасающего кровопролития*».

В повседневной жизни мы с вами можем встретить людей, раздираемых изнутри жадностью, завистью, ложью, тщеславием. Всё это отнимает у них радость жизни, сон, покой.

О любви.

Поговорим и об опьяняющем эликсире, имя которому – любовь.

Человеческая жизнь, прожитая в лоне любви, полна не только сюрпризов, но и загадок. Это состояние ни с чем не спутаешь. Горести, неизбежно случающиеся с каждым из нас, кажутся любящему человеку странными случайностями, а радости запоминаются на всю жизнь.

Нет такого человека, который бы не помнил о том, как кипели страсти во время первой любви, потому что для каждого человека любовь – это самая сильная энергия, которую он способен прочувствовать. Твоя истинная любовь постоянно обновляется, а женщина, которая любит и любима, излучает невообразимую силу и гармонию.

Меня занимает ещё одна тема, которая касается любви – вечная личная драма женщины, а именно – разочарование.

Сладость любви может постепенно превратиться в горечь. За любовь, сочетаемую с плотским удовольствием, часто приходится расплачиваться мучительной болью. Как говорится, беда не приходит одна – существует и борьба полов, о которой не очень пишут и почти не говорят. Однако, как бы ни была она неудобна для разговора, она всё же присутствует в нашей жизни, но это уже совсем другая тема.

Бывает так, что «вечная любовь» длится всего лишь несколько лет. Некоторые люди любят только то, что им понятно. Малое количество любви похоже на малое количество вина. Избыток и того, и другого вреден для человека.

Самая большая жизненная трагедия заключается не в том, что люди умирают, а в том, что в наше время они перестают любить друг друга. Люди уже, кажется, разучились любить.

Что означает женщина для мужчины... Её причуды, её постель с волшебным ароматом... Очаровательная женщина, у которой есть клыки молодой волчицы...

Как может не быть любимая женщина идеалом творчества для писателя?!

Я читал в книгах, но познал и на собственном опыте: «*Существует честь любви. Если ты однажды потерял свою любовь, она для тебя более ничего не значит*».

О медицине.

День за днём работая в области медицины (а врач – профессия, которой ты должен отдаваться целиком и полностью), кроме осознания того, что человеческое тело – это настоящее чудо, помимо творческого волнения, я обогатил свой внутренний мир, спрятанный глубоко в душе каждого из нас, познаниями о человеческой жизни. Например, я понял, что с начала мироздания каждый человек, где бы он ни находился и чем бы ни занимался, проживает на земле спектакль жизни и смерти. Я узнал многое и о человеке, странном животном, которое эволюционировало в человека (*homo sapiens)*, в «социальное существо, способное мыслить и говорить с артикуляцией, создавать инструменты и с их помощью изменять окружающий мир». Я открыл для себя истину о том, что любая красота увядает и любая плоть подвержена гниению. Или другую истину о том, что ад существует рядом с нами, а если быть точнее, – он внутри каждого из нас.

Пока мы живём, сколько нам отмерено, жизнь похожа на гирлянду из дней и звёздных ночей, которые чередуются между собой.

Я ознакомился не только с произведениями, но и с биографией таких писателей, как Чехов, Вересаев, Каверин, Аксёнов, – если говорить о русской литературе, – имевших медицинское образование и работавших в качестве врачей. Именно их судьбы побудили меня избрать иной путь.

О молодёжи.

У каждого поколения есть свои заботы, свой образ мыслей, свои преимущества и свои безумства. Мне бы очень хотелось узнать, чем живёт новое, нынешнее.

Будь проклята пропасть, разделяющая поколения! Известный испанский писатель Хуан Рамон Хименес как-то сказал, что очень важно знать, что думает молодёжь про предыдущее поколение, потому что молодые люди представляют начало завтрашнего дня для людей в возрасте. Во-первых, надо принять тот факт, что мощь молодёжи исходит, в том числе, из её незнания. Однако мы не можем упускать из виду и то, что юность – это неиссякаемый источник вдохновения. Сегодняшняя молодёжь отличается от тех ребят, какими мы были в наши молодые годы. Их стремлению к новому, к перемене, к цивилизации никто не сможет воспрепятствовать – ни родители, ни учителя, ни даже сильные политики мира сего. Никто не в состоянии помешать им делать то, что они хотят.

К чему же стоит стремиться молодым людям, как состояться в этой жизни? Молодой человек должен искать на своём пути людей, обладающих энергией общения, должен идти по жизни гордо и с достоинством, избегая личностей, отравленных пороками предыдущих поколений. Нужно держать в узде свои неразумные желания. Только так возможно стать человеком со вкусом к жизни, полным новых идей. Ни в коем случае нельзя отказываться от тайного желания иметь корни и сохранить их. Даже сейчас, когда – в непростые почти для всех времена – люди уезжают на все четыре стороны ради учёбы, или ради того, чтобы заработать на жизнь. Однако не стоит забывать о том, что человек издревле является путешественником, он постоянно переезжал с места на место, как и сейчас – ради того, чтоб познать, прочувствовать, подышать воздухом других народов. К сожалению, в наши дни существует много людей, ослеплённых жаждой наживы. Я бы посоветовал им помнить о том, насколько важно не тратить понапрасну время. Не ходить зря по земле, потому что, если человеку была дана возможность родиться, он должен реализовать себя, быть жизнеспособным. Нельзя растрачивать впустую энергию, бурлящую в его душе.

Желаю молодым людям общения с интеллигентными и мудрыми людьми, чувства волшебства встречи с ними.

Желаю слышать эту музыку, пришедшую издалека. Может быть, слетевшую с небесного крова... Эта мелодия переносит нас в места, недоступные для нашего интеллекта.

Перевод с румынского языка
Дианы ЖАЛБЭ

СВЕТ ПРАВОСЛАВИЯ

ОЛЕСЯ НИКОЛАЕВА

ВОСХОЖДЕНИЕ

В 2002 году мой муж – протоиерей Владимир Вигилянский – пережил серьёзную операцию, которая длилась около пяти часов и не гарантировала выздоровления. Весь год он чувствовал последствия перенесённой болезни, операции, которая прошла под тяжёлым наркозом, и неотступно просил Бога об исцелении. Мы молились с ним у многих чудотворных икон и мощей, объезжали русские и греческие монастыри и святые места, и, конечно, особенно важным для страждущего человека представлялось паломничество на Афон. А тут как раз трое прихожан отца Владимира выразили своё горячее желание отправиться туда вместе с ним.

Он написал письмо Патриарху с просьбой о благословении на поездку вместе с тремя прихожанами и вскоре получил таковое. Пока с волнением готовился к паломничеству, прочитал множество книг об Афоне, о его истории и подвижниках и был под большим впечатлением. Особенно его поразил рассказ епископа

Петра Ладыгина (середина XIX века), который в юности подвизался в Андреевском скиту. Игумен благословил его молиться по чёткам и сказал:

– Когда будешь молиться, смотри не пугайся, враг тебя будет пугать, а ты никуда не уходи с места, стой и молись, он ничего тебе не сделает.

Ночью в келье, когда паломники (их тогда называли поклонниками) улеглись спать, Потапий (мирское имя будущего епископа Петра) стал молиться по чёткам.

«И вдруг в дверь страшный удар, – пишет он. – Но стою и молюсь. Потом второй удар, по углу как ударит, так думал, что весь корпус развалится, но я стоял и молился. Потом из-под нар, где спали поклонники, выбрасывается сундучок прямо к моим ногам. Все поклонники соскочили, перепугались, я стоял на месте и не сходил с места».

На следующее утро он подходит к игумену брать благословение, а тот спрашивает:

– Как, брат Потапий, молился по чёткам?

– Молился.

– Ну как, не пугали тебя?

– Пугали.

…Что же это за место такое, где Господь попускает врагу рода человеческого являть себя так явно? – думал мой муж перед отъездом на Афон.

Наконец, все формальности были улажены, виза и разрешение получены, билеты куплены, паломники прибыли в Уранополис, где и сели на корабль, который повёз их к благословенному острову.

На корабле плыл молодой иеродиакон, с которым отец Владимир разговорился. Тот рассказал, что за год до этого покинул Свято-Пантелеимонов монастырь и уехал на Украину, чтобы ухаживать за больной матерью. И вот теперь опасается, примут ли его обратно.

– А вы что – впервые едете на Афон? – спросил он. Иеродиакон был в радостном ожидании, приправленном тревожным возбуждением.

– Впервые, – кивнул отец Владимир.

– Послужите, конечно! – иеродиакон доброжелательно кивнул. – Надо обязательно послужить в Церкви Преображения Господня на самой вершине горы Афон. Когда настанет конец света, и воды затопят весь остров, лишь эта Церковь будет возвышаться над волнами, и в ней, как говорят старцы, будет совершена последняя Божественная литургия перед Страшным судом!

Простодушное лицо иеродиакона светилось блаженством, словно он уже сам сослужил отцу Владимиру в этой церкви на вершине горы Афон, и тот сердечно поблагодарил участливого иеродиакона за совет, решив, что тут так принято: приехал – послужи в Храме Преображения Господня.

Прибыв в Свято-Пантелеимонов монастырь, он хотел было сразу пойти к наместнику, но тот был в отъезде. Его заменял благочинный и духовник монастыря игумен Марк. На исповеди отец Владимир спросил, как его и научил иеродиакон, можно ли ему послужить в храме Преображения, на что отец игумен ему ответил:

– Завтра ко мне подойди, я тебе отвечу.

Отец Владимир несколько смутился: ему казалось, что вопрос его очень простой, тот сразу скажет своё «да» или своё «нет».

За трапезой он познакомился со священниками, приехавшими из России, и

рассказал им и о своём желании и о своём недоумении ответом игумена, но они лишь улыбнулись его наивности:

– Да ты что, там служат лишь раз в году – на Преображение, а в другие дни – лишь архиереи, да и то не всем разрешают.

Предчувствуя отказ, отец Владимир, тем не менее, подошёл после трапезы к игумену и напомнил ему о разговоре, произошедшем накануне.

– Так там ничего нет – ни антиминса, ни облачений, ни сосудов, – ответил тот. – А один ты туда ведь этот скарб не донесёшь.

– Я с тремя паломниками, получившими благословение Патриарха. И к нам хотят присоединиться ещё два священника из России, тоже со своими духовными чадами. Один – настоятель Свияжского монастыря игумен Кирилл (Коровин), другой – священник из Подмосковья отец Владимир Воробьёв, однофамилец ректора Свято-Тихоновского православного института, бывший офицер.

– Обратись к нашему ризничему – он тебе всё даст, – кивнул отец благочинный.

Целый день отец Владимир стучал в келью ризничего, но тот появился лишь вечером. Выслушав благословение игумена, он едва скрыл недовольство, поскольку собирать надо было многое – вплоть до Евангелия и газовой плитки с баллоном для того, чтобы вскипятить воду для замывания Чаши и приготовления теплоты. Тем не менее, к утру всё было готово, и паломники двинулись в путь.

– Там, немного выше скита Агиа Анны, есть поляна; это первая остановка паломников, где можно передохнуть. Там же спустившиеся с высот паломники оставляют свои посохи, на которые они опирались, взбираясь вверх. Поэтому посохи брать из Пантелеимонова монастыря не обязательно, их можно подобрать там, на поляне.

Доплыли на кораблике до Дафни – самого большого порта Афона. Там всех попросили выйти на берег, чтобы служба безопасности могла проверить, всё ли в порядке на борту. Поскольку надо было купить вино для богослужения, зашли в магазин. Там среди прочих товаров отец Владимир увидел резные трости, которые ему понравились, и он решил купить одну – для подарка или себе в коллекцию: была у него трость с Синая, была с Фавора, вот теперь будет с горы Афон. В ручки этих тростей был зачем-то вделан свисток, и это удивило его. Спутники, увидев, что он купил такой посох, тоже решили не отставать и взяли себе по одному. Тоже со свистками. И как это потом им пригодилось!

Снова сели на кораблик и поплыли на юг – до Агиа Анны, однако, до самого скита надо было добираться по каменным, вытесанным и выложенным монахами ступеням, числом тысяча, метров триста пятьдесят. По дороге нагнали старенького монаха, лет семидесяти пяти, а то и восьмидесяти, который поднимался в гору, подгоняя осла, гружённого мешками, и были пристыжены тем, что смотрелся он очень бодрым и даже весёлым, в то время как они едва переводили дух.

Когда, выбившись из сил, они туда добрались, спросили у встретившегося на пути монаха:

– Сколько ещё до Храма Преображения Господня?

– Более двух тысяч метров, – ответил он.

Добрались, наконец, до обещанной поляны, где бил источник и где можно было немного посидеть и перевести дыхание. Однако никаких оставленных

предыдущими паломниками посохов там не оказалось. А трости, купленные в Дафни, пришлись как нельзя кстати, потому что дальше ступени кончились, пришлось подниматься гуськом по извилистой крутой тропе, а под палящим солнцем это становилось всё мучительнее: пот лил градом, подрясники и рубашки липли к телам, а яркий свет слепил глаза. Известна история, как по этой тропе одного архидиакона из Оптиной Пустыни, который выбился из сил и не мог уже идти сам, обмотали канатом и тащили, что было мочи…

– Ой, отец Владимир, змея! Вы наступили на змею! – мой муж услышал вдруг крик тех, кто шёл за ним. И, действительно, из-под ноги его, как чёрный шланг, выскользнула змея, которую он поначалу и не заметил от жары и усталости, и ускользнула в кусты.

– «На аспида и василиска наступиши…», – процитировал кто-то вслух.

К вечеру, часам к пяти-шести поднялись, наконец, на полуторатысячеметровую высоту, после которой путь становился плоским – это был последний перед подъёмом на гору Афон скит Панагиа, где была возможность отдохнуть перед завершающим рывком вверх и вверх. Примерно через час подошли к скиту.

Там можно было послужить вечерню, отдохнуть, перекусить, поспать, чтобы ни свет ни заря отправиться на восхождение к заветной цели. В скиту было две большие комнаты, в одной из которых уже расположились немцы-туристы, а другую заняли отцы со своими спутниками. Внутри располагался и храм, где дружно помолились, и каждый стал укладываться на каменный пол, подстелив под себя одеяла, лежавшие тут же. Стало темнеть. Ворочаясь на жёсткой подстилке, кое-кто ухитрялся заснуть, а кто – даже и захрапел. Отец Владимир никак не мог устроиться поудобнее, да и храп этот ему мешал, так что сон всё не приходил, несмотря на усталость.

Вдруг в дверь постучали. Он удивился – неужели кто-то запер дверь, да и принято ли здесь её запирать? Он встал, дверь была не заперта, и он распахнул её. Но там никого не было. Он вышел на воздух. Вокруг стояла полнейшая тишина. Полная, налитая светом луна, освещала пространство – да так, что деревья и кусты отбрасывали чёрные тени. Убедившись, что вокруг ни души, он вернулся обратно, лёг на свою подстилку и попробовал заснуть. Только задремал, как стук повторился. Но на этот раз он был куда сильнее и настойчивее, словно кто-то бил в дверь тяжёлыми кулаками.

Многие проснулись, зашевелились. Пошли проверять, кто там пришёл. Но за дверью, как и в первый раз, не обнаружили никого.

Пошутили, легли. Вдруг раздался не просто стук, а страшный удар, будто кто-то решил протаранить стены и бил в них бревном, дом аж задрожал. Тут уже проснулся и тот, кто громче всех храпел, да и немцы испуганные повылезли из своей комнаты, спрашивая, что же происходит, что это может быть.

Поскольку другого объяснения этим буйным незримым визитёрам не было, немцам объяснили, что это бесы: лукавый всё не уймётся, не хочет дать отдохнуть священникам и богомольцам перед богослужением.

Решили пойти крестным ходом вокруг скита. Двинулись посолонь, со свечами, с пением молитв и псалмов и крепким упованием на Господа, которому дана власть над всей силой вражьей. Спели «Верую», «Отче наш», «Да воскреснет Бог»…

Во всей округе не было ни души, лишь луна освещала их своим перламутровым сиянием.

Вернулись. Полчаса было всё тихо. Немцы удалились на свою половину. Только смежили веки, как опять началось: казалось, кто-то хочет вовсе снести этот дом, стереть его с лица земли вместе с паломниками и туристами. Никто уже и не помышлял о сне.

Решили, раз заснуть всё равно уже не удастся, надо принять это как знак и идти в гору, в храм – готовиться к божественной литургии. Понадеялись на лунный свет.

– Там светло, найдём.

Кто-то сказал:

– Без фонариков и свечей трудно будет – там идти надо по голым камням и путь отмечен красными метками.

Фонарик оказался лишь у одного из паломников, его и пустили вперёд. Пока дошли до горы и только-только начали подниматься, как небо заволокло, луна скрылась, как будто её и не было, упала кромешная тьма, а на гору опустился туман. Все десять человек, вытянувшись цепочкой и стараясь не отставать, двинулись вслед за тусклым фонариком, луч которого то и дело вовсе пропадал, не в силах одолеть клубящееся марево, в котором уже ничего не было видно. Кто-то отстал, кто-то шагнул в сторону, все перекрикивались, аукались и тут вспомнили про свистульки в своих спасительных посохах. Стали пересвистываться, шли на свист. И когда уже увидели огромный Крест, стоявший в ста метрах от Храма, и на нём в последний раз задержался отсвет луны, вдруг пошёл проливной дождь. Он мгновенно вымочил всех до нитки, кроме того – пролившись, сделал куски мрамора, которыми была усеяна тропа, настолько скользкими, что по ним уже невозможно было идти без риска упасть и покалечиться. Меленькими осторожными шагами, мокрые настолько, что можно было выжимать и одежду, и волосы, паломники, наконец, добрались до храма, где спал одинокий англичанин.

Переодевшись в сухие облачения, стали готовиться к службе. Раскочегарили газовую горелку, достали вино для причастия, сами пели, сами читали. Священники исповедали и причастили всех и вспомнили Святых Отцов, которые говорили: «Диавол не знает будущего. Он может помешать человеку сделать благое дело, но он не ведает, к каким последствиям это приведёт».

– Если бы мы утром проснулись и увидели этот проливной дождь, может быть, мы не решились бы подниматься на гору, – продолжил один из священников. – Но лукавый вынудил нас, не дав поспать, выйти среди ночи, среди кромешной тьмы, думая, что тем самым досадит нам, а, быть может, и причинит страдание, кто-то получит травму, сломает себе что-нибудь на скользких острых камнях… Но тем самым он, напротив, ускорил наш путь, большую часть которого нам удалось пройти ещё до того, как начался этот проливной дождь.

Паломники спустились на пристань и отравились к святыням Афона: были и в Хиландаре, и в Ватопедском монастыре и ещё много где, молились перед чудотворными иконами, прикладывались к святыням. И отец Владимир вернулся оттуда с таким чувством, словно он побывал в Царстве Небесном, и с таким лицом, словно на нём так и остался этот отблеск.

Но вот удивительно: многие, кто когда-то приезжал на Святой остров, через какое-то время начинали по нему тосковать и стремиться вновь оказаться там. А отец Владимир сказал, что больше никогда туда не поедет.

– Но почему? Ведь с тобой там происходили такие чудесные истории? – спросила я.

– У меня там возникло такое чувство Присутствия Божиего, что оно не оставляет меня до сих пор. И мне не хотелось бы, чтобы на то, что я увидел тогда на Афоне и что так живо во мне и поныне, накладывались другие впечатления.

…Такое бывает, когда душа – полна и уже не ищет избытка.

СТРАЖ ПРИ ИКОНЕ

Совсем недавно мы с моим мужем, отцом Владимиром, побывали на конференции в Казани. Конференция была приурочена к празднованию иконы Божией Матери «Казанская» и завершалась на высокой ноте: патриаршими богослужениями, Крестным ходом и закладкой камня в основание разрушенного большевиками Казанского собора на месте обретения чудотворной иконы в Казанском Богородицком монастыре.

Мы прочитали свои доклады и слушали выступления других участников конференции, некоторые из них были посвящены чудотворной иконе «Казанская», истории её так называемого Ватиканского списка, который недавно был возвращён в Казань.

После Октябрьского переворота икона эта была в числе других церковных ценностей продана большевиками в 1920 году.

Специалисты полагают, что это старинный список с первообраза древней иконы «Казанская», и атрибутируют его – кто началом восемнадцатого века, кто веком семнадцатым, а кто и вовсе утверждает, что её происхождение принадлежит шестнадцатому веку. Впрочем, один из исследователей доказывает, что, судя по составу краски, она не могла быть написана позже 1450 года.

Как бы то ни было, но драгоценнейший оклад этой иконы, покрытый позолотой и украшенный шестьюстами шестьюдесятью алмазами, ста пятьюдесятью восемью рубинами, тридцатью двумя изумрудами, шестью сапфирами и ста пятьюдесятью жемчужинами, которые являются овеществлённой благодарностью богомольцев, свидетельствует о том, что икона воистину совершала чудотворения.

Итак, икона была продана за границу, а именно – частному коллекционеру из Великобритании, затем её приобрёл английский миллионер, завещавший своё состояние приёмной дочери, а та перевезла икону в Гонконг. В 1959 году она решила её продать, для чего и переправила в США, где икона была исследована и оценена в полмиллиона долларов. Архиепископ Иоанн Шаховской сделал попытку выкупить её, но ему не удалось собрать среди православных людей этой колоссальной по тем временам суммы.

Икона хранилась в сейфе банка Сан-Франциско, однако, представитель её владелицы Джон Хеннеси дал согласие провезти её по Америке и Канаде, где

десятки тысяч верующих смогли перед ней помолиться и приложиться к святыне. Икону возили под охраной, кроме того, она была заперта в переносном сейфе в виде кейса, который Хеннеси пристёгивал к своему запястью наручниками. В 1970 году икона была куплена Апостолатом Святой Фатимы за миллионы долларов и перевезена в Португалию, где хранилась в сейфе Лиссабонского банка. Впрочем, время от времени её выставляли для поклонения в Церкви Фатимы и в Византийской часовне, где через неё верующие продолжали получать помощь и исцеления. За это время её риза украсилась ещё несколькими сотнями драгоценных камней и тысячью жемчужинами.

В 1993 году икона была перевезена в Ватикан и скрылась в личных покоях папы Иоанна Павла Второго, который перед ней, как он утверждал, ежедневно молился. Но в августе 2004 года, когда у католиков появилась надежда на сближение с Русской Православной церковью, папа передал эту икону в дар Московскому Патриархату. Она была привезена в Москву делегацией Ватикана во главе с кардиналом Вальтером Каспером и передана лично в руки Московскому Патриарху и Всея Руси Алексию Второму. А он решил вернуть её туда, откуда она была некогда изъята – в Казань.

…Собственно, мой рассказ можно было начинать отсюда, потому что перевозить икону из Москвы в Казань поручили моему мужу, отцу Владимиру, о чём он мне там, на конференции, и напомнил. Я покопалась в смутной памяти: да, действительно, он когда-то рассказывал мне об этой поездке. Я попросила его повторить свою историю, тем более в свете услышанного мной, она выглядела куда более экстравагантной. К тому же на конференции выступал отец иезуит из Рима, который показал фильм о том, как католики передают икону нашему Патриарху, и её там можно увидеть во всех её достоинствах и украшениях.

Итак, в один прекрасный день 2004 года владыка вызвал к себе ничего не подозревающего отца Владимира и вручил ему огромную зелёную глянцевую коробку с патриаршим гербом, какие выпускают в Софрино, со словами:

– Мы с тобой поедем в Казань, а ты повезёшь эту икону и теперь полностью за неё отвечаешь. Не отходи от неё ни на шаг, не выпускай из рук, пусть она ежеминутно будет при тебе.

Отец Владимир, что называется, и ухом не повёл: он часто тогда ездил по епархиям и с патриархом, и с митрополитами, которые брали с собой иконы в качестве подарков тамошним архиереям или наместникам. Софринская коробка лишь подтверждала эту обычную практику.

– Хорошо, владыка, – кивнул в знак согласия отец Владимир.

– Ты запомнил? Глаз с неё не своди!

– А если мне отлучиться надо будет – в ванную, например? – отец Владимир попробовал пошутить.

– Иди с ней! Всюду носи с собой! – строго заключил владыка.

Отец Владимир поднял коробку с иконой – она была довольно тяжёлая, нести надо было её двумя руками, но он тогда подумал: что ж, придётся выполнять благословение.

Ему и его водителю Сергею с трудом удалось поместить икону в машину – небольшой их мицубиси ланцер явно не был рассчитан на такой объёмный груз, однако, сдвинули передние сиденья, захлопнули двери и выехали из Москвы в Казань.

Через два дня в Казани появился и владыка. Первым делом он вызвал отца Владимира к себе. Тот и пришёл.

– А где икона? – набросился на него владыка.

– У меня в номере…

– Я тебе говорил, чтобы ты ни на минуту не расставался с ней? Это же, знаешь что за икона? Ватиканский список! Подарок Папы Римского!

И тут только отец Владимир понял причину таких волнений владыки: так это та самая икона!

– Вот что, сегодня вечером мы поплывём на остров, в Свияжский монастырь. Икону придётся взять с собой, – сказал владыка.

– Может, оставим её под надёжной охраной?

– Нет. Она постоянно должна быть перед моими глазами.

– Поплывём? Владыка, но это же опасно: вдруг катер наш потонет, мы-то с вами ладно, а вот как же икона…

Владыка задумался и ответил:

– Хорошо, тогда мы медленно поплывём.

Сказано – сделано. Отец Владимир с иконой и владыка сели на быстроходный катер и вскоре приплыли в Свияжский монастырь, где настоятелем тогда был тот самый игумен Кирилл (Коровин), с которым они паломничали на гору Афон. Друзья встретились, и отец Кирилл, глядя на коробку, которую неизменно держал перед собой отец Владимир, сказал:

– Слушай, а давай хоть посмотрим, что за икона такая… А то ты всё с коробкой да с коробкой.

Действительно, как обидно – всё время таскать на себе этот картонный параллелепипед, а так и не прикоснуться к чудотворной иконе внутри. И они прошли в игуменскую келью и бережно вынули из большой коробки другую – чуть поменьше. Из той – третью, а четвёртая оказалась последней, и перед ними появилась эта благословенная икона в драгоценном окладе. Они приложились к ней, взяли её в руки и с ней сфотографировались. После чего так же бережно уложили в одну коробку, потом в другую, и так, пока упаковка не приобрела первоначальный вид.

– И что? – воскликнула я, услышав эту историю во второй раз, уже после увиденного фильма и услышанных докладов, – ты хочешь сказать, что был единственным охранником драгоценной иконы, стоимостью в десятки, может быть, и сотни миллионов долларов? Что вы с водителем Сергеем на старенькой машине провезли её по российским дорогам длиною более чем в семьсот километров? Что она хранилась у тебя в гостиничном номере? Что она вот так вот запросто у тебя на руках передвигалась по Казани и окрестностям? Икона, украшенная шестьюстами шестьюдесятью тремя алмазами в восемьдесят карат, ста пятьюдесятью восемью бирманскими рубинами в тридцать пять карат из сокровищницы чуть ли не Али-Бабы, тридцатью двумя изумрудами в двести двадцать карат – из

изумрудных шахт самого царя Соломона? Икона, которую содержали в банковских сейфах, сопровождали дюжие вооружённые охранники в бронежилетах и пристёгивали в стальных кейсах наручниками к запястьям, была при тебе во время твоего завтрака со шведским столом и твоего сна за тонкой дверью, открывающейся магнитным ключом? И это когда у нас убивают из-за тысячи рублей, из-за грошовых серёжек, золотой цепочки и мобильника?

– Да, – кивнул он. – Поразительно, но это я только сейчас осознал в полной мере. А тогда думал лишь о духовной ценности этой иконы, сначала – предположительно подарочной, может быть, даже софринской, а потом – этой. Возможно, неведение меня и оградило от ужасных страхов.

Я аж покрылась испариной, испугавшись за мужа задним числом и прокрутив события на двенадцать лет назад. «Боже мой! – только и подумала я. – Как же часто мы сами не понимаем, от чего ограждает и избавляет нас Господь!».

А меж тем хор на Крестном ходе уже запел, а народ подхватил – так что небо и земля огласились молитвой: «Заступница усердная…». Так что не было никакого сомнения, что Пресвятая Богородица слышит, видит и милостиво принимает этот словесный дар…

Олеся НИКОЛАЕВА родилась в Москве. Окончила Литературный институт имени А.М. Горького, где и преподаёт с 1989 года литературное мастерство, ведёт мастер-класс поэзии. Автор около пятидесяти книг – поэзии, прозы и эссеистики. Лауреат многих литературных премий, как российских, так и зарубежных. Самые значительные – Национальная премия «Поэт», премия Бориса Пастернака, Патриаршая литературная премия, Премия Правительства РФ.

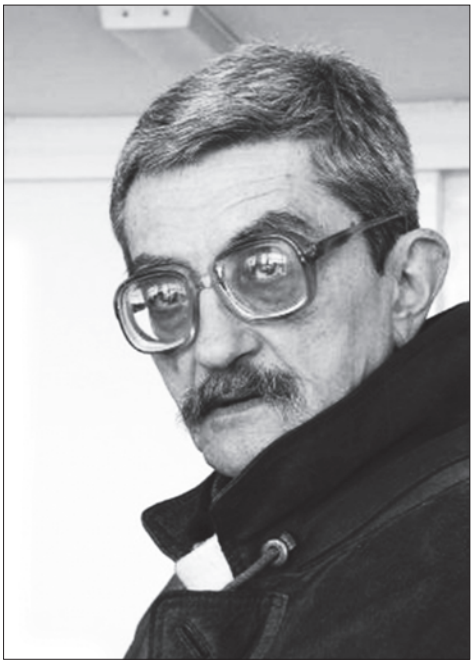
Произведения Олеси Николаевой переведены на английский, французский, немецкий, испанский, греческий, итальянский, польский, румынский, болгарский, македонский, китайский и другие языки мира.

Один в поле-воин

МАРГАРИТА АРСЕНЬЕВА

ХРОНОПОКЛОННИК
К 80-летию со дня рождения Юрия Грекова

Так называли друзья героя его книги «Слышишь? Кричит сова!». В полной мере можно отнести это и к самому Юре.



Время и пространство, пространство-время – эти философские и физические понятия занимали его всю жизнь и отразились в творчестве. Очень увлекала его гипотеза, что время складывается пластами, как нечто материальное. Конечно, для понимания этой науки нужны мозги физика и математика, но так хотелось заглянуть в космические глубины, ведь иногда озарение художника может открыть многое.

Юра долго шёл к главной своей книге – «Слышишь? Кричит сова!». А началось всё с «Голубых искр». Встретились мы с Грековым на занятиях эсперанто в главной библиотеке Кишинёва, но это было мимолётное знакомство, типа здрасьте-здрасьте, и всё. В следующий раз, через несколько лет, уже в издательстве «Картя

молдовеняскэ», в весёлой фрондёрской редакции художественной литературы. Юра принёс маленькую рукопись «Голубые искры». Мы с Леной Ватаману прочитали её влёт – страниц 15-20, и дали своё «веское заключение»: может быть (то есть существовать). Вскоре книжка вышла уже в «Лумине», ставшей специализированным издательством детской и учебной литературы. Через несколько лет мы столкнулись с ним на книге – ещё рукописи – «Ледоход в конце лета». И тут возникло непонимание, редактор ведь не всегда бывал прав. Короче, нас помирили. Со временем я поняла: чтобы не рассориться с Грековым на веки вечные, надо тут же парировать его ехидные реплики, и удачный «отлуп» тут же вызывал обоюдный хохот. Книга, конечно, вышла, за ней появилась «Почему журавли летают косяком?», потом другие, где я уже не была его редактором, но всё равно они проходили через мой стол. Однако первая ошибка не была забыта. Подарив мне очередную книгу, Юра написал на эсперанто: «Al mia severa redaktorina…», дальше не помню, но было слово «respecto» и что-то ещё. Забылся стих, забылся язык. А Юра всегда носил зелёную звездочку в петлице – символ эсперантистов.

Началось его увлечение эсперанто в студенческие годы. За этим языком ещё тянулся шлейф запрещённого, но уже пробивалась оттепель – до известного предела, – готовился Международный фестиваль молодёжи и студентов в Москве.

В Ленинграде (а мы его всегда звали Питером) кружок по изучению «языка будущего» в Библиотечном институте организовал и вёл Борис Вайль, писатель-диссидент, однокурсник Грекова. Но этим дело не ограничивалось. Вайль подружился с известным математиком, историком, тоже диссидентом Револьтом Ивановичем Пименовым. Произошли польские и венгерские события 1956 года. Прозвучал уже доклад Никиты Хрущёва на XX съезде – с ним знакомили только членов партии, а для всего народа он был ещё запрещён. Студенты обменивались копиями доклада с комментариями Пименова, переводами разных статей из зарубежных газет, которые стали свободно продаваться в киосках, издавали рукописный журнал «Ересь», и Юра тоже писал для него. Довершением всех дел молодых оппозиционеров стала несостоявшаяся дискуссия в Питере на Площади искусств. Студенты собирались обсуждать только что прошедшую в Эрмитаже выставку Пабло Пикассо. Никакой вроде бы политики, тем не менее раньше них в сквере на площади появились люди в штатском и хромовых сапогах. Всё это вольномыслие закончилось обысками, арестами, нешуточными сроками – за «создание из студентов Библиотечного института нелегальной группы для организованной борьбы с существующим строем». Дело было шумным. Греков поплатился исключением из института с волчьим билетом.

Интересно, что местом заключения Бориса Вайля стал Озерлаг в Тайшете. Юра вполне мог пойти по тому же этапу. Именно в этом лагере в Иркутской области всю войну отбывал срок его отец. Его арестовали в начале 1941-го. И за что? Несколько приятелей нередко собирались мужской компанией расписать пульку. К ним присоединялся начальник НКВД городка. Как-то Фёдор Ильич случайно столкнулся с ним на улице. “А пойдём ко мне”, – позвал приятель. И он пошёл. В Тайшетлаг. Энкавэдэшнику, видно, не хватало одного человека для полной отчётности…

Никогда Юра не бравировал ни своим диссидентством, которое аукалось ему ещё много лет, ни судьбой своего отца, как это стало популярным в наши послед-

ние годы. Он вообще мало рассказывал о себе, не выпытывал у других “подробностей”, никого не расспрашивал ни о чём. Захочет человек – сам расскажет. И, уважая этот его принцип, старались и ему не лезть в душу.

Он нашёл себя сначала в журналистике, потом естественно перешёл к писательскому труду. Бдительное государственное око оттачивало свою зоркость, всё выискивало: что там строчат эти писатели, нет ли вредного и опасного для них подтекста? И принимала эта гипертрофированность иногда комические формы.

Написал Греков маленькую весёлую повестушку: «Случай с монтёром Жуковым». Что за случай? Иван Жуков, по несчастью, не успел поменять при денежной реформе 1961 года свой лотерейный выигрыш, аж 5 тысяч рублей, – на “хрущёвские фантики”. И решил слетать на часок в прошлые дни, быстренько обменять кровные. Собрал машину времени, но в пути она сломалась. Всё смешалось в новом мире: по улицам бродили центурионы, рыцари и стрельцы, деньги были – драхмы, гривны, талеры… Жуков собрал новую машину-лестницу из раскладушек, а смазкой для неё стала… чёрная икра, которая соседствовала в лавке с хомутами, олифой, лопатами, и покупали её для смазки тележных колёс.

Что началось среди всемогущих цензоров! Историю расценили не иначе, как “покушение на основы” – была в ходу такая дежурная формулировка у сберегающих чистоту строя. “Мы вызвали вас, чтобы посоветоваться, – иезуитски разъясняли в Главлите редактору книги, – но уже сообщили в ЦК (читай: и соседнему ведомству). “Зачем тебе это надо, Юра?!” – вопрошали его в отделе пропаганды ЦК партии. Кстати, этот вопрос первым звучал, когда тормозилась подозрительная “книга-покушение”. Почему-то именно чёрная икра оказалась одним из символов прочности бытия партийной верхушки. А всего-то лет пятнадцать назад продавалась она совершенно свободно в каждом гастрономе, ешь – не хочу. Вопрос икры как диверсии обсуждался на секретариате Союза писателей – жаль, что не сохранился протокол заседания. Решением высоких мужей стало: заменить икру на… да хоть бы сливовый джем.

Что охраняли эти люди? Свои льготы? Пайки? Распределители? Но уж никак не страну, которая оказалась известной, по Ленину, стеной. Согласно легенде, жандарм вразумлял юного революционера: “Молодой человек, что вы бунтуете? Перед вами – стена”. “Стена, да гнилая. Ткни и развалится”, – якобы ответил будущий вождь. Вот и развалилась в считанные сроки, хоть и без малого столетие спустя.

Помнится, 25 декабря 1991 года были мы у Грековых на большом семейном торжестве. По телевизору выступал Михаил Горбачёв, объявил о своём отречении, но никто в угаре застолья не придал этому особого значения. И только Юра печально сказал: “Ребята, а страны-то нашей больше – нет”. Осознание трагедии пришло позднее. Испарился хмель первых лет перестройки, рушились надежды на лучшие перемены. Друзья-товарищи уходили из жизни, уезжали – кто на историческую родину, кто в дальние края, но не находили покоя и там. Что ж, нам всем опять не повезло.

Буквально стоически сопротивлялся Юра падению хорошего печатного слова. Вытягивал “Кодры”, как мог: без сотрудников, без денег, без спонсоров. Выручали старые связи в типографиях. В 90-е годы журнал был известен всему Союзу. Ему звонили из разных городов, а он всегда отзывался, снимая трубку: “Редакция

лучшего в мире журнала!”. И однажды на другом конце провода ему сказали: “А вы напрасно иронизируете, ваш журнал высоко котируется”. Но долго это продолжаться не могло. У всех иссякли финансы, и уровень письма снизился – лучших уже не было.

Начались годы выживания. К счастью, велением Горбачева власть одарила нас дачными участками за символические деньги, которые, как у Жукова, вмиг обесценились, так что с кредитом мы справились шутя, это теперь – как проехать в троллейбусе туда и обратно. Но каким подспорьем они оказались для наших семей, когда в магазинах было хоть шаром покати.

Он строил свой дом истово. Сложенный непрофессиональными строителями дом требовал серьёзной доводки. Надо было видеть Грекова среди гор ящичной тары. Он пропускал дощечки через свой маленький станок, красил каждую полоску, а потом карабкался по не очень-то надёжной лестнице на верхотуру и обшивал ими дом, как чешуёй. И это при его близорукости! Сделано аккуратно, как и всё, что делал Юра в своей жизни – от рукописей, доведённых до идеального состояния, до переплётных работ. Как-то срочно понадобился он русской редакции издательства, и не оказалось его в журнале. “Он в раю”, – ответил тогдашний ответсекретарь Виктор Чудин. – ??? – «Да на даче он!». Очень любил эти места и жил там от поздней весны до глубокой осени. Каждый день делал обход территории, ненадолго задерживался у разных домов, а если маячила чашка кофе, то и подольше – кофе его можно было заманить в любую даль. И уходил со словами: «Пошёл руководить литературным процессом». Много работал. Глядя на деяния человека на нашей несчастной планете, размышлял: не написать ли книгу «Ошибка Бога» – имея в виду «венец творения». И наверняка написал бы. Только не успел.

О коллекционировании и любви его к маркам – не буду повторяться. Знаю только, что уважал он эти маленькие бумажные квадратики и придавал им почти мистический характер: если есть марка, письмо дойдёт из любого конца в любом виде. И как доказательство – присылал домой открытки из бересты – с Байкала, обложку спичечного коробка с адресом – с Бабаевской спичечной фабрики. Естественно, с наклеенной маркой. И всё доходило, надо отдать должное работникам почты – они явно ценили добрую шутку отправителя. Марки Молдовы долгие годы выпускались при активном и дотошном участии Грекова.

Болезнь свалилась на него и всех нас нежданно-негаданно. Всегда думалось: Юра – долгожитель, как и его родители. А не получилось, увы. Загнать Грекова к врачам – надо было обладать недюжинными силами, только жена знает, чего ей это стоило, каких слёз и уговоров. Когда же всё-таки удалось уложить его в больницу с язвой, облегчение пришло, но ненадолго. “Что ж ты раньше сопротивлялся?” –

спрашивали его. “Я думал, так и надо, поболит и пройдёт”, – был ответ. Однако последняя болезнь оказалась беспощадной. Что чувствовали в бессилии его семья, его друзья, узнав о приговоре, – понятно. И сам он всё понимал. Мужественный человек, он не ныл, не стонал, не выказывал никакой агрессии, как это бывает с такими больными.

“Я готов, – сказал он мне при последней встрече. – Я прожил хорошую жизнь и теперь готов”.

Будем помнить его вечно ищущим, вечно в работе, вечно язвительно-весёлым, вечным другом. Может быть, на кругах времён и летает его душа, ехидновато поглядывает на нас и посылает его любимое прощальное: “Жизнь прекрасна!”.

Пусть послужат нам утешением строки Василия Жуковского:

“Не говори с тоской: их нет,
Но с благодарностию: были”.

От редакции вместо послесловия

Более двадцати (и каких!) лет Юрий Греков возглавлял литературный журнал «Кодры», о котором знали на всём бывшем советском пространстве.

Его приключенческими и научно-фантастическими книгами зачитывались дети и взрослые. А вышло их за его богатую творческую жизнь более двух десятков. Среди добрых и познавательных грековских томиков: «Ледоход среди лета», «Почему журавли летают косяком?», «Ключи к тысяче дверей», «Дротик Одиссея», «Кто ты, марка?». В книге «Однажды ночью» он доверительно советовал читателю: «…Раз уж придётся ходить по острию ножа, нужно научиться по нему ходить. Другими словами, нужно присмотреться к этому странному миру, не вызывая у него желания присмотреться к тебе».

Отличился писатель, целью жизни которого был поиск, и на стезе переводов. Великолепно переводил прозу с украинского, румынского, болгарского языков. Оставил в память о себе десятитомную антологию «Энциклопедия Юрия Грекова от А до Я». На русском и румынском языках увидели свет семь её томов. За литературные заслуги награждён медалью «Михай Эминеску».

Юрий Греков – кавалер Ордена Республики. Память о нём живёт в родной ему Молдове.

Маргарита АРСЕНЬЕВА родилась в городе Ленинграде (ныне Санкт-Петербург). В 1962 году окончила Кишинёвский госуниверситет.

В 1963-1991 годы работала в издательствах «Картя молдовеняскэ» и «Литература артистикэ». Член Союза писателей Молдовы.

ПОЭЗИЯ ЖИВОПИСИ

Наш земляк Стефан Садовников – художник, литератор, историк. Член Союза художников Молдовы и России, Союза кинематографистов РМ и Конфедерации СНГ, Союза театральных деятелей Молдовы. Участник более 70 коллективных и персональных художественных выставок в России, Украине, Польше, США, Израиле и Голландии. Опубликовал около десятка исследовательских статей о происхождении геральдики древней Молдовы в научных журналах нашей страны, России и Румынии.

Стефан – автор сборника стихотворений, изданного в Москве; новеллы «Город, которого нет», опубликованной в интернет-издании; автор романа-повестория, нового изобретённого им жанра, «Опрокинутые в небо глаза». Вот уже семнадцать лет живёт и работает в Москве.

СТЭФ САДОВНИКОВ

ЛЮБВИ ВРАЩАЕТСЯ ВЕРЕТЕНО…

НЕСПЯЩАЯ ДУША

трудись, душа моя, трудись,
когда меня вдруг одолеют
сомненья, лень, а Лорелея
водой окатит, не жалея,
и тихо скажет мне – Проснись

болей, душа моя, болей
как март, страдая от сугробов
с зимой сражался у порога…
болей, чтоб сгинули хворобы
у близких мне и у друзей

молись, душа моя, молись
за тех, кого уж нету с нами
и в перерывах между снами
пройдись тишайшими шагами
и каждого души коснись

налей, душа моя, налей
небес волшебного напитка
которого полно в избытке
но выдают по каплям скрытно
и лишь у датских королей

летай, душа моя, летай
пока я сплю, пока я внемлю
траве, что обнимает землю….
во сне я слышу голос древний
земли, и песни птичьих стай...

АХ, МАРЧЕЛЛО ИТАЛЬЯНЫЧ!

долой любовь!
долой две пачки за ночь
убийственно невкусных сигарет
и песню спой, марчелло итальяныч,
как любит итальянский ваш поэт!

возможно, те слова
доступнее и ближе, чем русский ритм
страдающих сердец
спой песню ей, её я не увижу.
так суждено, истрёпан мой венец

долой, долой
напрасные мученья томительнейших дней
и даже лет
прощайте же, виденья Боттичелли,
любви, весны, надежды чудный свет

долой, долой
груз ожиданий за ночь, на плечи павший мне,
как узника пальто
включу я песню – пой же, Итальяныч!
не все понятно,
но зато про то

ПОЭТА ПОСЛЕДНИЕ НОЧИ

Посвящение Борису Пастернаку

ночь, тишина неживая
маятник сердца стучит
осень свою провожая
в тающем свете свечи

и тишину не измерить
нет для неё величин
жизнь – бесконечность потери
следствий, надежд и причин

в белом уже не возникнет
та, что была без причуд,
ах, как же хочется крикнуть,
чтобы подали свечу

эта кушетка у двери
столик, скатёрка, ночник
льющийся свет на портьере
Бог весть откуда возник

и не подняться насильно
не написать и строку
и медицинский поильник
с носиком в белом боку

«Жёлтый диптих»

ХУДОЖДИК

Жил-был
необычный худождик
он краски свои разливал
и пусть
был у цвета заложник
но музыкой он рисовал.
он к каплям дождя
на мольберте
улыбки любви добавлял
хотите вы –
верьте, не верьте –
я видел, я сам там стоял.
укутывал
капли цветные
росистым туманом небес
потом шли дожди, заливные
поля улыбались и лес.
и радости
каждой букашки
цветочка и птички любой
искрились, как будто стекляшки
над вечностью
и над землёй.

«Скрипка зелёная»

ДАВАЙ ПОЕДЕМ В ПИТЕР

давай поедем в Питер,
мой друг, рванём судьбой.
дорожный старый свитер
и ноша за спиной

уснём под лязг металла,
и пусть поёт пурга,
и прячется в провалах
немытого стекла

кто встретит нас – не знаю
разделим с кем ночлег.
летит, не улетая
ветхозаветный снег

всё то, что было в прошлом
восполнится с лихвой.
крик поезда истошный,
как знак судьбы иной

как символ перемены –
исповедальный шаг –
восстанет непременно
наш внутренний Кронштадт

стрелою мчится литер
по ниточке скользя…
недостижимый Питер –
святая западня

СТАРОЕ КИНО

дождём пропитана земля забитая,
а окна тучами заволокло
вдруг как-то вспомнилось полузабытое –
пойдём в кино?
пойдём в кино!

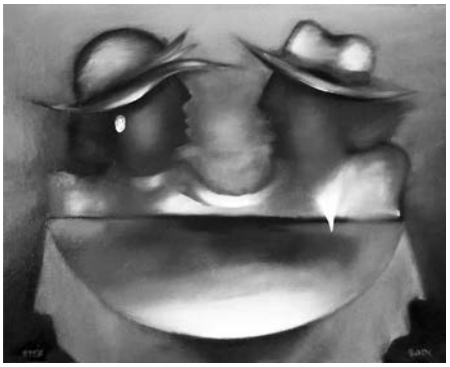
а день кончается, луна качается
и с неба звёздочки летят в окно
кричали мальчики, сзывая девочек
пойдём в кино?
пойдём в кино!

и тёмный зал молчит, дыханье затаив,
во все глаза глядит своё кино,
где все целуются не нацелуются,
любви вращается
веретено.

глаза любуются, тела волнуются
а кровь предателем – по голове
и нежным пальчикам с руками крепкими
никак не встретиться
в той темноте.

идут гурьбой домой по улице родной
друг к другу тянутся – уже темно
зачем вы девочки
зачем вы мальчики
на итальянское
пошли кино?

«Вечерний чай»



«Диалог»

ПРОЩАЛЬНАЯ

как тяжело смотреть в глаза
прощальные
в них отразятся зеркала
астральные
весь мир сужается тогда
наверное
и прессом сдавятся года
в мгновение
колечко губ твоих замрёт –

отметится
и на щеках моих взойдёт
по месяцу
меня возьмёт твоя рука
с заминкою
и переплавятся слова
со льдинками
но сжатый воздух перемен
невыпитый
тебя волнует прям с Микен
губительно
и мы стоим как два птенца
намаявшись
как у парадного крыльца
на краешке
но вот автобус в корке льда
стремительный
тебя уносит сквозь снега
решительно
как тяжело сгонять тоску
на рожице
но надо выжить одному
как сможется.

«Красная шляпка»

НЕ ИЩИТЕ МЕНЯ

и когда наконец
надоест мне московская слякоть
вавилонский напор
навсегда отолпевших людей
я услышать хочу
как снега по весне будут плакать
и увидеть хочу
где Господь сотворил тишину

я уеду туда
где наверно нельзя быть убитым
где пространство и вечность
сосуществовали всегда
знаю – времени нет
оно в жизни и смерти разлито
и для каждого в небе
дана путевая звезда

не ищите меня
я не здесь, я в далёком отъезде
не пытайтесь найти –
на земле много ям и вершин
я конечно же был
среди вас неуютный и нежный
и простите меня
вы за то, что я столько грешил…

(Пунктуация авторская)

ОТГОЛОСКИ

БЕЛЬЦКИЙ ШАГАЛ

Великая форма не имеет очертаний, Великий квадрат не имеет углов.
Лао-цзы

Друг моего детства, замечательный бельчанин Стефан Садовников, творческая личность невероятного дарования, отмечен особым достоинством подлинности, ибо выдержал сокрушительный натиск многолетнего символического соблазна и духовного насилия, и тем самым заслужил все права на особый разговор о себе и о своих картинах.

Все мы родом из Детства, но далеко не многие из нас способны сохранить и развить в себе, для себя и для других его бесценные ростки чудесной самости и подлинности, заложенной в нас той культурой и теми традициями, которыми оно нас столь щедро и бескорыстно одарило. Судьба безжалостным катком перемен прокатывается по этим божественным росткам нашей самости и подлинности, и только иногда, к старости, эта чудом уцелевшая поросль нашего истинного «я» даёт знать о себе по ночам смутными тенями и образами Несбывшегося.

Стефан Садовников, несомненно, принадлежит к той редкой (а, может, и редчайшей) породе представителей вида homo sapiens, которых Провидение наделяет и отмечает особой генетической способностью сохранять и лелеять эти божественные ростки собственной индивидуальности в течение всей жизни под суровыми шквалами и завываниями безжалостного Ветра Перемен. Более того, души таких странников обладают неизъяснимым даром воспринимать и ассимилировать судьбоносную пыльцу тех культур и традиций, в которые они были посеяны Создателем.

Местечковая культура Восточной Европы породила не одно поколение могучих мыслителей и художников мирового класса и универсального значения. Поэтому сам феномен «местечка», «местечковости» требует особых пояснений. Если кто-то полагает, что понятие «местечка» связано исключительно с географической аттестацией некоего провинциального населённого пункта малых размеров и сомнительной экономической значимости, то он заблуждается глубоко и изначально. Местечко – это понятие отнюдь не географическое, это понятие сугубо духовное и социокультурное, хотя и привязанное к определённым скоплениям домов, улиц, площадей и окраин, с неуловимыми архитектурными и ландшафтными особенностями и сильно выраженным духом чего-то Несбывшегося, но неизъяснимо манящего.

С географическими реалиями понятие «местечко» связано, как это ни покажется странным, только исторически и политически, поскольку собственно феномен местечка является порождением «зон оседлости», в которые восточноевропейские магнаты, короли и цари пытались заключить свободолюбивых беспокойных и деятельных прямых потомков создателей Ветхого и Нового заветов. Их особое мировидение, мироощущение и мировосприятие накладывало неизъ-

яснимый отпечаток на всех остальных этнических соседей, с которыми они были связаны тысячами неуловимых духовных нитей под одним и тем же небом «местечка», над которым по ночам загоралась таинственная звезда Давида.

Небольшой город Бельцы на севере Молдавии, в котором мы провели свое беспокойное и счастливое детство, носил в себе, несмотря на свой пёстрый многоэтничный состав населения, чётко узнаваемый и осознаваемый дух «местечковости»; дух, который, несомненно, является ключом к пониманию той волшебной алхимии цветов и форм, что образуют и порождают особую мистическую музыку щемящей тишины на чудесных полотнах Стефана Садовникова.

В чём же заключен шарм, чем определено достоинство и в чём несомненный универсализм этих картин, отмеченных «провинциальной местечковостью»?

В их абсолютной точности, подлинности и адекватности этой самой великой «местечковой» духовности, этой носительницы и хранительницы одной только ей присущего особого духа вселенской любви и скорби, особой философии и истории стоического противостояния безжалостной Судьбе, особой тоске по щемящему Несбывшемуся, особому чувству мимолётности и трагичности человеческого существования.

В волшебном мире картин Стефана Садовникова менее всего усматриваются какие-либо фрейдовские и «психоаналитические» мотивы, психопатологические фантазии и бредовые галлюцинации. Всё, что изображено на этих картинах, есть абсолютно точное отражение и выражение необычайно чувствительной и пластичной психомоторики автора; тех скрытых от обычного взгляда духовных сущностей и реалий, которыми пронизаны лики и образы воспринятых им творений Божьих, тех неслышимых обычным слухом шёпотов и умолчаний, которые доносятся с пустынных улиц, а также из молчаливых окон домов, в которых обитают незримые души неведомо куда подевавшихся обитателей. И поэтому особое впечатление на зрителя производят одинокие фигуры невесть откуда взявшихся прохожих, таинственных мужчин и загадочных женщин, подобно призракам, возникающих в этих урбанистических видениях; бесплотных существ, пришедших из Ниоткуда, и уходящих в Никуда. Эти почти бестелесные создания являются таинственными Странниками и Сталкерами из далёкого, но постоянно рядом присутствующего Несбывшегося, о котором до Стефана Садовникова нам пытались поведать Александр Грин и Марк Шагал, потому что Бельцы Садовникова – это Зурбаган Грина и Витебск Шагала.

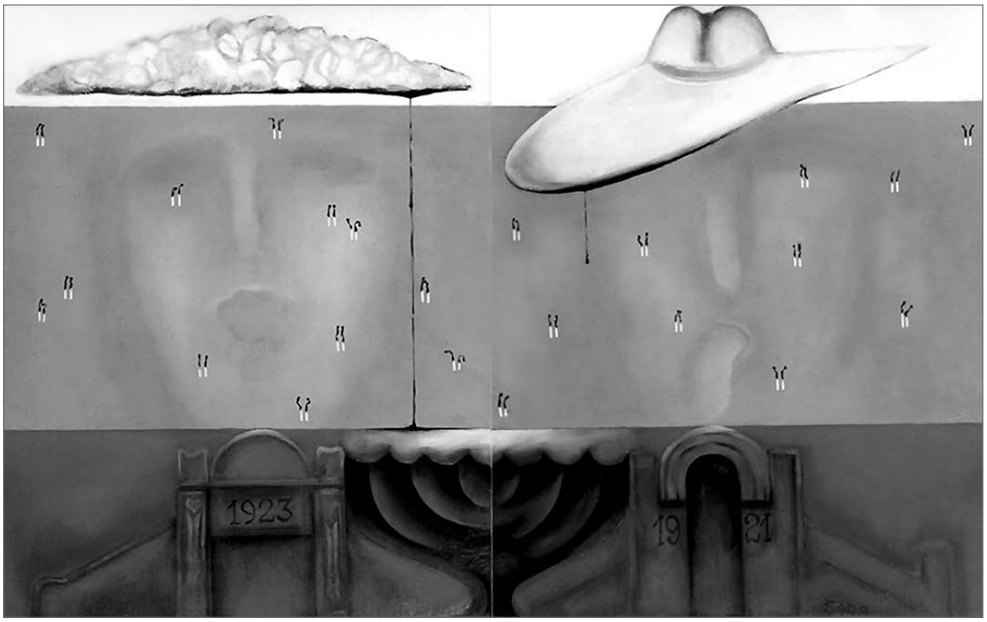
Не каждый Витебск имеет своего Шагала, Бельцам в этом смысле необыкновенно повезло. Потому что именно этот Город сподобился породить Мастера, равновеликого своей «местечковой» культуре в её великом универсальном значении. И хотя на некоторых его картинах эти дома рассыпаются в прах и уносятся в Небытие суровым и неумолимым Ветром Перемен, сами эти картины отмечены печатью Вечности.

Над покрывшимся толстым слоем бельцкой пыли бурьяном, над запущенным уголком парка возле знаменитого на весь Союз винно-коньячного завода плавилось под знойным солнцем ослепительное и густое воздушное марево.

Трое мальчишек, натянув на стриженые головы поношенные мамашины капроновые чулки, в узлы которых на их макушках были воткнуты куриные перья, чинно, важно и гордо курили «трубку мира». Они являли собой ипостаси «доблестных индейцев», героев ФениморaКупера, тогдашнего кумира «местечковой пацанвы». Впоследствии один из них стал военным и бизнесменом, другой – учёным и дипломатом и только третий остался *поэтом и художником*, чудом сохранив в своей душе ослепительное очарование и редкую одухотворённость «местечковой» Бессарабии.

Прошло много лет. И только теперь, глядя на эти потрясающие картины Города, Которого Нет, не перестаю восхищаться его чётко узнаваемыми волшебными ликами, которые так трепетно и точно изобразил мой друг – замечательный мастер, Божьей милостью художник и живописец Стефан Садовников, которого смело можно причислить к той редкой плеяде пророков, которым, как во все времена, не нашлось места в родном отечестве.

Виктор БОРШЕВИЧ,
профессор, дипломат, публицист



«Единственная и Единственный»

ЮМОР, САТИРА, НЕБЫВАЛЬЩИНА

АЛЕКСАНДР КОЖУХАРЬ

СКАЗКИ ИЗ РЕАЛЬНОЙ ЖИЗНИ

Вместо предисловия

Люди шли в театр, потому что там учили быть свободными. Они шли за правдой. Искусство давало почву для размышления. Парадоксально, но отношение тоталитарного режима к культуре было благороднее, она поддерживалась государством. А посмотрите, что происходит при нашей «демократии»: важно не патриотическое воспитание, а марши фашистов на площади, не музеи и театры, а торговые лавки и склепы в центре столицы, не памятники архитектуры, а «курятники» в парках, не искусство, а китч. Настоящий беспредел... Складывается впечатление, что всё это умышленно творят те, кто сегодня рулит страной, столицей. Посмотрите старые фотографии Кишинёва – позапрошлого, прошлого веков, советского периода. Город был изысканным, словно хрустальный башмачок. А сейчас к этому башмачку прилипла грязь.

Для меня Кишинёв – не просто город. Он – некая субстанция, где пересекаются разные культуры: молдавская, армянская, еврейская, польская, русская, болгарская... Но авторитаризм ощущается всё сильнее. Задача власти понятна: чтобы люди помалкивали. Отсюда и такое отношение к духовности, истории, памятникам старины. Меня бесит, когда сносят архитектурные шедевры, а на их месте появляются урбанистические уродцы. Это всё равно что дорисовать Моне Лизе улыбку до ушей…

Меня раздражает, когда город уродуют всякими камнями памяти, когда вместо правды нам рассказывают полуправду. А ведь в ней больше лжи, чем в самой лжи. Ложь можно опровергнуть или проигнорировать. А от полуправды не отмахнёшься, она не оставляет выбора. Проще впечатать в сознание – советская оккупация. А честнее было бы сказать – жертвы сталинского режима. В тот период по совершенно нелепым доносам соседей, приятелей и даже родственников в лагерях сгинуло много достойных людей разных национальностей. А почему у нас нет камней памяти жертвам румынской оккупации? Я убеждён, что сейчас происходит подмена понятий, молодому поколению промывают мозги. Откуда же возьмётся новая интеллигенция? В стаде она точно не появится...

Сегодня Кишинёв похож на бомжа, на которого надели стеклянные бусы, налили стакан вина и сказали: «Пляши!». И хотя он пляшет хорошо, но в грязи и за стакан вина, и за стеклянные бусы...Что очень грустно! Но это Мой город, Моя страна! И хоть здесь сейчас, в этом замечательном городе, в этой прекрасной стране творится очень много идиотизма, о чём кричу (!) в своём сатирическом цикле «Сказки из реальной жизни», всё равно это самый любимый город, самая любимая страна. В которой всё ещё будет хорошо. Непременно будет.

РЕАЛИТИ-ФЭНТЕЗИ

Как-то на Центральном рынке столицы появился инопланетянин, торгующий газетами. Откуда он туда свалился, никто и не помнит, но тут представители разных партий стали приглашать его выступить на их стороне. А инопланетянин – парень далёкий (в смысле издалека), в нашей жизни мало что понимает, его покажи по телевизору, он и рад, как ребёнок. Видимо, в той инопланетной цивилизации – это самая высокая честь, когда тебя транслируют в телеэфире. А здесь на тебе, такая удача, а вдруг сигнал с его изображением долетит до его родной планеты, глядишь, слава пойдёт по всей вселенной!

– Конечно, конечно! – говорили партийные представители, – конечно, конечно! И не только во всей вселенной, но и за пределами её! Поэтому срочно баллотируйся в президенты нашего государства! Тогда тебя каждый день по телевизору будут показывать!

– А газеты я смогу продавать на базаре? – спросил задумчиво гуманоид, – если нет, тогда я не согласен! Просто здесь на базаре весело, я тут всем нравлюсь...

– Конечно, конечно! – засуетились партийные представители, – а в газетах этих как раз твои портреты будут, а ещё и по телевизору каждый день, да что там, каждый час, а то и каждую минуту! – Эх! И загорелся гуманоид этой идеей, стал срочно готовиться в президенты!

И вот тут-то судьба злодейка обломила высоко-лунные замыслы пришельца и его сподвижников. Да, да, весь базар, конечно же, проголосовал бы за инопланетянина, но базар – это же не вся страна... И разозлился гуманоид не на шутку, стал выходить на главную площадь столицы и кричать во всё горло о нарушении прав человека. Тогда ему объяснили: при чём тут он, гуманоид, до человека?! Права человека нарушались, нарушаются и будут нарушаться, но он-то тут совершенно ни при чём!

Тогда партийные друзья научили его кричать, что нарушаются права гуманоидов в стране! Но на сей раз ему ничего объяснять не стали, а приехали санитары и увезли его в палату для буйных, где он до сих пор и пребывает, грустя о базаре и тех друзьях-товарищах, что окружали его в последнее время, ибо он на сто процентов уверен, что здесь, да, именно здесь, в этой уютной психиатрической лечебнице, у них непременно бы всё получилось.

ВСТРЕЧА

Поехал важный человек в Москву-матушку встретиться с другим важным человеком из Москвы-матушки. И оба ж хитрющие-прехитрющие. Каждый себе на уме. Давай кругами друг вокруг друга ходить.

– Так вы нам что?

– Ну, конечно, а вы нам?

– Обязательно...

– Тогда по рукам?

– Договорились. Обнялись, расцеловались, сплюнули и распрощались. А газеты и тут, и там официально сообщили, что переговоры обеих сторон прошли

на высоком уровне и достигли существенного прогресса в завершающей стадии стратегий.

– А мы и не сомневались, – сказал Иваныч, оторвав клочок газеты, что висела на доске объявлений, на цигарку и, уже закуривая, добавил: «Могли бы и не встречаться. Один хрен, толку -то...». Цигарка не тянулась.

– Ээээээ! Тьфу! – махнул рукой и пошёл пиво пить с мужиками. Тут, в пивнухе, разговоры серьёзные, не то что где-то там...

ФУТБОЛ

Решили как-то политики в футбол поиграть на желание. Билеты продали. Конституционный суд в судейство поставили. Одна команда надела красные майки, а другая… разные.

Прозвучал свисток. Мячом завладели «красные», но, почему-то добегая до ворот противника, они разворачивались и возвращались в свою зону. «Странная тактика», – подумал народ на трибунах. Во втором тайме команды поменялись воротами, и мяч уже находился во власти разноцветной команды. И хотя они играли в одной команде, каждый почему-то играл за себя, не передавал пас и пытался придумать свои правила игры. «Красным» это не понравилось, и они всей командой ушли с поля. Прозвучал свисток. Игра закончилась. А зрители в очередной раз подумали: «Зачем мы всё это смотрели, да ещё и за билеты заплатили...».

БОЛЬШАЯ ПОЛИТИКА

Решил как-то один мужик в реке искупаться. Глядь, а вода-то вся красного цвета. «Ладно», – думает, – завтра искупаюсь». Глядь, назавтра – она вся зелёная. «Ну ничего себе!», – думает мужик и приходит на третий день, а вода-то вся синяя. Ещё через день – вообще непонятно какая. «А дай-ка, – думает мужик, – погляжу, кто тут воду мутит». Пошёл он, значит, вверх по берегу, к истоку. Шёл, шёл и вдруг видит – дядьки из палаты белокаменной флаги в реке полощут и при этом орут друг на дружку так, что аж за версту слыхать. Увидали мужика и кричат ему: «Иди отсюда, не видишь мы большую политику творим!». «А!», – сказал мужик и убежал от греха подальше. Купаться с тех пор в реке перестал, так как вода грязней прежнего стала. А тут и рыба в ней вся передохла, потом речка заилилась, берега заросли, а там и усыхать стала, пока совсем не высохла. Оказался как-то мужик у того места, где когда-то источник был. Глядит, на том самом месте лужа огромная, а в ней те же самые дядьки с тряпками возятся, какое-то хрюканье на всю округу разносится. Подходить не стал. Попытался на расстоянии понять, про что хрюкают, да не понял, но догадался – Большую Политику творят!

ВСЁ НА СВЕТЕ – СЕМЕЧКИ...

Съездил Ваня в город семечек не базаре купить. Свои, конечно, в селе есть, но они – не то, не городские. Купил мешок, чтоб и на завтра хватило. Но не довёз обратно. А приключилось с ним вот что... Остановила его налоговая полиция.

Остановила его потом финансовая полиция. Остановила его потом экономическая полиция. Остановила его потом дорожная полиция. Остановила его потом просто полиция... Тянут-потянут...

В общем, разлюбил Ваня семечки.

РЕЧЬ

«Мы продумали всё досконально. Мы вспомнили, взвесили и решили, что с научной точки зрения мы говорим языком, пишем рукой, едим ртом, смотрим глазами и ходим ногами. Наша святая миссия донести это до всех! Кто с этим не согласен, пусть подумает о судьбе народа, который ни в чём не виноват. У нас много сумасшедших: есть те, кто хочет на Луну; есть те, кто ходит с игрушечным танком, и те, кто землю родную горшками раздаривает! А мы думаем и решаем... Вот проведём референдум и решим окончательно, стоит ли нам всё это менять на этой прекрасной земле, на земле изумительных холмов и нашей психиатрической клиники».

А потом снова начались процедуры…

«ЗРЯ РУГАЕШЬ ДОЖДЬ, ЗРЯ ЕГО РУГАЕШЬ»

Дождь шёл и шёл. Улицы города превращались в реки, площади – в озёра, а за городом уже начинался океан. А дождь шёл и шёл. И в это же самое время шло и заседание чрезвычайной комиссии в администрации города. Оно проходило на восьмом этаже, так как первые два этажа были уже затоплены. Поэтому сюда перенесли и буфет. Не пропадать же добру! Представитель метеослужбы обещал ещё неделю осадков, за что его чуть не побили. Но глава администрации города, стукнув по столу кулаком, пресёк беспорядок и, поправив очки, решительным голосом сказал: «Природе не противостоять!».

– Да! Да! Да! – сказали все.

Он опять стукнул по столу и продолжил: «Надо было чистить канализационные стоки!

– Да! Да! Да! – снова загалдели все.

– Но деньги, предназначенные на чистку канализационных стоков, были потрачены на поездку за границу по обмену опытом по проблеме чистки канализационных стоков. Можно, конечно, задействовать противоградовые установки.

– Да! Да! Да! – опять все горячо поддержали и эту идею.

– Но каждый выстрел стоит очень дорого. А денег нет! И даже если нам все-таки выделят деньги на залпы этих самых установок, тогда мы не сможем потратить эту сумму на восстановление города после ущерба, нанесённого стихией. Но! (Тут он выдержал многозначительную паузу. Все заседавшие напряглись, и он продолжил). Но, чтобы вообще не тратить никакие деньги, чтобы вообще ничего не тратить, а также наши нервы, предлагаю! (Опять сделал паузу. Все напряглись ещё больше). Предлагаю превратить наш город во вторую Венецию! А Венеция – ведь это... ЕВРОПЕЙСКИЙ город! К чему мы все так стремились!

Зал разразился аплодисментами, бурными аплодисментами, переходящими в овацию. За сим заседание чрезвычайной комиссии и администрации города было закончено. И все направились в буфет, чего-нибудь перекусить. А ели они, как всегда, как правило, за счёт налогоплательщиков, чьи дома в это время уходили под мутные воды будущей Венеции.

УЛЬТИМАТУМ

Одна Оппозиционная Партия объявила Власти недельный срок, чтоб Власть сама, добровольно ушла в отставку. Власть испугалась, стала собирать чемоданы, а потом думает: «А что, если я не уйду?!». И не ушла. Тогда Оппозиционная Партия сказала, что даёт ей ещё один срок и решительно предупреждает... Власть снова испугалась и снова не ушла. Тогда та самая Партия дала Власти последний срок. Власть и на этот раз проигнорировала сие заявление. Разъярённая Партия прокричала о самом последнем предупреждении срока ухода Власти. На сей раз Власть даже не обратила внимания.

Так же и самое-самое последнее предупреждение пропустила мимо ушей. Тогда Оппозиционная Партия обиделась и сказала, что больше не играет... Вечерело. В песочнице, где проходили бурные дебаты, не осталось никого, кроме кошки, которая что-то закапывала в песок. Что и говорить, на подобную полемику даже животным хочется справить нужду…

ЗАГРАНИЦА НАМ ПОМОЖЕТ

Захотели как-то местные крысы европейского сыра вкусить. А им говорят:

«Попробуйте азиатского! В нём и жирности больше, и весу, да и на вид он приятней.»

«Нет, – говорят местные крысы, – тот, Европейский, с плесенью. Стало быть, дороже, а дороже, значит, качественней. А качественней, значит, вкусней! Да и помойки у них поэлитнее будут. Мы по ним, если договоримся, безвизово бегать будем. А там, глядишь, и вовсе заживём, как в сказке!».

И забрезжил сырный рай в воображении группки особей, называвшейся «Крысиный Альянс». И давай они пищать на всех углах, что Евросыр всех сыров сырней и сырнее. И только на Евросыре мы станем толще и красивей! А Европомойки – это и есть наше будущее!

И давай они просить у Европы сырные гранты и сырные кредиты. А те говорят:

«Да, да, да! Завалим вас всем-всем-всем, чем только захотите и бесплатно-пребесплатно. Ибо только у нас громадные ресурсы сырной массы! Ибо только у нас залежи и горы сырной разновидности, где можно нажраться от пуза всему «Крысиному Альянсу»! Только маленькую-маленькую формальность необходимо зарегистрировать: координация всех процессов с нашей стороны на вашей территориальности. То есть, если вы слушаете и делаете всё, что вам говорят, то за это получаете самый Европейский, самый преЕвропейский, замечательнейший

Евросыр с Европлесенью! Ну, правда, для начала пока только плесень. А потом, потом, потом, глядишь, и до сыра дело дойдёт».

Таковы они, правила туманной перспективы туманной Европы. А за всей этой хмарью, даже если и чувствуется сырный запах, то его самого, вожделенного продукта, не видать. И совсем не известно, когда же рассеется мглистость и рассеется ли вообще. А главное, что туманная пелена не только на горизонте, но и в башках «Крысиного Альянса», которому никак не понять народную мудрость: «Бесплатный сыр – только в мышеловке».

ГРУСТНО

«Человек – это социально-биологическое существо, воплощающее собой высшую ступень в эволюции жизни». И вот это самое социально-биологическое существо почему-то, придя во власть, заряжается энергией маразма. А это уже практика очень низкого сознания, которая поражает огромную часть духовных, моральных, материальных структур мира. Как правило, от этой энергии в полном разрушении нормальная умственная деятельность. И заряженные индивидуумы, не контролируя себя, создают идиотско-абсурдистскую ситуацию жизни, очень веря в гениальность своих идей. А результаты от идей энергии маразма выливаются проблемным дерьмом на головы простых людей. В древних Афинах идиотами называли граждан, не принимавших участие в общественной жизни. Наши же идиоты изо всех сил рвутся в общественную деятельность. В управление этой деятельностью. В управление всем и вся! Всё больше и больше аккумулируя той самой энергии. И не оскудевает маразмирование в головах власть имущих, как бы мы все не жаждали этого. А если известен источник возникновения энергии, то его необходимо погасить, чтобы полностью не превратиться в граждан государства Дураков, где происходит полное удаление от Бога, совести и всех нравственных заповедей! Где законы не писаны или писаны под себя! Где уродство возводится в ранг шедевра, а глупость поощряется наградами! И где легко забываются свои корни, история, язык! Где «за печенье, халву и варенье» готовы землю свою вывозить горшками! Где человек, социально-биологическое существо, уже не воплощает собой высшую ступень в эволюции жизни. А просто существо. Что очень грустно.

НЕ ЛАСКОВЫЙ, НЕ НЕЖНЫЙ ЗВЕРЬ

Ранним утром у стен мэрии появилась большая стая собак. Они принесли градоначальнику те самые отравленные сосиски и колбасу! В пакетах. С благодарностью от братьев меньших, с надеждой, что он сам это отведает, да и советников своих угостит.

Собаки громко лаяли, пока вожак не вышел вперёд. Они замолчали.

– Здравствуй, человек! – сказал он на удивление всех на языке людей. – Что же ты? ЧЕЛОВЕК, а ведёшь себя, как ... (хотел сказать, как животное, но, понимая, что животные так себя не ведут, и, не найдя подходящего сравнения, замолчал).

Жуткая тишина повисла в воздухе. Пёс развернулся и побрёл, а за ним и вся стая. Прочь от этого здания!

Он много чего хотел сказать людям, что за его стенами, но он был собака, а собаки, как известно, не разговаривают. И то, что ему казалось, будто он говорит, так это ему лишь казалось, а говорили только его дворняжьи глаза.

А мэр, как всегда, не вышел, как всегда, закрылся в своём кабинете, как всегда, выжидая, когда ситуация разрешится сама собой. И включив телевизор, чтоб не было скучно, остановил свой взгляд на симпатичной ведущей, которая с экрана цитировала замечательную мысль: «Человек не может стать животным, он может стать только хуже зверя!». И уже от себя добавила: «Или мэром, как наш...». Позже эту программу да и весь канал закрыли.

КРИЧИ – НЕ КРИЧИ…

По длинному коридору важного учреждения удалялись куда-то в темноту два силуэта.

– Я люблю тебя, дядя... – сказал один из них, тот, что повыше.

– И я тебя люблю, дорогой ! Так...что хочу наградить тебя!

– И себя награди, обязательно награди. И мы войдём в историю!

– А если она нам не понравится, то мы выйдем из неё и создадим другую. Но оставим, непременно оставим свой след...

За ними действительно оставались следы грязи, что привело в ярость тутошнюю уборщицу, которая вылила накопившийся гнев в адрес этих призраков. Они тут же растворились, так и не услышав глас народа. Но даже если бы и услышали, то всё равно бы не услышали! Потому что в этом важном учреждении всегда творятся чудеса: если видишь, то не видишь; если слышишь, то не слышишь; если знаешь, то не знаешь... Как в сказке! Потому-то и живут они, как в сказке, а не так, как все остальные. И посему крик уборщицы был «гласом вопиющего в пустыне». Ибо грязь, которую оставляли должностные лица сего учреждения, была нескончаема, сколько её не убирай. И важные люди этой важной организации постоянно осуществляли какие-то важные действия с этой самой грязью: кого-то втаптывали в неё, кого-то смешивали с ней, кого-то закидывали ею или на кого-то лили её, а сами тем временем выходили в князи. Так было всегда. Так было заведено.

... А она всё кричала, кричала, кричала, кричала. А потом взяла веник, совок, ведро, швабру и приступила к своим прямым обязанностям. Не заметив, что когда темнота в конце коридора проглотила те силуэты, вдруг сразу стало как-то чуть-чуть светлее.

Чуть-чуть.

«ВОЙНА БЕЗ ОСОБЫХ ПРИЧИН»

Люди – они вечно чем-то недовольны. То то им не то! То это им не это! А то и не то, и не это! Разделилось общество, как будто его разрубили на две половинки. На тех, кто с кровати вставал с левой ноги и считал это единственно правильным и главным в жизни правилом! И на тех, кто с кровати вставал с правой ноги и так же считал, что именно это и есть наиважнейшая для государства, судьбоносная, первостепенная заповедь! Чего только не услышали обе стороны друг от друга. Какими только гадостями друг друга не поносили. И тупое, баранье упрямство упёрлось несговорчивостью в безмозглую принципиальность, не давая покоя ни одним, ни другим.

И вот однажды те, кто вставал с левой ноги, в центре города громадных размеров щит повесили и написали на нём: «Тот, кто встаёт с правой ноги, – или гость, или идиот, или оккупант!». Это очень зацепило тех, про кого написали, и они тут же повесили щит ещё больших размеров с надписью: «Только дебилы, встающие с левой ноги, могут считать себя здесь хозяевами жизни!». И пошло, и поехало, и понеслось... Плакатные щиты росли как грибы после дождя по всей стране и вскоре заполонили всё государство. И тут как-то вдруг нежданно-негаданно налетел ветер-ураганище. Да такой силы, что билборды те самые давай разлетаться во все стороны. Да как-то так, непонятно как, что, падая, они отрубали ноги и тем, кто ратовал за вставание с правой, и тем, кто требовал вставания с левой. А когда всё поутихло, улеглось, страна снова стала красивой-прекрасивой, как когда-то давно, в уже забытые годы. Безногие люди перестали враждовать, ибо им теперь было абсолютно всё равно, как в этой жизни вставать с кровати. Они теперь просто жили, растили детей. Новое поколение, которое вставало на две ноги сразу. И твёрдо на них стояло.

«ПОЧЕМУ ТАК ЖЕСТОК СНЕГ?»

Снег свалился как снег на голову. И хотя синоптики предупреждали. И хотя...

Да и когда уже видели, как он, кружась заметает столицу, всё равно не верили глазам своим. Как так, снег в апреле?! А наутро схватились за голову, на которую он (снег) и свалился. Кто бы мог подумать, что именно так это всё и произойдёт?! Да никто. Потому что думать ТАМ некому и нечем! И если завтра вдруг (не дай Бог!) циклон вернётся, то всё повторится. Как под копирку. Почему? Да говорю же, потому что ТАМ думать о городе некому и нечем! И вообще, это вовсе не осадки свалились на головы горожан, а дураки ещё раньше, которые страшнее стихии, загадили город! И вот что грустно: снег-то растаял, а дураки ТАМ так и остались.

НЕ ВПЕРВОЙ

«Меня обворовывают точно так же, как и других. Но это хороший знак и показывает, что есть что воровать». (Екатерина Великая)

Наш славный городок, проснувшись утром, вдруг не увидел своего любимого цирка. «Спёрли, то есть украли!» – тут же мелькнуло в головах горожан. И мысль эта была очень даже верная. Ибо если вещь уже более десяти лет никому не ненужная стоит себе у дороги, почему не воспользоваться. В хозяйстве, как говорится, всё пригодится. Вот кто-то и прибрал к рукам. А может, там место такое – аномальное? Раньше с ближайшего кладбища памятники пропадали, старинные скульптуры: ангелы, богини всякие, воины... Правда, их потом видели в огородах близстоящих домов, видимо, вместо чучел. А может, хозяева культурно облагораживали свои дворы. (И это чистая правда, как сказал поэт: «Не единою буквой не лгу»). Только кажется, что воровская аномальная зона охватила уже весь город. А «ненужного добра» у нас стало предостаточно – это и цирк, и Республиканский стадион, и спортивный комплекс «Молдова», который за ночь «улетел», а на его месте клиника образовалась. Прям волшебство да и только. А про многие исторические здания я вообще молчу. С другой стороны, если берут ненужное, то это как бы и не воровство вовсе. И если тем, кто на верхушке власти можно хапать, то почему этим, кто пониже, нельзя? Им тоже хочется. И если один не возьмёт, то другой непременно прикарманит. Потому что нынче Новая Истина в ходу – кто не берёт, тот дурак! Вот только, что потомкам нашим останется? Что им скажем? Да что-нибудь соврём... Не впервой.

МЭЙ! (байка)

Мош Ион стоял на распутье и смотрел на солнце. Как вдруг мимо пронеслась толпа, что-то невнятно орущая.

– Мэй, куда? – крикнул им старик.

– В Европу! – не оборачиваясь и не останавливаясь, истошно проорала толпа. А тут, глядь, другая толпа в противоположную сторону несётся.

– Мэй, куда? – снова крикнул старик.

– В Таможенный союз! – убегая, отвечала толпа. Постоял, постоял мош Ион, плюнул и сказал в пустоту:

– Да идите вы все на... Кто здесь работать-то будет?!

Снова посмотрел на солнце, а оно, не зная, что старику ответить, стало прятаться за тучи.

МОЖЕТ БЫТЬ, КОГДА-НИБУДЬ...

Говорят, что все дороги ведут к Храму. А вот наши все дороги ведут в Костюжены. Причем одним там давно места заготовлены, других же довели обстоятельства. А глянуть на нашу державу со стороны (с любой) или с высоты птичьего по-

лёта, ан и не страна вовсе, а сплошной дурдом. То есть психиатрическая клиника, но без врачей и санитаров. Только больные. Одни больные бестолково кричащие и машущие бумажками, другие им в ответ дули показывающие. Третьи больные бесконечно ставящие заборы, четвертые их бесконечно снимающие. А по определённым дням все (и те, и другие, и третьи) ходят маршем или «по полной отвязываются» на празднике Национального Напитка. А если это происходит из недели в неделю, из месяца в месяц, из года в год, то никого уже ничего не удивляет. И ненормальность становится нормой. И входит в привычку. Привычку быть сумасшедшим. И тогда можно строить мансарды на мансардах. Вносить предложения об элитном двухъярусном кладбище в центре города. Ставить шахматные доски в архитектурно-церковном комплексе. Сносить исторические ценные здания, а на их месте ставить какое-то подобие, утверждая, что в сём новостроевом уродстве и жил классик прошлого века. Ну и, конечно, нормальным для умалишённого будет являться поздравление Ветеранов войны на мусорных баках. До такого пока ни один дурак не додумался, кроме наших, конечно. Чем и гордимся! Поэтому вылечиваться никто не собирается, ибо дураком быть выгодно, дураком быть легче, на них никто не обижается и с них спросу нет. И действительно, кого у нас и о чём спрашивать? Да, а ещё говорят, что дуракам везёт. Верится с трудом. Ну, может быть, авось, как-нибудь, когда-нибудь...

P.S. И всё-таки хочется, очень хочется, чтоб дороги всё же вели к Храму. Может статься, даст Бог, это приведёт к лучшему?..

С. Садовников «Городок»

Александр КОЖУХАРЬ – актёр, шоумен, клоун. Публицист, литератор. Родился в Кишинёве. Окончил Казанское театральное училище. Автор легендарных телепрограмм «Пошёл ты в баню!», «Вот так!», «Клиника», «Накипело». Программа «Вот так!» – участница трёх фестивалей телепрограмм (Сургут, Красноярск, Ялта) – дважды становилась лучшей развлекательной программой года. По его сценариям снято несколько фильмов. Автор книги «Эх, ма!». Печатался в журналах – «Горизонт», «Колумна», «Русское поле»; в молдавских, российских и американских газетах, а также на литпортале «Подлинник». Лауреат различных международных кино- и литературных конкурсов.